

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации **ПИ № ФС 77-21093** от 19 мая 2005 г.)

*Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук
(ред. от 19.02.2010 г.).*

2016

Ежеквартальное издание

№ 3

Основан в 2001 г.

Проблемным советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Учредитель ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*)
доктор политических наук, профессор **Ю. М. Воронов**
доктор философских наук, профессор **Г. С. Смирнов**
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*)
доктор исторических наук, доцент **Д. А. Смирнов**
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.
Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

*Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»
41533

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2016
© ФГБОУ ВПО «Ивановский
государственный университет», 2016

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation of the Law
on Mass Communication and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License **ИИ № ФС 77-21093** on 19.05.2005)

*The journal is peer-reviewed and recommended by the Supreme Attestation Commission
of the Russian Federation to publish main results of Doctors
and Candidates of Sciences dissertations (issued on 19.02.2010)*

2016

Quarterly

№ 3

**Founded in 2001 by the Council «Intelligentsia. Culture. Power»
of the Russian Federation**

Founded by Ivanovo State University

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. of History

Editorial Board

Prof. **Yury Voronov**, Dr. of Politics

Prof. **Grigory Smirnov**, Dr. of Philosophy

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. of History (*Deputy Editor-in-Chief*)

Assoc. Prof. **Dmitriy Smirnov**, Dr. of History

Alexander Kalinin, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. of Sc. (History)

Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. of Sc. (History) (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University*

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

*The e-copy of the issue can be accessed at
www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru, www.cceol.com*

Subscription index
in the «Press of RF» catalogue
41533

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at Ivanovo State University, 2016
© Ivanovo State University, 2016

Редакционный совет

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный политехнический университет; **А. А. Данилов**, Институт Всеобщей истории РАН; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **О. В. Золотарёв**, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина; **Г. Н. Кныш**, Днепропетровский национальный университет (Украина); **И. В. Кондаков**, Российский государственный гуманитарный университет (Москва); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **Г. Н. Кочешков**, Ярославский государственный педагогический университет; **И. В. Купцова**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Д. А. Макеев**, Владимирский государственный университет; **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН (Москва); **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **С. Н. Полторац**, Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций; **Д. И. Польшанский**, Ивановский государственный университет; **В. А. Порозов**, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет; **Е. М. Раскатова**, Ивановский государственный химико-технологический университет; **А. В. Репников**, Российский государственный архив социально-политической истории (Москва); **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **А. А. Соловьёв**, Костромской государственный технологический университет; **В. Л. Соскин**, Новосибирский государственный университет.

Editorial board

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Polytechnical University; **A. A. Danilov**, Institute of General History of the Russian Academy of Sciences; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **O. V. Zolotaryov**, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **G. N. Kocheshkov**, Yaroslavl State Pedagogical Institute; **I. V. Kondakov**, Russian State Humanitarian University (Moscow); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **I. V. Kuptsova**, Moscow State University named after M. V. Lomonosov; **D. A. Makeev**, Vladimir State University; **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **S. N. Poltorak**, St. Petersburg State University of Telecommunications; **D. I. Polyvyanny**, Ivanovo State University; **V. A. Porozov**, Perm State Humanitarian Pedagogical University; **E. M. Raskatova**, Ivanovo State University of Chemistry and Technology; **A. V. Repnikov**, Russian State Archive of Social and Political History; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **A. A. Solovyev**, Kostroma State Technological Institute; **V. L. Soskin**, Novosibirsk State University.

СОДЕРЖАНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Балдин К. Е.* Коллективный портрет земского учителя на рубеже XIX—XX веков (На примере Владимирской и Костромской губерний) 9
- Бушуева Л. А.* «Живое, важное время мы переживаем...»: общественные настроения казанской интеллигенции в годы Первой русской революции 20

СОЦИОЛОГИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Смирнова И. Н., Смирнова А. А.* Особенности социального самочувствия провинциальной учительской интеллигенции в начале XXI века 33
- Пармонова С. П.* Мера интеллигентности студентов (На примере исследования культурной информированности) 56

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Евсеев В. А.* Театрал эпохи Реставрации — С. Пипс 67

ДИСКУССИЯ

- Васильев Н. Н.* Трансформация менталитета и жизнеспособность российской цивилизации 85
- Агеева Е. А.* Западная интеллектуальная элита и феномен «роскошь»: социально-психологический аспект 104

ДЕБЮТ

<i>Тормошева В. С.</i> Постмодернистский / глобальный интел- лектуал в международно-политическом процессе	121
<i>Аннотации</i>	136
<i>Информация для авторов</i>	142

CONTENTS

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Baldin K. E.* A collective portrait of the zemsky teacher at the turn of the XIX—XX centuries (On the example of the Vladimir and Kostroma provinces) 9
- Bushuyeva L. A.* «It's dynamic, important times we have been going through...»: public sentiments of the Kazan intelligentsia in the years of the First Russian revolution 20

SOCIOLOGY OF INTELLIGENTSIA

- Smirnova I. N., Smirnova A. A.* Features of the provincial teachers' intelligentsia social well-being at the beginning of the 21st century 33
- Paramonova S. P.* The level of students' intelligence (On the example of the research on their knowledge of culture) 56

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Evseev V. A.* The theatergoer of the Restoration era — S. Pepys 67

DISCUSSION

- Vasilyev N. N.* Transformation of mentality and viability of the Russian civilization 85
- Ageeva E. A.* Western intellectual elite and the phenomenon of «luxury»: social and psychological aspect 104

DEBUT

<i>Tormosheva V. S.</i> The post-modernist / global intellectual in international political process	121
<i>Annotations</i>	139
<i>Information for authors</i>	142

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)531-283.2+74.03(2)5-41

К. Е. Балдин

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ ЗЕМСКОГО УЧИТЕЛЯ НА РУБЕЖЕ XIX—XX ВЕКОВ (На примере Владимирской и Костромской губерний)

Трудно переоценить значение «Великих реформ», которые были проведены при Александре II и способствовали модернизационному рывку, происходившему в России в пореформенную эпоху. Среди них особое место занимает земская реформа — «Положение» о губернских и уездных органах местного самоуправления, принятое в 1864 г. Значение этого преобразования состоит не только в том, что были созданы эффективные управленческие структуры, но и в том, что к их деятельности были привлечены широкие круги местной общественности. Важность реформы состояла также в том, что она способствовала разрушению отжившей свой век сословной системы, земские собрания являлись бессословными структурами, в которых рядом друг с другом заседали гласные, представлявшие дворян, купечество, мещан и крестьян.

В линейке типичных земских губерний присутствовали Владимирская и Костромская. В то же время эти административные

© Балдин К. Е., 2016

Балдин Кирилл Евгеньевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Ивановского государственного университета. kebaldin@mail.ru

«субъекты» выделялись среди многих других высоким уровнем своего промышленного развития, ведущее положение в них занимала текстильная отрасль. Это стало одной из причин того, что земства двух рассматриваемых губерний были по большей части «богатыми», т. к. они имели возможность собирать налоги не только с земли, но и с многочисленных торгово-промышленных заведений. Недюжинные материальные возможности этих земств позволяли им тратить на различные социокультурные и экономические проекты немалые средства.

Деятельность земств Владимирской и Костромской губерний в последнее десятилетие привлекала внимание исследователей, которые работали как в крупнорегиональных масштабах, так и на материалах отдельных уездов. Объектами их внимания становилась земская медицина¹, хозяйственная деятельность органов местного самоуправления², а также просопографическая тематика³.

Лучше всего в последнее десятилетие освещена деятельность губернских и уездных земств рассматриваемых губерний в сфере народного образования. В первую очередь это касается развития начальных школ. Авторами статей по этой тематике стали Ж. А. Подольская⁴, С. Ю. и Ю. Ю. Иерусалимские⁵, а также К. Е. Балдин⁶. В исследовательское поле в последнее время попали и земские библиотеки, деятельность которых до этого была почти не исследована⁷. В то же время можно констатировать, что ученые, занимавшиеся историей земской школы в регионе, не уделяли специального внимания земскому учительству.

Хотя развитие народного образования не входило в список обязательных функций земства, но со временем органы местного самоуправления стали воспринимать его наряду с медициной в качестве важнейшего поприща земской деятельности. Траты на строительство школ, снабжение их мебелью, учебниками, наглядными пособиями и канцелярскими товарами стояли обычно на первом или втором местах в расходной части местных бюджетов наряду с расходами на медицинское обслуживание населения. В своеобразном земском лексиконе появилось понятие «третий элемент». Первым из них считались властные правительственные структуры, вторым — выборные земские гласные, а третьим — наемные земские служащие, т. е. врачи, фельдшеры, учителя,

агрономы, статистики и др. На протяжении всего рассматриваемого периода происходило складывание самого многочисленного профессионального отряда земской интеллигенции — педагогических кадров начальной школы. В данной статье речь пойдет лишь о численности и составе педагогической корпорации; такие проблемы, как профессиональная подготовка педагогов и их материальное положение, заслуживают специального внимания и особых публикаций.

В 1860—70-х гг. подавляющее большинство учителей, как и в первой половине этого столетия, составляли представители духовенства, причем не только священники, но и диаконы, и даже причетники. По данным за 1872 г., в Суздальском уезде числились всего два педагога-мирянина⁸.

В 1880-х гг. происходят важные кадровые изменения, с каждым годом всё больше педагогов-мирян приходят работать в земские школы. В местном журнале «Вестник Владимирского губернского земства» даже было высказано более чем экзотическое, весьма спорное предположение о том, что это происходит оттого, что в России наблюдается якобы «избыток образованных людей»⁹. В Меленковском уезде в 1894 г. трудились четыре десятка учителей и столько же законоучителей. В то же время здесь насчитывалось всего несколько врачей и около десятка лиц младшего медицинского персонала. Сравнительно небольшим по численности был и аппарат земской управы: четверо ее членов, бухгалтер, его помощник, страховой агент, два заведующих отделами, архивариус, регистратор и два писца — всего 13 человек¹⁰.

По Владимирской губернии за 1880—90-е гг. численность учителей возросла почти в четыре раза. В 1878 г. здесь в различных типах начальных школ работали 383 педагога, в 1888 г. — 591 чел., в 1901 г. — 1467 чел. Аналогичные сквозные данные по Костромской губернии имеются за пятьдесят лет. В 1863—1872 гг. здесь в среднем за десятилетие в начальных школах насчитывалось всего-навсего 98 учителей, в 1873—1882 гг. — 207, в 1883—1892 гг. — 344, в 1893—1902 гг. — 534, в 1903—1912 гг. — 1091 чел.¹¹ Как наглядно свидетельствуют эти цифры, численность педагогов в начальной школе росла особенно быстрыми темпами в начале XX в., когда началась реализация проекта П. А. Столыпина по введению всеобщего начального образования.

Уже в конце XIX столетия в земской школе сложился особый тип учителя-энтузиаста, воспитанного на идеях Пирогова, Ушинского, Вахтерова и других замечательных отечественных педагогов¹². Таких подвижников, которые сеяли «разумное, доброе, вечное» среди многих поколений учеников, во Владимирской и Костромской губерниях было немало. Дети, в свою очередь, платили им уважением и любовью. Земским учителям удалось вывести в люди многих способных и более того — талантливых самородков из народной среды. Уроженец Муромского уезда академик Иван Михайлович Губкин, основатель отечественной нефтяной геологии, с огромным уважением и любовью вспоминал своего первого учителя — Н. Ф. Сперанского, который заразил его страстью к знаниям. Впоследствии Губкин вспоминал: «Уже одно то, что мы... попали в сельскую школу, казалось нам неизъяснимым блаженством»¹³.

Немаловажное значение для характеристики состава учителей имеет такой показатель, как стаж их профессиональной деятельности. Последний во многом определял уровень квалификации учителя и соответственно — качество его работы. Наиболее ранние репрезентативные данные об этом имеются по 1890-м гг. В 1897 г. в Юрьевском уезде максимальный стаж составлял у одного из учителей 23 года, здесь же работали земские педагоги со стажем от 15 до 20 лет. Число опытных учителей старшего и среднего возраста постепенно росло; это были люди, которые пришли в земскую школу еще в 1880—90-х гг. и продолжали трудиться на ниве просвещения в начале XX в. В 1903 г. в суздальском земстве служили 10 педагогов со стажем более 25 лет, 3 — от 20 до 25 лет, 4 — от 15 до 20 лет, 4 — от 10 до 15 лет и 11 — от 5 до 10 лет¹⁴.

В начале XX в., когда в рассматриваемых губерниях были построены сотни новых школ, в них пришли из гимназий и семинарий сотни совсем юных учителей. В 1903 г. в суздальском земстве из 63 земских педагогов 31 человек проработал в школе менее пяти лет, в шуйском земстве в 1914 г. стаж менее пяти лет имели 47 % педагогов, 16 % работали в школе от 5 до 10 лет, 18 % — от 10 до 20 лет, 12 % — от 20 до 30 лет и только 7 % — более трех десятков лет¹⁵.

Большинство педагогов оставались верны избранной ими жизненной траектории на протяжении всей своей профессиональной карьеры. Определенная текучесть кадров наблюдалась только среди учительниц — недавних выпускниц гимназий, они чаще других покидали педагогическое поприще, разочаровавшись в нем. «Наиболее устойчивыми учителями и учительницами, — говорилось в отчете о начальных школах Юрьевоцкого уезда за 1907 год, — являются лица, окончившие курс в мужских и женских учительских семинариях»¹⁶.

Другой важной качественной характеристикой учителей является их социальная и сословная принадлежность. Как уже отмечалось выше, в 1860—70-х гг. подавляющее большинство педагогов в земской школе составляли священнослужители (священники, диаконы) и церковнослужители (псаломщики, дьячки), которые сплошь и рядом являлись как законоучителями, так и преподавателями общеобразовательных дисциплин. С 1880-х гг. начинаются изменения в сословном составе учителей. Известный русский педагог В. П. Вахтеров в «Журнале Министерства народного просвещения» отмечал знаменательную для своего времени тенденцию — увеличение числа педагогов, являвшихся выходцами из крестьянской среды. Он считал, что именно такие наставники, максимально близкие к народу, нужны для успешного образования и воспитания крестьянских детей¹⁷.

Правда, такие положительные изменения не были однозначными, и это можно проследить на примере Костромской губернии. Среди учителей-мужчин в 1899 г. больше всего было представителей именно крестьянского сословия — 29,9 %, духовенства и их детей — 28,3 %, мещан — 19,8 %, дворян — только 4,3 %. Сословный состав учительниц выглядел по-иному. Здесь принадлежавших к крестьянству было только 5,7 %, дочерей духовных лиц — 24,8 %, выходцев из семей чиновников — 22,2 %, дворянок — 20 %¹⁸.

С годами изменился и половой состав земских педагогов. Первоначально женщин среди них почти не было. В суздальском земстве в 1870-х гг. работали тридцать учителей и всего три учительницы. В 1880-х гг. женщин здесь становится больше, но по данным за 1886/87 учебный год представители сильного пола в земских школах пока преобладали¹⁹. Аналогичное положение

наблюдалось и в целом по стране. В 1880 г. в сельских школах европейской части России насчитывалось всего 4878 учительниц — только 20 % от общего числа педагогов²⁰.

На рубеже XIX и XX столетий в земские школы приходят работать сотни (движимых энтузиазмом) юных девушек — выпускниц женских гимназий, что существенно изменило гендерную ситуацию в педагогической среде. Об этом наглядно свидетельствуют обобщающие данные за 1898 г. по Костромской губернии: здесь на 160 учителей приходилось 317 учительниц, таким образом, женщины составляли около двух третей от общего числа земских наставников. В Юрьевском уезде в 1897 г. в земских школах трудились 33 женщины и 14 мужчин. В 1902 г. здесь же насчитывалось всего лишь 6 учителей и 41 учительница, за пять лет число мужчин в этой профессии сократилось вдвое²¹.

В целом по Владимирской губернии в 1883 г. среди земских учителей мужчин было 74 %, в 1894 г. — 57 %, в 1898 г. — 44 %, в 1905 г. — 33 %, в 1910 г. — только 28 %²².

Накануне революции 1917 г. феминизация педагогической профессии продолжалась, в том числе и вследствие внешних обстоятельств. В Костромской губернии к 1914 г. женщины составляли 80 % педагогов начальной школы. С началом Первой мировой войны в связи с уходом на фронт части учителей-мужчин доля последних уменьшилась в Костромской губернии с одной пятой до одной шестой²³.

Состав учителей по их семейному положению имел свои отличительные особенности. По данным за 1913 г., в Ковровском уезде женатых учителей-мужчин было всего 29 %. Что касается учительниц, то они почти все были не замужем²⁴. Аналогичная картина наблюдалась и в других уездах двух рассматриваемых губерний. Учительнице (как, впрочем, и учителю) было весьма затруднительно найти себе подходящую пару в окружающем ее (его) социуме. Искать среди крестьян мешали социально-психологические барьеры, в уездный же, а тем более — в губернский центр педагоги приезжали очень редко.

Некоторые земства умудрялись даже усугублять эту сложную ситуацию. На Шуйское уездное земское собрание в 1904 г. был внесен доклад управы «О брачном быте учителей». Толчком для разработки его послужило принятое за несколько лет до этого

решение Петербургской городской думы об увольнении находившихся у нее на службе учительниц сразу после их выхода замуж. Орган столичного самоуправления мотивировал это тем, что учительница, обремененная семейными заботами, будет «манкировать» своими профессиональными обязанностями. Шуйская управа предлагала распространить подобную же практику в своем уезде. Однако гласные отвергли это предложение, которое в случае своей реализации ввело бы дискриминацию по гендерному признаку²⁵. Вместе с тем, даже когда в брак выступал педагог-мужчина, то он предварительно испрашивал на то разрешения у уездного училищного совета. Такого рода рапорты об изменении семейного положения сохранились в архивных фондах²⁶.

Женатые (замужние) педагоги чаще всего составляли семейные пары. Из 150 земских учительниц, работавших в кинешемском земстве, замужних было всего 26, большинство из них имели мужьями коллег-учителей. В школах Ковровского уезда в 1913 г. работали десять таких супружеских пар. Они складывались обычно тогда, когда учителя только готовились к педагогическому поприщу, получая свое профессиональное образование²⁷.

Обычно глава педагогического семейства являлся в школе заведующим, а жена была вторым учителем. Так, Артемовской школой в Судогодском уезде руководил Ф. С. Волосов, он преподавал в двух старших отделениях ее, а его жена — В. И. Волосова вела занятия в младшем — самом многолюдном отделении²⁸.

По крайней мере, половину педагогов в земской школе составляли законоучителя, хотя на них приходилась меньшая часть учебной нагрузки. Они преподавали Закон Божий, занятия по нему составляли 25 % всего объема недельного расписания уроков, также они вели тесно связанный с Законом Божьим церковнославянский язык. Законоучитель как педагог находился в двойном подчинении. По «мирской» линии его контролировал уездный училищный совет, а также земская управа. С другой стороны, священник должен был ежегодно представлять своему окружному благочинному отчет о состоянии школы в религиозно-нравственном отношении, в том числе об успехах в преподавании Закона Божия. Благочинные, в свою очередь, представляли отчеты о том же в епархиальный центр — в духовную консисторию. Для назначения на должность законоучителя требовалось согласие

епархиальной духовной консистории и благословение правящего архиерея²⁹.

Учителя в школе время от времени менялись, а священник преподавал в ней Закон Божий на протяжении всего своего служения в приходе, затем здесь продолжал законоучительствовать его зять, по неписаной традиции определявшийся в тот же храм. В списках педагогического персонала одного и того же училища десятилетиями встречаются одни и те же фамилии законоучителей. Обычно у священников они были звучными, иногда даже замысловатыми. Например, во Владимирском уезде на законоучительских должностях трудились такие сельские батюшки, как Неаполитанские, Лекторские, Галяревские, Колокшанские, Афонские, Снятиновские, Левитские, Преферансовы и др. Такие фамилии давались им во время учебы в семинарии³⁰.

На рубеже XIX и XX вв. в провинциальной глубинке открывались десятки и сотни новых школ, в учебном процессе оказались задействованы практически все священники и даже диаконы. В результате возник дефицит законоучителей, который становился всё более острым. В частности, в 1904 г. на это жаловалось шуйское земство. Сельский иерей в это время часто преподавал уже не в одном, а одновременно в двух-трех училищах, которые порой были расположены довольно далеко от приходского центра. Это приводило к срывам занятий, программа Закона Божия выполнялась не полностью. Шуйское земское собрание отмечало, что нехватка законоучителей серьезно препятствует открытию новых школ³¹.

В этих условиях земства поставили вопрос о том, чтобы учителя общеобразовательных предметов получили право преподавать Закон Божий. Они ссылались на статью 15 «Положения о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 г., в котором говорилось, что этот предмет имеют право преподавать не только священнослужители, но и светские лица по представлению их училищными советами и по утверждению их в епархии³².

Духовное начальство было не против допуска светских лиц к преподаванию Закона Божия, но с тем непременным условием, что они должны иметь определенный образовательный ценз: духовное училище для мужчин или епархиальное — для женщин. Каждое такое назначение производилось с санкции духовного

начальства, причем требовалось благословение не благочинного, и даже не викария, а самого владыки, управлявшего епархией. Например, в Шуйском уезде в 1900 г. в 59 земских школах Закон Божий вели священники, в 6 — диаконы и в 8 — светские лица с духовным образованием³³. В 1904 г. Судогодское уездное собрание в связи с нехваткой законоучителей-священников подняло вопрос о предоставлении права преподавать Закон Божий всем учителям вне зависимости от того, какое учебное заведение они закончили. С аналогичными ходатайствами выступили многие земства в целом по стране, а не только во Владимирской губернии. В 1906 г. Синод, наконец, дал согласие на это с той оговоркой, что наставники должны были «отличаться доброй нравственностью»³⁴.

Таким образом, педагоги являлись самым многочисленным профессиональным отрядом земской интеллигенции. Численность этой социально-профессиональной группы служащих местного общественного самоуправления увеличивалась наиболее динамично по сравнению с другими сегментами земского «третьего элемента». В то же время следует отметить чрезвычайную разобщенность земских учителей, которые жили далеко друг от друга, и возможностей для общения им предоставлялось очень мало. Встречаться было и негде, и некогда, т. к. интенсивность их работы была очень высокой.

Уровень профессиональной подготовки земских педагогов, как правило, ограничивался средним образованием, большинство из них имели свидетельства об окончании епархиального училища, учительской или духовной семинарии, педагогического класса гимназии. Но это вовсе не означало, что квалификация этих специалистов была «средней». Педагоги с длительным стажем работы являлись настоящими специалистами своего дела. Они несли в широкие массы крестьянского населения знания и культуру, пользовались уважением и любовью своих учеников и их родителей.

Примечания

¹ Корсун В. П. Развитие участковой земской медицины в Кинешемском уезде в конце XIX — начале XX в. // Краеведческие записки. Иваново, 2006. Вып. 9. С. 93—98.

- ² *Петровичева Е. М.* Земство и кооперация накануне Первой мировой войны (На материалах губерний Центральной России) // Вестник Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых. Сер.: Социальные и гуманитарные науки. 2015. Вып. 1 (5). С. 23—32.
- ³ *Ставровский Е. С.* Земский деятель Дмитрий Константинович Бальмонт // Рождественский сборник. Ковров, 2011. Вып. 18. С. 113—116.
- ⁴ *Подольская Ж. А.* Деятельность уездных земских управ Владимирской губернии в решении вопросов народного образования в пореформенный период // Рождественский сборник. Ковров, 2010. Вып. 17. С. 199—202 ; *Она же.* Духовно-нравственное воспитание в народных школах Владимирской губернии в пореформенный период // Там же. 2011. Вып. 18. С. 82—85.
- ⁵ *Иерусалимский Ю. Ю., Иерусалимская С. Ю.* Проблемы развития земской школы в российской провинции в начале XX века (По углическим материалам) // Рождественский сборник. Ковров, 2008. Вып. 15. С. 46—50 ; *Иерусалимская С. Ю.* Становление и развитие земских школ Верхнего Поволжья в пореформенное время (1860—1890-е гг.) // Борисовский сборник. Иваново, 2013. Вып. 3. С. 131—151.
- ⁶ *Балдин К. Е.* Земские школы Южского края в конце XIX — начале XX в. // Пожарский альманах. Иваново ; Южа, 2009. Вып. 5. С. 38—43.
- ⁷ *Соловьев А. А.* Земские библиотеки Иваново-Вознесенска и Шуи в конце XIX — начале XX в.: сравнительная характеристика // Краеведческие записки. Иваново, 2007. Вып. 10. С. 152—159.
- ⁸ Владимирский земский сборник. 1873. № 7. С. 96—97, 104.
- ⁹ Вестник Владимирского губернского земства. 1887. № 19. С. 663.
- ¹⁰ Журналы очередного Меленковского уездного земского собрания 1894 г. Владимир, 1895. С. 177.
- ¹¹ Владимирский земский сборник. 1878. № 12. С. 109 ; 1890. № 3. С. 143 ; Вестник Владимирского губернского земства. 1901. № 22/23. С. 79 ; Очерк народной школы в Костромской губернии. Кострома, 1913. С. 65.
- ¹² Кинешемский календарь-ежегодник на 1916 г. Кинешма, 1916. С. 16.
- ¹³ См.: *Чернов Г. И.* Страницы прошлого : из истории дореволюционной школы Владимирской губернии. Владимир, 1970. С. 15.
- ¹⁴ Журналы очередного Юрьевского уездного земского собрания 1897 г. Владимир, 1898. С. 148 ; Доклады очередного Суздальского уездного земского собрания 1903 г. Владимир, 1904. С. 118.
- ¹⁵ Доклады очередного Суздальского уездного земского собрания 1903 г. С. 118 ; Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1914 г. Шуя, 1915. С. 251, 252.

- ¹⁶ Государственный архив Ивановской области. Ф. 162. Оп. 2. Д. 1697. Л. 11.
- ¹⁷ Владимирский земский сборник. 1874. № 6. С. 57; Вестник Владимирского губернского земства. 1891. № 20. С. 959.
- ¹⁸ Народное образование в Костромской губернии. Земская школа по сведениям за 1898—1899 гг. Кострома, 1899. Вып. 1. С. 25.
- ¹⁹ Владимирский земский сборник. 1875. № 7. С. 84; Журналы очередного Суздальского уездного земского собрания 1887 г. Владимир, 1888. С. 33.
- ²⁰ Сельские училища в Европейской России и Привислинских губерниях. СПб., 1884. С. LI.
- ²¹ Журналы очередного Юрьевского уездного земского собрания 1897 г. С. 111; Журналы очередного Юрьевского уездного земского собрания 1902 г. Владимир, 1903. С. 48; Народное образование в Костромской губернии. Земские школы по сведениям за 1898—1899 гг. С. 20.
- ²² *Дидрихс А. В.* Быт учителей Ковровского уезда // Врачебно-санитарная хроника Владимирской губернии. 1913. № 12. С. 2.
- ²³ Отчет по дирекции народных училищ Костромской губернии за 1914 гражданский год. Кострома, 1915. С. 24, 54; Отчет по дирекции народных училищ Костромской губернии за 1916 гражданский год. Кострома, 1917. С. 34; Костромское губернское земство. Отдел народного образования. Начальные училища Костромской губернии в 1914—1915 учебном году. Кострома, 1916. С. XVIII.
- ²⁴ *Дидрихс А. В.* Указ. соч. С. 4.
- ²⁵ Журналы Шуйского уездного земского собрания 1904 г. Владимир, 1904. С. IX, 83.
- ²⁶ Государственный архив Владимирской области (далее — ГАВО). Ф. 1139. Оп. 1. Д. 5. Л. 76.
- ²⁷ Доклады Кинешемской уездной земской управы. Кинешма, 1913. С. 98; *Дидрихс А. В.* Указ. соч. С. 5.
- ²⁸ ГАВО. Ф. 449. Оп. 2. Д. 573. Л. 5—7.
- ²⁹ Там же. Ф. 1139. Оп. 1. Д. 13. Л. 77; Ф. 556. Оп. 1. Д. 4147. Л. 1.
- ³⁰ Журналы очередного Владимирского уездного земского собрания 1897 г. Владимир, 1898. С. 32—35.
- ³¹ Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1904 г. С. 73—75.
- ³² Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1865. Т. 3 : 1855—1864 гг. С. 1229.
- ³³ ГАВО. Ф. 449. Оп. 2. Д. 614. Л. 20.
- ³⁴ Там же Ф. 379. Оп. 1. Д. 995. Л. 1; Журналы очередного Шуйского уездного земского собрания 1904 г. С. 73—75.

Л. А. Бушуева

**«ЖИВОЕ, ВАЖНОЕ ВРЕМЯ МЫ ПЕРЕЖИВАЕМ...»:
ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ
КАЗАНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ
В ГОДЫ ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ**

Первая русская революция 1905—1907 гг. стала переломным этапом в общественно-политической жизни России. Одним из существенных факторов, активно воздействующих на развитие событий в эти годы, были перепады настроений различных социальных групп. Интеллигенция сыграла особую роль в развитии революционных событий 1905—1907 гг. Не случайно русский философ С. Н. Булгаков назвал «русскую революцию» «интеллигентской», а саму интеллигенцию — ее «руководящим духовным двигателем»¹. В данной статье рассматриваются общественные настроения различных групп интеллигенции губернской Казани в период Первой русской революции.

В начале XX в. Казань представляла собой один из ведущих провинциальных образовательных, научных и культурных регионов Российской империи. Она являлась столицей обширной Казанской губернии, а также центром крупного учебного округа. Здесь функционировал целый ряд высших и средних учебных заведений: один из старейших в стране Казанский Императорский университет, Ветеринарный институт, Духовная академия, в стадии становления находились Казанские высшие женские курсы². Представители интеллигенции — люди, имевшие высшее образование, занимающиеся умственным трудом, играли немало важную роль в жизни этого города. Казанская интеллигенция была представлена широким слоем врачей, юристов, чиновников,

---

© Бушуева Л. А., 2016

Бушуева Людмила Александровна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела новейшей истории Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан. bushueva9@mail.ru

служащих, а также профессорами, преподавателями и учащимися высших и средних учебных заведений.

Забастовочное движение, развернувшееся в стране после расстрела 9 января 1905 г. мирной демонстрации в Петербурге, вызвало рост протестных настроений и в Казанской губернии. Среди казанской интеллигенции наиболее активно радикальный настрой продемонстрировали учащиеся высших учебных заведений, в частности студенты Казанского университета. Как и во многих других российских университетах, довольно значительная их часть находилась под влиянием идей нелегальных социалистических организаций. Еще во второй половине XIX в. студенты университета и ученики казанских мужских гимназий входили в народовольческие и марксистские кружки. Как принято считать, в деятельности марксистского кружка под руководством Н. Е. Федосеева принимал участие студент юридического факультета Казанского университета В. И. Ульянов. В начале XX в. отдельные студенты и гимназисты были членами казанской группы РСДРП и комитета Партии социалистов-революционеров³. Это не означало, что в период Первой русской революции радикальные устремления владели умами всех казанских учащихся. Однако именно идеи нелегальных организаций социал-демократов и партии социалистов-революционеров оказывали наибольшее воздействие на студентов, отличавшихся оппозиционной активностью⁴.

Уже 18 января 1905 г. казанские студенты объявили о забастовке, на которой, кроме академических требований, высказались и за политические преобразования, такие как созыв Учредительного собрания, установление равноправия всех граждан, свобода слова, печати, организация народной милиции, 8-ми часовой рабочий день, улучшение условий труда рабочих и т. д.⁵ Аналогичные резолюции были приняты и студентами Казанского Ветеринарного института. Под давлением студенческих беспорядков университет закрыли, и занятия в нем не возобновлялись вплоть до сентября 1905 г.

Другой группой казанской интеллигенции, оказавшейся вовлеченной в революционные события, стали профессора и преподаватели Казанского университета. Большинство из них были приверженцами либеральных воззрений. Так, ряд профессоров

уже в начале 1905 г. заявили о своей принадлежности к Академическому союзу, являвшемуся, по мнению исследователя российского высшего образования А. Е. Иванова, «самой кадетской» частью Союза союзов⁶. В числе казанских ученых — членов Академического союза были А. В. Вишневецкий, В. С. Груздев, Н. П. Загоскин, Э. К. Мейер, Н. А. Миславский, Н. Н. Парфентьев, А. Ф. Самойлов, Н. Н. Фирсов и др.⁷ Всего, по сведениям 1905 г., в состав Академического союза вошло 57 человек из Казани⁸.

Значительная часть казанских преподавателей, как и их коллеги в других российских университетах, остро ощущали идейные противоречия с властью. По их мнению, главным условием правильной организации университетской жизни являлась автономия по образцу западных учебных заведений⁹, в то время как в российских университетах с 1884 г. действовал Устав, подвергавший их повсеместной бюрократической опеке со стороны Министерства народного просвещения и попечителей учебных округов.

Профессорский Совет Казанского университета в целом сочувственно отнесся к студенческому движению. Он поддержал создание студенческого органа самоуправления «Союзный совет Казанского университета», а также выступил с рядом обращений к министру народного просвещения, в которых требовал возвращения университетской автономии. В университетской среде происходящие общественные перемены в этот период революции с воодушевлением воспринимали даже приверженцы консервативных взглядов. Как писал профессор А. И. Александров: «Живое, важное время мы переживаем и нельзя не участвовать в жизни — она сама влечет в себя, заставляя жить каждый день новым и новым»¹⁰.

Обнародование «Временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения» 27 августа 1905 г., возвратившее важные начала автономной коллегиальной самоорганизации, а также октябрьские события в стране, вызвало сильнейший всплеск оппозиционных настроений в среде университетской интеллигенции. На университетских митингах из уст лидеров местных нелегальных социалистических организаций стала звучать открытая пропаганда вооруженного восстания и призывы о свержении монархического

стройка. Тот факт, что радикальная часть казанских учащихся была готова к совершению насильственных действий, подтверждает существование в этот период лаборатории для изготовления бомб, организованной Казанским комитетом РСДРП в квартире студента университета на одной из центральных улиц города — Большой Проломной¹¹.

Однако у ряда представителей интеллигенции возросшая в разы революционная активность молодежи вызвала неприятие, усилила растерянность и ощущение глубокого общественного кризиса. Агрессивные призывы немедленно свергнуть существующий строй казались крайне безрассудными. Кроме того, они подогрели антиреволюционные настроения среди интеллигенции. Так, помимо либерально настроенного большинства, в профессорском Совете стала всё более активно проявлять себя небольшая группа приверженцев правых взглядов. Ее лидером стал профессор юридического факультета В. Ф. Залеский — как он сам себя охарактеризовал — «убежденный консерватор, монархист, русский националист»¹². Антиреволюционные силы, недовольные действиями казанских революционеров, стали консолидироваться и в других слоях населения. Стихийные погромы, учиненные ими после обнародования Манифеста 17 октября и в дни Всероссийской политической стачки, во многом способствовали поражению радикальной интеллигенции в дни так называемой «Казанской республики».

Если на начальном этапе революции в среде казанской интеллигенции наибольшую активность проявляли представители университетского сообщества, то объявление Манифеста 17 октября вовлекло в общественно-политическую жизнь широкие слои интеллигенции. Как писал известный общественный деятель профессор Казанского университета Г. Ф. Шершеневич: «Теперь никто уже, кажется, не сомневается, что мы переживаем выдающийся исторический момент. На наших глазах разворачивается великая русская революция...»¹³

В Казани начали создаваться местные организации российских политических партий. В октябре 1905 г. возник казанский комитет Конституционно-демократической партии¹⁴. Казанские интеллигентные круги стали ядром этой организации, составляя 60 % от всего состава. Сюда входили преподаватели высших

и средних учебных заведений, адвокаты, чиновники, большая часть которых имела юридическое образование. Как и в партии конституционных демократов в целом, в Казанском комитете заметную роль играли преподаватели университета: А. В. Васильев, Г. Ф. Шершеневич, А. А. Пионтковский, Б. К. Поленов, Н. Н. Фирсов, Д. Н. Зейлингер, В. Н. Ивановский и др. По данным 1908 г., в кадетской партии состояли 22 профессора и 9 приват-доцентов университета. Практически все они участвовали в деятельности этой организации до 1917 г.¹⁵ Местную кадетскую организацию также поддерживала часть студентов университета и Ветеринарного института. Их деятельность обычно протекала в рамках легальных кружков. К примеру, Юридическое общество при университете почти полностью состояло из кадетов. Среди членов партии были и представители татарской общественности: Ю. Х. Акчурин, С. Ш. Алкин и др.¹⁶

В ноябре 1905 г. возникла организация умеренно либерального толка «Казанская партия манифеста 17 октября», в которую входили земские деятели, преподаватели университета, профессора М. Я. Капустин, И. А. Праксин, В. И. Разумовский и др.

Представители интеллигенции Казанской губернии принимали участие в создании не только объединений либерального направления, но и в организации движения правомонархического характера. В 1905 г. в Казани появилась первая в губернии правомонархическая, национально-русская политическая организация — Казанский отдел «Русского Собрания»¹⁷. Его председателем стал А. Т. Соловьев — казначей университета. Хотя численность Казанского отдела «Русского Собрания» была невысокой, он считался одним из самых авторитетных отделов «Русского Собрания»¹⁸. С журналом «Деятель», который выпускало это общество, сотрудничали такие представители казанской интеллигенции, как профессора В. Ф. Залеский, К. С. Мережковский, Н. А. Засецкий, А. И. Александров, М. И. Догель, Н. Ф. Катанов¹⁹.

Объявленная в начале 1906 г. избирательная кампания в первую Государственную думу, регулировавшаяся указом от 11 декабря 1905 г. «Об изменении Положения о выборах в Государственную думу и изданных к нему дополнений», вызвала новый подъем общественных настроений как по всей России, так и в Казани. Несмотря на то, что избирательного права была лишена

значительная часть населения, а куриальная избирательная система была ограничена различными цензами, современники осознавали, что начавшиеся выборы депутатов — поистине уникальное историческое событие. Впервые российское население получило возможность легально отстаивать свои политические взгляды и интересы, самостоятельно выдвигать своих представителей во властные структуры²⁰. Казанская пресса передавала атмосферу всеобщего оживления и эмоционального подъема в время проведения выборов: «В эти дни выбора выборщиков Казань впервые жила политической жизнью на улицах. Всюду шла агитация, наиболее горячо развертываясь у избирательных участков... В день подачи бюллетеней настроение повысилось настолько, что к урнам пришло от 43 до 90 процентов избирателей»²¹. Участник этих событий, депутат первой Государственной думы от Казанской губернии И. Е. Лаврентьев писал: «Мы — современники и очевидцы этой редкой страницы родной истории — невыразимо счастливы, что на своем веку прожили некоторое время и видели вокруг настоящую жизнь — полную энергии, одушевления, жажды подвига, братского единения и содружества»²².

Главными действующими лицами первой предвыборной гонки в Казанской губернии, как и в других регионах Российской империи, стали Конституционно-демократическая партия в союзе с «Иттифак аль-муслимин» и Союз 17 октября. Победу одержала партия кадетов. Не в последнюю очередь успех в Казанской губернии обеспечили ее активные деятели — профессора Казанского университета М. М. Хвостов и А. В. Васильев, а также адвокат А. Г. Бать и общественный деятель С. Алкин. Эти люди были широко известны в городе, являлись популярными общественными деятелями, поэтому их выступления на избирательных собраниях пользовались неизменным успехом, особенно среди интеллигенции, и оказали сильное влияние на предпочтения избирателей. В Государственную думу прошли профессор А. В. Васильев и Г. Ф. Шершеневич.

Вместе с российской общественностью казанцы восторженно приветствовали торжественное открытие в Петербурге первой Государственной думы 27 апреля 1906 г. Во многих крупных городах России в этот день царил атмосфера всеобщего ликования, по свидетельству современников, по своей значимости

он был вполне сопоставим с днем отмены крепостного права — 19 февраля 1861 г.²³ Сходные настроения наблюдались и на улицах Казани. Так, здание, в котором размещалась редакция газеты «Казан мухбире», было иллюминировано, а вечером с лодок на озере Кабан пускались ракеты²⁴.

Воодушевление интеллигентских слоев Казани и их надежды выразились в большом количестве приветственных писем и телеграмм в адрес первого парламента. Настроения общественности в полной мере отразились в телеграмме ректора Казанского университета Н. П. Загоскина: «Исполненный сознания великого исторического значения переживаемого момента Совет Казанского университета просит вас передать первому собранию изблюбленных представителей Русской земли его сердечный привет и горячее пожелание успеха в предстоящей ответственной и трудной работе... За вами доверие, надежды и поддержка всего великого русского народа»²⁵.

Деятельность первой Думы, имевшей ярко выраженный оппозиционный характер, как известно, не была продолжительной. Указом от 9 июля 1906 г. она была распущена. Вслед за этими событиями последовало разочарование общественности и утрата политических иллюзий и надежд²⁶. Уже в конце 1906 г. в политической жизни Казани наступила пора затишья. Известный казанский публицист Н. Я. Агафонов писал К. Д. Корсакову в октябре 1906 г.: «В Казани идет монотонная вялая жизнь... дело, по видимому, входит в свою колею. Что дальше — неизвестно...»²⁷

Избирательные кампании второй и третьей Государственных дум прошли в атмосфере пессимизма и пассивности. Во многом этому способствовало усилившееся повсеместное давление власти на ход предвыборной кампании²⁸.

После своего завершения события Первой русской революции в последующие годы продолжали оказывать влияние на настроения казанцев. Новые общественные и политические явления прочно вошли в повседневную жизнь обывателей. Образованные горожане проявляли стойкий интерес к работе Государственной думы. Казанские газеты довольно много писали о ходе ее работы, о деятельности депутатов от Казанской губернии и о посещении Казани народными избранниками²⁹.

Революционные события дали новый импульс общественной жизни казанцев. В послереволюционные годы в городе функционировал целый ряд добровольных самодеятельных ассоциаций неполитического характера. Горожане охотно объединялись в разнообразные научные, благотворительные, спортивные общества, общества «по интересам». О росте гражданского самосознания свидетельствовало появление после революции самодеятельных организаций женщин, ранее слабо задействованных в общественной сфере. Так, кроме дамского благотворительного общества, в Казани с 1909 г. функционировала организация женщин-врачей³⁰.

С другой стороны, после окончания революции продолжал усиливаться раскол казанской интеллигенции по политическому признаку. Идею противостояние представителей «правых» и «левых» течений разворачивалось, главным образом, на страницах местной прессы. Так, известные в городе сторонники консервативных взглядов главный редактор газеты «Казанский телеграф» Н. А. Ильяшенко и студент юридического факультета Казанского университета П. Я. Полетика стали авторами ряда публикаций в «Казанском телеграфе», направленных против приват-доцента университета Г. А. Вацура и других «левых» профессоров³¹. Корреспондент газеты «Камско-волжская речь» отмечал: «...г. Ильяшенко за последнее время положительно специализировался на Казанском университете, чуть не в каждом номере обливая потоками грязи профессоров Гольдгаммера, Пионтковского, Зейлингера, Поленова...»³² В свою очередь Ильяшенко и Полетика также становились объектами нападок со стороны либеральной прессы³³.

Если для многих обывателей первые послереволюционные годы проходили в целом безболезненно, то отдельные слои российской интеллигенции определяли этот период как время тяжелейшего духовного и идейного кризиса. «Едва ли когда-нибудь русское общество и, в особенности, та его часть, которая именуется интеллигенцией, — переживали такой смутный и такой тягостный для них исторический момент, как в настоящее время», — писал известный либеральный деятель Н. А. Гредескул³⁴.

Некоторые представители казанской интеллигенции оказались подверженными психическим расстройствам вследствие

революционных событий. Так, профессор медицинского факультета Казанского университета В. П. Осипов в докладе, прочитанном на заседании Общества невропатологов и психиатров при Казанском университете в 1910 г., приводил интересные случаи из своей практики, в которых «только что пережитые политические катаклизмы послужили причиной окончательного душевного разлада». Он сообщал, что курировал одного профессора, занимавшего высокий служебный пост, который, «всцело примыкая к пожеланиям освободительного движения», вместе с тем «как старый законник, оказался в тисках неотмененных старых положений. На почве этого конфликта развился целый ряд страхов, приведших к тяжелому психозу»³⁵. Кроме того, в послереволюционный период казанская пресса констатировала рост числа суицидов, в особенности среди молодых людей, причиной которых, согласно предсмертным признаниям самих самоубийц, стали «разочарования в жизни»³⁶.

Потеря душевного равновесия в эти годы остро ощущалась и среди студенчества. Бывшие лидеры радикального движения были деморализованы политическими репрессиями, а рядовые участники университетских митингов 1905 г. не решались вернуться к оппозиционной деятельности. Этот вынужденный отказ от прежних высоких революционных идеалов пагубно сказывался на состоянии молодых людей. В 1908 г. бывшая участница социал-демократического движения из Казани писала своему знакомому о том, как сжигала старые письма политического содержания в страхе перед обыском. Особенно тяжело, по ее словам, она переживала утрату писем от 1905 г., полных «силы, энергии, энтузиазма», вместо них ей остался «кошмар какой-то позади и полная неизвестность впереди»³⁷.

Избегавшие арестов участники социал-демократического движения всеми силами пытались сохранить видимость борьбы. Однако и они признавали, что «глухие годы» крушения революционных надежд сильно «отзовутся на психике... товарищей»³⁸. Как отметил историк А. Е. Иванов, «меланхолия, словно эпидемия» охватила российское студенчество. В послереволюционные годы многие студенты также, как и их предшественники, искренне желали кардинальных перемен в стране. Однако вследствие репрессивного режима, установленного в учебных заведениях

министром народного просвещения А. Н. Шварцем, они уже не решались на активные открытые выступления³⁹. На фоне упаднических настроений радикального студенчества в данный период в среде казанских учащихся отмечалось усиление влияния «правых» воззрений. Об этом свидетельствует появление таких организаций, как «Казанское общество русской монархической молодежи»⁴⁰, «Кружок монархической молодежи “Беркут”»⁴¹.

В целом характеризуя настроения интеллигенции Казани в период Первой русской революции, можно сказать следующее. На начальном этапе революции в интеллигентских слоях наиболее ярко проявились настроения оппозиционного характера, главным образом среди профессоров и преподавателей Казанского университета и учащихся высших и средних учебных заведений города. Среди казанской интеллигенции именно эти две группы продемонстрировали наибольшую активность. Если преподаватели в большинстве своем были сторонниками либеральных воззрений, то в среде студентов, участвовавших в оппозиционном движении, доминировали идеи социал-демократов и партии социалистов-революционеров. При этом революционная активность учащихся к октябрю 1905 г. приняла крайне радикальный характер. В это время именно стены университета стали местом консолидации общественных настроений города. Провозглашение Манифеста 17 октября 1905 г. и начало избирательной кампании в первую Государственную думу в начале 1906 г. вовлекли в общественно-политическую жизнь широкие слои казанской интеллигенции. Получив возможность легально отстаивать и выражать свои политические взгляды и интересы, они приняли участие в создании и деятельности политических партий разных направлений. Влияние политических настроений на интеллигенцию в этот период было настолько велико, что целый ряд ее представителей порывали с основной профессиональной деятельностью и становились на стезю профессиональной политики. К примеру, в это время от университетской карьеры отошли профессора Г. Ф. Шершеневич, А. В. Васильев, М. Я. Капустин.

В свою очередь, участие представителей интеллигентских слоев в таких различных по своему характеру политических организациях, как Казанский комитет Конституционно-демократической партии, Казанский отдел «Русского собрания», «Казанская

партия манифеста 17 октября», свидетельствовало о размежевании казанской интеллигенции по политическому признаку и привело к обострению конфликтов между представителями различных политических взглядов.

Созыв первой Государственной думы был встречен казанскими интеллигентами с воодушевлением. Однако быстрый роспуск первого парламента, притеснения властями деятелей либерального и «правого» движения и, наконец, Указ 3 июня 1907 г. повлекли за собой массовое разочарование и утрату былых политических иллюзий и надежд. Особенно остро душевный разлад в послереволюционный период переживали представители молодого поколения — бывшие активные участники студенческого движения, уже не имевшие сил «бороться» за радикальные идеалы. Упадническим настроениям было подвержено и новое поколение казанских учащихся. С другой стороны, Первая русская революция, несомненно, способствовала росту гражданского самосознания образованных жителей Казани и активизации общественной жизни города.

Примечания

- ¹ См.: Вехи : сб. ст. о русской интеллигенции. М., 1909. С. 29.
- ² *Султанбеков Б. Ф.* Эволюция политических взглядов профессоров и преподавателей высших учебных заведений Поволжья (1905 — февраль 1917 г.) // Ученые записки Казанского государственного педагогического университета. 1977. Вып. 173. С. 3.
- ³ *Щетинина Г. И.* Студенчество и революционное движение в России, последняя четверть XIX в. М., 1987. С. 208 ; *Хасанов Х. Х.* Казань в годы первого штурма царизма. Казань, 1985. С. 18—35 ; *Лившиц С. Е.* Очерки истории казанской социал-демократии (1888—1916) : ч. 1 // Пути революции. 1922. № 1—2. С. 85—142.
- ⁴ *Корбут М. К.* Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет, 1804/05—1929/30 : в 2 т. Казань, 1930. Т. 2. С. 213.
- ⁵ Там же. С. 212.
- ⁶ *Иванов А. Е.* Первая русская революция и профессура высших учебных заведений. Всероссийский академический союз: идеология, политическая деятельность // Вопросы социально-экономического развития и революционного движения в России : сб. тр. М., 1977. Вып. 48. С. 105.

- ⁷ История Казанского университета / гл. ред. И. П. Ермолаев. Казань, 2004. С. 225.
- ⁸ *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. С. 110.
- ⁹ *Ростовцев Е. А.* Университет столичного города (1905—1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 279.
- ¹⁰ Письмо А. И. Александрова Д. А. Корсакову от 8 июня 1905 г. // Национальный музей Республики Татарстан (далее — НМ РТ) : Отдел хранения документальных источников (далее — ОХДИ). Ед. хр. А. 1. КППи-123666-92. Л. 1 об.
- ¹¹ *Лившиц С. Е.* Указ. соч.
- ¹² *Залеский В. Ф.* Опыт характеристики. Харьков, 1914. С. 2.
- ¹³ *Шершеневич Г. Ф.* Революция и гражданское уложение // Право. 1906. № 1. С. 8.
- ¹⁴ История татар с древнейших времен : в 7 т. Казань, 2013. Т. 7. С. 97.
- ¹⁵ Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 506.
- ¹⁶ История татар с древнейших времен. Т. 7. С. 97.
- ¹⁷ Там же. С. 106.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Университет и город в России (начало XX века). М., 2009. С. 509.
- ²⁰ Выборы в I—IV Государственные думы Российской империи : воспоминания современников : материалы и документы. М., 2008. С. 6.
- ²¹ Цит. по: *Усманова Д. М.* Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России, 1906—1907. Казань, 2006. С. 12.
- ²² *Лаврентьев И. Е.* Выборы от крестьян в Казанской губернии // Выборы в I—IV Государственные думы... С. 261.
- ²³ Выборы в I—IV Государственные думы... С. 31.
- ²⁴ *Усманова Д. М.* Указ. соч. С. 48.
- ²⁵ НА РТ. Ф. 977. Оп. Совет. Д. 11274. Л. 109.
- ²⁶ *Каминка А.* Третий академический съезд // Право. 1906. № 1. С. 300.
- ²⁷ НМ РТ. ОХДИ. Ед. хр. А. 2. КППи 123666-77. Л. 3 об.
- ²⁸ *Кизеветтер А. А.* На рубеже столетий : воспоминания // Выборы в I—IV Государственные думы... С. 410.
- ²⁹ В Казань приезжает В. М. Пуришкевич. Лекция В. М. Пуришкевича // Казанский телеграф. 1911. 5 июня.
- ³⁰ Очерки городского быта дореволюционного Поволжья. Ульяновск, 2000. С. 447.
- ³¹ Революционная агитация с кафедры финансового права в Казанском университете // Казанский телеграф. 1909. 8 янв. С. 3.
- ³² Еще о проводах Полетики : маленькая хроника // Камско-Волжская речь. 1910. 24 марта. С. 4.

³³ Там же.

³⁴ *Гредескул Н. А.* Общество, реакции и народ // Зарницы : лит.-полит. сб. СПб., 1909. № 2. С. 267.

³⁵ Общество невропатологов и психиатров // Камско-Волжская речь. 1910. 10 апр. С. 2.

³⁶ Покушение террористки на самоубийство // Камско-Волжская речь. 1910. 28 марта ; Статистика самоубийств // Там же. 5 авг. ; Самоубийство студента // Там же. 13 июля.

³⁷ Цит. по: *Могильнер М. Б.* Мифология подпольного человека: радикальный микрокосм в России начала XX в. как предмет семиотического анализа. М., 1999. С. 79.

³⁸ *Аросев А. Я.* Казань — в глухие годы (1906—1909 гг.) // Пути революции. 1922. № 1—2. С. 42.

³⁹ *Иванов А. Е.* Мир российского студенчества, конец XIX — начало XX века. М., 2010. С. 272—273.

⁴⁰ История татар с древнейших времен. С. 112.

⁴¹ Кружок монархической молодежи «Беркут» // Камско-Волжская речь. 1910. 23 марта.

ББК 60.543.132.1

И. Н. Смирнова, А. А. Смирнова

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО САМОЧУВСТВИЯ ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ УЧИТЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

На современном этапе развития российского общества возрастает значение интеллектуального фактора, проявление которого неразрывно связано с активностью интеллигенции. Н. П. Пигалева в своих работах еще в начале 2000-х годов отмечала, что эта многочисленная и сложная социальная общность играет всё большую роль в политической, экономической и культурной жизни России¹. От общественно-политической и профессиональной активности этой группы во многом зависит выбор путей и направлений развития страны².

---

* Редколлегия вводит новую рубрику, в которой планируется публиковать исследования по социологическим наукам.

© Смирнова И. Н., Смирнова А. А., 2016

Смирнова Инна Николаевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и управления персоналом Ивановского государственного университета. kodina_inna@mail.ru

Смирнова Анастасия Александровна — ведущий документовед кафедры социологии и управления персоналом Ивановского государственного университета. nastaska-smirnova@rambler.ru

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 15-03-00833 «Философия глобального сознания в контексте человеческой революции: философско-методологические и когнитивно-семиотические проблемы».

Одной из самых массовых групп российской интеллигенции всегда оставалось учительство³. Сфера его профессиональной деятельности — образование и воспитание — выступает фундаментом формирования гражданской позиции. Именно учителя участвуют в реализации процесса трансляции знаний, они — главный актор первой ступени образовательного процесса, который готовит человека к дальнейшему повышению образования.

Особенно важна роль учительской интеллигенции в провинции, которая сохранила и продолжает сохранять национальный характер России, ее особый образ жизни⁴. Провинциальная интеллигенция, в отличие от ориентированной на потребительские ценности столичной элиты, во все времена лучше понимала специфику ситуации в России, глубинный характер культуры, бережнее относилась к духовным основам быта, социальной и государственной жизни.

Между тем современное учительство испытывает на себе все сложности и противоречия общесистемной трансформации общества и процессов, происходящих в сфере образования. Наблюдаются такие негативные тенденции, как снижение престижа учительства, отсутствие интереса к профессии со стороны молодежи, старение педагогических кадров, отток квалифицированных специалистов в другие сферы. Остаются актуальными вопросы материального, социокультурного статуса учительства, проблемы адаптации к новым условиям и социального самочувствия педагогов. Социальное самочувствие при этом выступает базовым фактором, фиксирующим разницу между уровнем притязаний учителей и степенью удовлетворения их смысложизненных потребностей. Цель нашего исследования — изучение социального самочувствия учительской интеллигенции Ивановского региона в период реформирования системы образования с использованием авторской методики.

Социальное самочувствие: операционализация понятия

В настоящее время ни в отечественной, ни в зарубежной социологии, несмотря на кажущуюся простоту и очевидность, не сложилось однозначной трактовки понятия «социальное самочувствие». На его сложную природу и междисциплинарный характер указывается в работах О. Л. Барской, О. В. Луневой, Г. Л. Воронина, Л. И. Михайловой и др.⁵

В широком смысле социальное самочувствие определяется эмоционально-оценочным отношением индивида к социальной реальности, изменениям, происходящим в обществе; базисными представлениями о своем месте в структуре общества в данный период времени. В узком смысле социальное самочувствие — это субъективная оценка человеком различных факторов своей жизнедеятельности. В связи с разнообразием его трактовок довольно сложно определить единый набор индикаторов, позволяющих охарактеризовать социальное самочувствие. Выбор данных индикаторов зависит от характера и цели исследования, а также от его эмпирического объекта.

В рамках данной статьи *под социальным самочувствием понимается целостная характеристика восприятия действительности с позиции определенной ценностной установки в динамической социокультурной среде*⁶. Состояние социального самочувствия имеет объективное и субъективное основания. Объективное основание отражает аспекты эмоционально-оценочного отношения индивидов к системе существующих социальных взаимоотношений и своему социальному статусу, измеряется через достаточность/недостаточность объективных условий для реализации собственных притязаний. Субъективное основание отражает восприятие индивидом благополучия собственной жизни и измеряется через удовлетворенность/неудовлетворенность своими жизненными достижениями, условиями существования.

Несмотря на обилие индикаторов социального самочувствия, подавляющее большинство российских исследовательских компаний (например, ВЦИОМ, Левада-центр, ФОМ) проводят социологические измерения социального самочувствия населения России, применяя упрощенные методики, включающие оценку материального положения семьи на момент исследования, оценку уровня жизни семьи через один-два года, уровень адаптированности к происходящим в стране переменам. Применить подобные методики к измерению социального самочувствия провинциального учительства не представляется возможным, поскольку перечисленные индикаторы затрагивают только степень доступности тех или иных социальных благ, но не профессиональные характеристики, цели и достижения. Для преодоления этих несоответствий предложена авторская методика.

Методика измерения социального самочувствия провинциальной учительской интеллигенции

Эта методика продолжает исследовательские традиции кафедры социологии и управления персоналом ИвГУ⁷ и опирается на методику М. Д. Красильниковой, которая предлагает изучать социальное самочувствие через вычисление индивидуальных и средних показателей (индексов), отражающих разницу положительных и отрицательных ответов респондентов на определенный перечень вопросов⁸.

Мы предлагаем изучать социальное самочувствие учителей через следующие индексы:

- ✓ престиж профессии,
- ✓ профессиональная идентичность,
- ✓ материальное положение,
- ✓ удовлетворенность жизнью и профессией,
- ✓ оценки реформирования системы образования.

Индекс *престижа профессии* раскрывается через перечень вопросов об общественном престиже профессии учителя в стране и регионе. Он отражает степень уважения, которым пользуется индивид как представитель этой группы. Выполняя функцию саморегулирования поведения личности, престиж служит стимулятором активности, направленной на самоутверждение, реализацию своих творческих возможностей, завоевание признания окружающих.

Индекс *профессиональной идентичности* исследуется через уровень профессиональной идентичности и степень мотивации педагогов к профессиональной деятельности. Под профессиональной идентичностью понимается то, кем, прежде всего, себя ощущает педагог. Исследование уровня профессиональной мотивации педагогов показывает наличие или отсутствие желания работать с максимальной отдачей профессии.

Индекс *материального положения* педагогов во многом обусловлен процессом реформирования образования. Модернизация системы образования связана, прежде всего, с переводом школ на подушевое финансирование. Этот индекс позволяет измерить материальные возможности педагогов (среднюю заработную плату), материальную удовлетворенность

учителей, а также сделать прогнозы динамики их материального положения через 1—2 года.

Индекс *удовлетворенности жизнью и профессией* включает в себя частные индексы социального настроения, удовлетворенности жизнью в целом, а также удовлетворенности различными параметрами, связанными с профессией.

Индекс *оценки реформирования системы образования* предполагает изучение отношения учителей к реформам, проводимым на федеральном и региональном уровнях.

Частные индексы социального самочувствия рассчитываются путем усреднения значений индивидуальных индексов по соответствующей группе вопросов, задаваемых респондентам. Обобщенные индексы вычисляются аналогичным образом по средним значениям ряда выделенных показателей. Наконец, сводный индекс социального самочувствия получен в результате суммирования показателей обобщенных индексов. Таким образом, индивидуальные индексы и сводный ИСС (индекс социального самочувствия) изменяются в интервале значений от 0 до 200, причем показатели менее 100 означают преобладание отрицательных оценок.

Перечисленные индексы позволят изучить особенности социального положения учителей в российском обществе, выявить основные проблемы, с которыми сталкиваются педагоги, а также измерить их социальное самочувствие и степень удовлетворенности различными параметрами жизни и профессии.

Предлагаемая методика была апробирована летом и осенью 2015 года на учителях Ивановской области, работающих в различных типах образовательных учреждений. В опросе приняли участие учителя из областного города, районных городов и сельской местности (N = 200).

Престиж профессии: субъективное восприятие учителей

Престиж профессии можно определить как авторитет, уважение к профессии со стороны общества, репутацию профессии в социуме, ее положение в иерархии относительно других профессий в представлениях людей⁹.

Престиж профессии учителя в современном российском обществе нельзя охарактеризовать однозначно. С одной стороны,

профессия учителя выступает одной из самых уважаемых, почетных и ответственных. С другой стороны, социальная привлекательность и престиж профессии учителя за последние время, по мнению самих учителей, достигли предельно низкого уровня. Мнения россиян относительно престижности профессии учителя также разделились: 47 % опрошенных считают, что профессия учителя не пользуется уважением в обществе, а 43 % респондентов полагают, что профессия учителя является в обществе уважаемой¹⁰. Наблюдается противоречие, при котором уровень образования и общественная значимость труда школьных учителей уступают «в весе» стратификационным критериям «доход» и «престиж» как в общественном мнении населения, так и в самооценках самих специалистов.

Таблица 1

**Оценка престижа профессии учителя в России
и в Ивановской области в зависимости от возраста респондентов, %
(N = 200)**

Оценка	Возрастные группы							
	23—35 лет		36—45 лет		46—55 лет		56—65 лет	
	Россия	Ивановская обл.	Россия	Ивановская обл.	Россия	Ивановская обл.	Россия	Ивановская обл.
Высокая	5,5	6,7	11,1	12,5	0,0	2,6	0,0	4,2
Средняя	40,0	26,7	44,4	43,8	23,8	23,7	2,1	25,0
Низкая	35,0	20,0	38,9	31,3	59,5	47,4	75,0	45,8
Очень низкая	20,0	46,7	5,6	12,5	16,7	26,3	22,9	25,0
<i>Индекс</i>	90,5	66,7	111	112,5	47,3	52,6	4,2	58,4

Результаты опроса фиксируют отрицательный индекс престижности профессии учителя. Однако педагоги Ивановской области региональный престиж профессии учителя оценивают выше (65,0), чем общероссийский (46,8). Такие данные, вероятно,

обусловлены субъективным восприятием своей профессии и результатов труда на региональном образовательном рынке.

Интересная тенденция наблюдается в оценке престижности профессии в зависимости от возраста педагогов (табл. 1). Так, педагоги в возрасте 36—45 лет положительно оценили престиж профессии учителя (и региональный — 112,5, и общероссийский — 111). Что касается молодых учителей в возрасте 23—35 лет, то они оценивают общероссийский престиж профессии выше — 90,5, нежели региональный. Можно предположить, что молодые учителя тесно связывают престиж и материальное вознаграждение за труд.

Результаты опроса показали, что педагоги, которые работают в лицее и гимназии, считают свою профессиональную деятельность престижнее (62,4), чем учителя, которые работают в общеобразовательной школе (37,1). Статус учебного заведения традиционно влияет на представления о престижности самой профессии (табл. 2).

Таблица 2

**Престижность профессии учителя
в зависимости от типа учреждения, % (N = 200)**

Престиж профессии	Тип учреждения		
	Общеобразовательная школа	Лицей, гимназия	Частная школа
Высокий	2,5	3,1	2,3
Средний	16,0	28,1	21,1
Низкий	65,4	37,5	58,6
Очень низкий	16,0	31,3	18,0
<i>Индекс</i>	37,1	62,4	46,8

Следует сказать и о зависимости мнения учителей о престиже профессии от поселенческого фактора. Результаты опроса показали, что в малом городе престижность профессии учителя оценивается предельно низко (всего 7 пунктов). Учителя сельской местности оценивают престиж своей профессии ниже (37,1), чем учителя областного центра (65). Это объясняется

ограниченными возможностями «развития» учителей в малом городе, в то время как в сельской местности и областном центре реализуется программа поддержки молодых учителей.

Итак, исследование зафиксировало отрицательные оценки престижа профессии учителя, которые определяются возрастом педагогов, местом их проживания, а также типом образовательного учреждения. При этом региональный престиж профессии выше, чем общероссийский. В целом отметим, что престиж профессии учителя напрямую зависит от престижа образования в обществе, положения дел в системе образования на всех ее уровнях.

Профессиональная идентичность провинциального учительства

Важным фактором формирования характера социального самочувствия служит идентификация личности в социальном пространстве. Одним из компонентов социального самочувствия учителей Ивановской области является профессиональная мотивация. Два главных мотива, которые повлияли на выбор профессиональной деятельности учителей — это «работа с детьми, желание делиться с ними знанием, опытом» (48,3 %) и «интерес к учебному предмету, к профессии в целом» (52,7 %). При этом для половины учителей пенсионного возраста профессия была призванием, мечтой (45,8 %), в то время как каждый пятый учитель в возрасте от 23 до 35 лет пришел в профессию случайно (табл. 3). Обнаруживается противоречие: старение педагогических кадров во многих исследованиях учительства описывается как отрицательная тенденция российского образования. Однако именно эти учителя осознанно выбрали свою профессию, а следовательно, уровень их профессиональной идентичности гораздо выше, чем у молодых педагогов.

Чтобы определить профессиональную идентичность педагогов, им предлагалось ответить на вопрос о том, что для них значит профессия в первую очередь. Для учителей независимо от типа учреждения, в котором они работают, профессия, прежде всего, — это «самоотдача в деле воспитания новых поколений».

Таблица 3

**Мотивы выбора профессии
в зависимости от возраста респондентов, % (N = 200)**

Основной мотив (несколько вариантов ответа)	Возрастные группы			
	23—35	36—45	46—55	56—65
Мечта детства, призвание всей жизни	23,8	27,8	20,9	45,8
Работа с детьми, желание делиться с ними знанием, опытом	33,3	55,6	60,5	43,8
Интерес к учебному предмету, к профессии в целом	66,7	27,8	58,1	58,3
Продолжение семейной традиции	4,8	22,2	14,0	2,1
Влияние других учителей (личный пример)	19,0	16,7	27,9	27,1
Высокая заработная плата	4,8	5,6	0,0	0,0
Так сложились обстоятельства, не было другого выбора	23,8	16,7	16,3	18,8
Затрудняюсь ответить	0,0	5,6	0,0	0,0

Чтобы выяснить, насколько существенны могут быть различия в самооценках профессиональных успехов учителей и их социального самочувствия, в анкету были включены вопросы о профессиональных достижениях и целях. Наибольшую уверенность в том, что личный и профессиональный успех достигнут, демонстрируют учителя в частных школах с платным обучением.

Индекс профессиональной подготовки в данных школах составляет 166,7. Это можно объяснить следующим: а) высокие профессиональные качества лучше всего ценятся в платных школах, и немалое число обеспеченных родителей готово оплачивать высокий профессионализм; б) педагоги в таких школах считают себя профессионалами высокого уровня уже потому, что их работа хорошо оплачивается. Средне оценивают свои профессиональные и личные успехи учителя обычных общеобразовательных, а также государственных специализированных школ, статус которых сейчас почти сравнялся со статусом обычных школ.

Анализируя профессиональные цели учителей, отметим, что на первый план педагоги выдвигают такие цели, как «помочь учащемуся раскрыть свои способности», «дать прочные знания по предмету», «научить жить в современном обществе», «формировать самостоятельность и инициативу учеников». Это подтверждает тезис о том, что в современных условиях перед учителями стоит задача сформировать и развить личностный потенциал подрастающего поколения (табл. 4).

На социальное самочувствие учителей влияет адаптация педагогов к современным условиям информатизации системы образования. Выявлено, что индекс удовлетворенности компьютерной грамотностью в областном центре выше (134,6), чем в малом городе (120,0) и поселке, деревне (109,1). Однако, вопреки расхожему мнению о трудностях адаптации педагогов к процессам компьютеризации в сельских школах, учителя удовлетворены своей компьютерной грамотностью.

Профессиональная идентичность провинциальных учителей отражает высокий уровень их компетентности. Мотивы выбора профессии, профессиональные цели и достижения иллюстрируют главный смысл педагогической профессии — желание воспитать будущее поколение, передать ему свой опыт и помочь раскрыть личностный потенциал. Данные исследования подтверждают ориентацию провинциальных учителей на классическую модель отечественного образования, когда учитель являлся наставником, воспитателем, другом. В современной системе образования эти качества больше не востребованы: учитель является лишь преподавателем какого-либо предмета, оказывает образовательную услугу.

Таблица 4

**Профессиональные цели учителей
в зависимости от типа учреждения, % (N = 200)**

Профессиональные цели учителей	Тип учреждения					
	Общеобразовательная школа	Ранг	Лицей, гимназия	Ранг	Частная школа	Ранг
Подготовить учеников к выбору и освоению профессии	20,7	6	45,5	3—4	26,7	4
Научить жить в обществе (общаться, соперничать)	58,5	2	45,5	3—4	40,0	3
Помочь учащемуся раскрыть свои способности	59,8	1	72,7	1	66,7	1
Дать прочные знания по предмету	34,1	4	48,5	2	53,3	2
Сформировать качества делового человека	1,2	10	15,2	6—8	13,3	7—8
Научить воспринимать ценности культуры	12,2	8—9	15,2		6,7	9—11
Формировать самостоятельность, инициативу	22,0	5	33,3	5	20,0	5—6
Воспитывать терпимость к чужому мнению	12,2	8—9	0,0		13,3	7—8
Ориентировать на знание и уважение законов	7,3	10	3,0	9	6,7	9—11
Развить гражданские качества и патриотизм у учеников	13,4	7	15,2	6—8	20,0	5—6
Научить вести здоровый образ жизни	36,6	3	0,0		6,7	9—11
Подготовить к семейной жизни, воспитательной деятельности	1,2	11	0,0		0,0	

Материальное положение учительства

Значительное внимание в процессе реформирования системы образования уделяется улучшению материального положения педагогов. Однако именно материальное положение выступает фактором, которым учителя не удовлетворены в большей степени.

Одной из задач модернизации системы образования являлось доведение заработной платы педагога до средней по экономике региона. Ивановская область по этому показателю в 2015 году занимала 77 место в России, средняя заработная плата составила 21 065 руб. Оценивая свой доход в абсолютных показателях, 44,9 % учителей областного города указали, что средний заработок в месяц на одного члена семьи составляет 11—20 тыс. руб., половина педагогов малых городов и 45,5 % из сельской местности указали 6—10 тыс. руб.

Таблица 5

Оценка среднего дохода семьи в зависимости от места проживания, % (N = 200)

Доход семьи	Место проживания		
	Областной центр	Малый город	Поселок, деревня
Денег хватает на все, чтобы ни в чем себе не отказывать (автомашина, квартира, земельный участок, отдых на курортах мира и т. д.)	2,6	0,0	0,0
Покупка большинства товаров длительного пользования (холодильник, телевизор, стиральная машина, мебель и т. д.) не вызывает у нас трудностей	19,2	3,3	4,5
Денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, более крупные покупки приходится откладывать на потом	62,8	76,7	68,2
Денег хватает только на продукты питания и коммунальные услуги	14,1	20,0	27,3
Денег не хватает даже на питание, не говоря уже об остальном	1,3	0,0	0,0
<i>Индекс</i>	106,5	83,3	77,2

Доход на одного члена семьи учителей различается в зависимости от типа учреждения: в общеобразовательных школах, в лицее и гимназии у половины учителей он составляет порядка 11—20 тыс. руб. Большой процент учителей, работающих в частной школе, отметили, что их доход выше и составляет 21—30 тыс. руб.

Стоит отметить, что самооценка учителей своего материального положения совпадает с ответами на вопрос о доходах семьи. Так, на вопрос «Как Вы охарактеризуете доход вашей семьи» большинство учителей не зависимо от места проживания ответили, что «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, более крупные покупки приходится откладывать на потом» (табл. 5).

Таблица 5 показывает, что материальное положение педагогов в малом городе и сельской местности еще более затруднительно: каждый четвертый респондент указал на очень низкий уровень материальной обеспеченности, сопоставимый с чертой бедности (вариант ответа «денег хватает только на продукты питания и коммунальные услуги»).

Таблица 6

**Основные источники дохода учителей
в зависимости от места проживания, % (N = 200)**

Источники дохода (несколько вариантов ответа)	Место проживания		
	Областной центр	Малый город	Поселок, деревня
Личная заработная плата	93,6	100,0	100,0
Заработная плата мужа (жены)	46,2	33,3	27,3
Пенсии и (или) пособия	42,3	66,7	59,1
Личное подсобное хозяйство	10,3	40,0	45,5
Дополнительная работа вне школы, не связанная с учебной деятельностью	3,8	3,3	4,5
Репетиторство	16,7	13,3	9,1
Доходы от сбережений	3,8	0,0	0,0
Коммерческая (предпринимательская) деятельность	5,1	0,0	0,0
Материальная помощь родственников	7,7	16,7	9,1

На основе результатов исследования мы отмечаем разнонаправленность источников дохода учителей. В малом городе, поселке и деревне в дополнение к личной заработной плате источниками дохода выступают пенсии и пособия, а также личное подсобное хозяйство. Это, прежде всего, обусловлено тем, что в сельской местности преобладающее число учителей — представители старшей возрастной категории. Что касается учителей из областного центра, то они отмечают среди дополнительных средств заработка репетиторство и коммерческую деятельность (табл. 6).

Обратимся к оценке педагогами своего материального статуса в сравнении с представителями других профессий. Исследование показало, что учителя Ивановского региона оценивают свое материальное положение как схожее с положением медицинских работников и работников социальной сферы (табл. 7).

Таблица 7

**Оценка педагогами своего материального положения
в сравнении с представителями других профессий, % (N = 200)**

Сопоставимые профессиональные группы	Материальное положение		
	лучше	примерно такое же	хуже
Медицинские работники	5,4	60,5	34,1
Работники социальной сферы	14,3	73,8	11,9
Работники торговли	14,3	30,2	55,6
Госслужащие	2,4	36,2	61,4
Научные сотрудники	53,5	37,8	8,7
Сотрудники музея	0,8	56,8	42,4

Низкий уровень материальной обеспеченности педагогов оказывает непосредственное влияние на воспроизводство учителей как социально-профессиональной группы и напрямую отражается на их социальном самочувствии. Необходимость поиска дополнительных источников доходов, низкая оценка своего материального статуса по сравнению с другими «бюджетными» профессиями, пессимистические прогнозы по изменению своего материального

положения в ближайшие годы — все эти аспекты подрывают престиж профессии учителя, сказываются на его социальном портрете, снижают удовлетворенность жизнью и профессией. Вместе с тем, в ситуации новой системы оплаты труда возникают условия для дифференциации в материальном отношении как образовательных учреждений, так и конкретных учителей.

Удовлетворенность жизнью и профессией

Удовлетворенность жизнью и профессией — важный индикатор социального самочувствия учительства, который отражает степень взаимосвязи между выбранной профессией и жизненным сценарием в целом. Для того чтобы оценить данный параметр, учителям было предложено ответить на вопросы об удовлетворенности различными аспектами профессиональной деятельности.

Положительные индексы удовлетворенности наблюдаются в таких аспектах, как творческое содержание работы, рабочий график, способы и качество повышения квалификации, успехи учеников. Отрицательная тенденция — низкий уровень удовлетворенности уровнем оплаты труда и количеством свободного времени.

Уровень удовлетворенности способами и качеством повышения квалификации выше у учителей из школ областного центра (155,8), чем у педагогов районных городов (124,0) и сельской местности (127,4). Это связано с тем, что в городе больше способов повышения своих профессиональных навыков (табл. 8).

Изучая социальное самочувствие учительства, важно рассматривать и социальное настроение. Социальное настроение — это комплексный индикатор, отражающий восприятие учителями своей жизни в личном и общественном плане. Согласно оценке экспертов, социальное настроение вбирает в себя как влияние объективных условий, так и субъективных факторов, образующих некий сплав эмоций, чувств, умонастроений, ценностных ориентаций и установок¹¹. Результаты исследования показывают, что индекс настроения учителей в областном центре выше (115,6), чем в малом городе (93,3) и в поселке, деревне (90,8). В городе у педагогов преобладает настроение, связанное с надеждой на лучшее (32,5 %), в малом городе и поселке, деревне — настроение нейтральное (40 %) (табл. 9).

Таблица 8

Уровень удовлетворенности учителей различными аспектами профессиональной деятельности, % (N = 200)

Уровень удовлетворенности	Место проживания		
	Областной центр	Малый город	Поселок, деревня
Творческое содержание работы			
Удовлетворен(а) полностью	33,3	31,0	23,8
Скорее удовлетворен(а)	55,1	69,0	71,4
Скорее не удовлетворен(а)	11,6	0,0	4,8
<i>Индекс</i>	176,8	200,0	190,4
Организация труда			
Удовлетворен(а) полностью	21,1	31,0	23,8
Скорее удовлетворен(а)	52,6	48,3	52,4
Скорее не удовлетворен(а)	26,3	20,7	23,8
<i>Индекс</i>	147,4	158,6	152,4
Способы и качество повышения квалификации			
Удовлетворен(а) полностью	23,4	17,2	18,2
Скорее удовлетворен(а)	54,5	44,8	45,5
Скорее не удовлетворен(а)	20,8	31,1	31,8
Полностью не удовлетворен(а)	1,3	6,9	4,5
<i>Индекс</i>	155,8	124	127,4
Рабочий график			
Удовлетворен(а) полностью	32,5	44,8	36,4
Скорее удовлетворен(а)	46,8	34,5	45,5
Скорее не удовлетворен(а)	19,5	17,2	13,5
Полностью не удовлетворен(а)	1,3	3,4	4,5
<i>Индекс</i>	158,5	158,7	164,0

Успехи учеников			
Удовлетворен(а) полностью	27,6	10,3	4,5
Скорее удовлетворен(а)	61,8	48,3	55,9
Скорее не удовлетворен(а)	7,9	34,5	45,5
Полностью не удовлетворен(а)	2,6	6,9	4,5
<i>Индекс</i>	178,7	117,2	110,4
Атмосфера в коллективе			
Удовлетворен(а) полностью	42,3	17,2	9,1
Скорее удовлетворен(а)	33,3	58,6	63,6
Скорее не удовлетворен(а)	24,4	17,2	22,7
Полностью не удовлетворен(а)	0,0	6,9	4,5
<i>Индекс</i>	151,2	151,7	145,5
Уровень оплаты труда			
Удовлетворен(а) полностью	7,7	3,4	0,0
Скорее удовлетворен(а)	29,5	20,7	22,7
Скорее не удовлетворен(а)	42,3	41,4	59,1
Полностью не удовлетворен(а)	20,5	34,5	18,2
<i>Индекс</i>	74,4	48,2	45,0
Уровень социального обеспечения			
Удовлетворен(а) полностью	10,4	0,0	0,0
Скорее удовлетворен(а)	35,1	62,1	68,2
Скорее не удовлетворен(а)	46,8	24,1	22,7
Полностью не удовлетворен(а)	7,8	13,8	9,1
<i>Индекс</i>	90,9	124,2	136,4
Количество свободного времени			
Удовлетворен(а) полностью	7,8	13,8	9,1
Скорее удовлетворен(а)	36,4	37,9	31,8
Скорее не удовлетворен(а)	27,3	20,7	22,7
Полностью не удовлетворен(а)	28,6	27,6	36,4
<i>Индекс</i>	88,3	103,4	81,8

Таблица 9

**Социальное настроение учителей
в зависимости от места проживания, % (N = 200)**

Настроение	Место проживания		
	Областной центр	Малый город	Поселок, деревня
Раздражение, состояние протеста	15,6	26,7	18,2
Страх, неуверенность в завтрашнем дне	11,7	6,7	9,1
Пессимизм, подавленность	3,9	0,0	0,0
Нейтральное настроение	22,1	40,0	54,5
Надежда на лучшее	32,5	16,7	13,6
Уверенность, спокойствие	9,1	6,7	4,5
Эмоциональный подъем, оптимизм	5,2	3,3	0,0
<i>Индекс</i>	115,6	93,3	90,8

На социальное настроение влияет удовлетворенность педагогов теми или иными аспектами жизни. Более всего учителя не удовлетворены материальным положением семьи (70 % — педагоги общеобразовательной школы, 82 % — гимназии и лицея, 53 % — частной школы) и личной заработной платой (77 %, 70 %, 67 % соответственно). Стоит сказать, что педагоги, работающие в частной школе, в большей степени не удовлетворены проведением свободного времени. Данный факт можно связать с тем, что эти учителя тратят больше времени на подготовку к занятиям, так как в частных школах ценится творческий и индивидуальный подход к каждому ребенку.

Результаты исследования свидетельствуют о низкой степени удовлетворенности жизнью в целом (не более 30 % учителей). В то же время для педагогов характерен высокий уровень удовлетворенности профессией. Это противоречие между социальным и профессиональным самочувствием педагогов приводит к социальной напряженности внутри данной группы интеллигенции.

Соотношение социального и профессионального самочувствия является наиболее значимым исследовательским вопросом на сегодняшний день.

Оценка реформирования системы образования

В начале XXI века школьные учителя были настроены весьма пессимистично: итоги реформирования системы образования воспринимались учительством как катастрофические. Во втором десятилетии XXI века настроения учительства сохраняют пессимистический настрой. Так, по результатам социологического исследования, лишь 22 % учителей демонстрируют удовлетворенность ходом реформы системы образования, примерно 13 % ушли от оценки, а остальные отмечают более или менее высокий уровень неудовлетворенности результатами и ходом реформы¹².

Оценивая изменения своего материального благосостояния, лишь треть учителей полагают, что за последние 2—3 года их жизнь в целом улучшилась, большая часть опрошенных педагогов считает, что их материальное благосостояние осталось на прежнем уровне. Наиболее пострадали учителя частных школ: половина из них отметили ухудшение своего материального положения.

Переход школьных педагогов на новую систему оплаты труда связан с персональными стимулирующими надбавками. Подавляющее большинство педагогов независимо от типа образовательного учреждения считают критерии распределения надбавок в целом справедливыми (57 %).

Единого механизма распределения стимулирующих надбавок не существует — каждое образовательное учреждение самостоятельно формирует положение о распределении стимулирующих выплат и разрабатывает критерии для определения размера этих выплат. В общеобразовательных школах учителя чаще указывают, что получают надбавки «за проведение открытых уроков» и «за участие в проектной деятельности». Что касается педагогов из лицеев и гимназий, а также частных школ, то они получают стимулирующие надбавки «за результаты ЕГЭ и ГИА». В школах особого типа одной из первоочередных задач выступают достижения учеников, от которых зависит престиж школы.

Рис. 1. Содержание письма Министру образования и науки РФ, %
вопрос множественный (N = 200)

Достаточно интересные результаты были получены на вопрос «Если бы Вы могли написать письмо министру образования, которое он обязательно прочел бы, то о чем было бы это письмо?». Значительная часть «писем» посвящены «улучшению социальной защиты»: повышению заработной платы, снижению трудовой нагрузки, улучшению условий труда. Независимо от типа учреждения, учителей волнует вопрос «об излишней отчетности, забюрократизированности работы» и «о статусе учителя, проблемах престижа профессии» (рис. 1).

В целом исследование зафиксировало отсутствие в среде учителей сформированного мнения по вопросам реформирования образования. Причины отсутствия согласованной позиции учительства, безусловно, могут быть разными, но самыми важными из них, очевидно, являются само содержание проводимой реформы и методы ее реализации.

Сводный индекс социального самочувствия: основные выводы

Социальное самочувствие современного учительства представляет интересный объект исследования, поскольку позиции и положение учительства как социально-профессиональной общности противоречивы: с одной стороны, в публичном пространстве

провозглашается особая роль учительства и необходимость повышения его социального статуса; с другой — низкий материальный уровень жизни учителей, невысокий престиж профессии не соизмеримы с этой ролью.

Проведенное исследование позволило зафиксировать разноплановые тенденции: учительство по-прежнему остается профессиональной группой с низким социальным статусом и доходом, однако новые особенности системы реформирования образования только усиливают дифференциацию в положении учителей (по типу образовательного учреждения, стажу работы, доходу, возрасту, месту проживания). С другой стороны, почти все аспекты содержания труда позволяют зафиксировать позитивные оценки социального самочувствия отдельных групп учителей (особенно учителей среднего возраста, учителей частных школ).

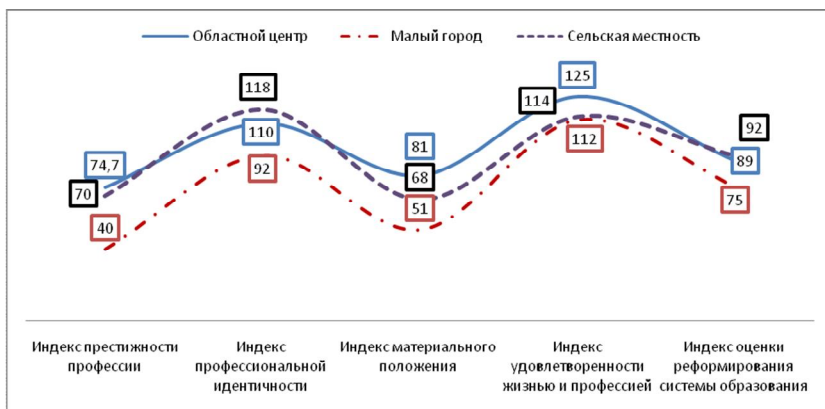

Рис. 2. Сводный индекс социального самочувствия учительства: региональное измерение, средние значения

Расчет сводного индекса социального самочувствия учительства Ивановской области (рис. 2) иллюстрирует сложное положение педагогов в малом городе. Учителя малых городов — одна из наиболее уязвимых социальных общностей, на положении которой остро отразился весь комплекс реформ, проводимых в постсоветский период. Их социальное самочувствие характеризуется предельно низкими оценками престижа профессии

(прежде всего, регионального) и своего материального положения, они противоречивее всего оценивают реформирование системы образования, их профессиональная идентичность затруднена различными барьерами.

Учителя сельской местности, напротив, обладают высокими показателями профессиональной идентичности (учитель в селе — фигура значимая и заметная), они позитивнее остальных оценивают проводимые реформы (существует программа поддержки сельской учительской интеллигенции). Городские учителя демонстрируют высокие показатели удовлетворенности жизнью и профессией, в том числе и своей заработной платой. Эти обстоятельства позволяют перенести ряд проблем учительства в региональную плоскость.

Исследовать проблемы учительской интеллигенции на региональном уровне в динамике позволит мониторинг социального и профессионального самочувствия педагога (как показал опрос, эти два параметра необходимо различать). Мониторинг при этом не должен ограничиваться констатацией среднего уровня зарплаты и ее сравнения с региональными и федеральными показателями, а включал бы в себя общую оценку социальной и профессиональной удовлетворенности учителя, оценку престижа профессии (регионального и общероссийского), оценку профессиональной идентичности учителей, а также оценку реформирования системы образования на разных уровнях социума.

Примечания

- ¹ *Пигалева Н. П.* Учительская интеллигенция и ее роль в социокультурной жизни российской провинции в послевоенные годы, 1945—1953 гг. : (на материалах Костромской и Ярославской областей) : дис. ... канд. ист. наук. Кострома, 2007. С. 3.
- ² *Смирнов Д. Г.* Интеллигенция как внутренняя форма ноосферной (глобальной) истории // *Интеллигенция и мир.* 2015. № 3. С. 101—112.
- ³ *Балдин К. Е.* Педагогическая интеллигенция в провинциальном городе на рубеже XIX—XX веков : (на примере города Иваново-Вознесенска) // *Интеллигенция и мир.* 2015. № 1. С. 9—27 ; *Белова Н. А.* Учительская интеллигенция в 1920—30-е гг. : повседневная жизнь в

- условиях социалистического строительства // Интеллигенция и мир. 2010. № 4. С. 80—90.
- ⁴ *Кодина И. Н.* Образ жизни населения малого города: социальные практики и детерминанты : на материалах Ивановской области : дис. ... канд. социол. наук : 22.00.04. Н. Новгород, 2012. 248 с.
- ⁵ См., напр.: *Барская О. Л.* Социальное самочувствие: методологические и методические проблемы исследования : автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1989. 23 с. ; *Воронин Г. Л.* Социальное самочувствие россиян (1994—1996—1998 гг.). «Мерцающая» стратификация // Социологические исследования. 2001. № 6. С. 53—66 ; *Михайлова Л. И.* Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Там же. 2010. № 3. С. 45—50.
- ⁶ *Хасбулатова О. А., Егорова Л. С.* Социальное самочувствие женщин и мужчин в средних городах России // Социологические исследования. 2002. № 11. С. 48—54.
- ⁷ *Аргунова В. Н., Кодина И. Н.* Методика изучения социального самочувствия населения малого города // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2013. № 1 (29). С. 7—11 ; *Кодина И. Н.* Социальное настроение жителей г. Иванова : (по материалам социологического исследования 2010 г.) // Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Естественные, общественные науки. 2010. № 4. С. 42—51 ; *Кодина И. Н.* Социальное настроение молодежи малого города : (на материалах г. Юрьевца Ивановской области) // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. 2009. № 3. С. 28—33.
- ⁸ *Красильникова М.* Интегральные показатели социального самочувствия // Вестник общественного мнения. 2011. № 1 (107). С. 109—117.
- ⁹ *Руднев М. Г.* Методология и основные результаты исследований престижа профессий в зарубежной социологии // Вопросы образования. 2008. № 2. С. 217—239.
- ¹⁰ См. подробнее: Три четверти россиян считают: учитель должен не только учить // Фонд Общественное Мнение. URL: <http://fom.ru/obshchestvo/10659> (дата обращения: 10.09.2015).
- ¹¹ *Ильин В. А., Шабунова А. А., Леонидова Г. В.* Социальное положение учительства в России // Социологические исследования. 2012. № 8. С. 123—133.
- ¹² *Зернов Д. В., Иудин А. А., Овсянников А. А.* Социальные ориентиры и самочувствие российского учительства // Народонаселение. 2014. № 4. С. 43—60.

С. П. Парамонова

**МЕРА ИНТЕЛЛИГЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ
(На примере исследования
культурной информированности)**

Интеллигентность как будто изгнана из облика современного студенчества, обсуждаются проблемы сленга, бедности языка, слышимой на территории вузовских городков и транспорте лексика, не принятой в аудиториях, быту и в культурных центрах. Гламурно-эстетическое перекрывает этическое. Это бросается в глаза, раздражает и кажется повсеместным. Если заглянуть в мир вдохновения, то открывается иная реальность, невидимая, но чрезвычайно привлекательная и значимая в жизни человека. Французские социологи Люк Болтански и Лоран Тевено в теории справедливости, среди шести градov (образов жизни) — рыночного, патриархального, научно-технического, гражданского, града репутации выделяют град вдохновения: «Туманность выражений хранит в себе невероятное богатство, бесконечное многообразие значений, что и создает эффект неопределенности». Вдохновенная личность расположена к *исканиям*. Она ищет *эмоциональных контактов* — единственных, способных создавать теплоту, неординарность, творчество в отношениях между людьми. Такая личность способна мечтать, «*давать волю воображению*» (т. е. «придумывать то, что не существует»), *творить* в искусстве, кинематографе, литературе, живописи, театре). Она ищет *новых встреч*, «*задается вопросами*»¹. Наша цель, хотя бы в грубом приближении, определить, из каких влияний складывается интеллигентность (как совокупность интеллектуальности

© Парамонова С. П., 2016

Парамонова Светлана Павловна — доктор философских наук, профессор кафедры социологии и политологии Пермского национального политехнического университета. spp45@mail.ru

и нравственности) современного студенчества. В широком поле теории культурации, объясняющей влияние культуры на социум², рассмотрен более конкретный и узкий аспект — культурная информированность студентов технического вуза (социологов и химиков-технологов) и мотивы их ориентации на будущую профессию. Объект исследования — студенты на «экваторе» обучения. Предмет исследования — культурная информированность студентов как предпосылка интеллигентности в воспроизводстве будущего общества. Метод исследования — дескриптивный, дополненный компаративным анализом на основе сплошного опроса двух потоков «гуманитариев» и «технарей».

Интеллигентность как всеобъемлющий феномен включает духовный мир человека и конструирование им социальной реальности. Как категория интеллигентность может обозначать границы интеллектуальной, нравственно-этической и эстетической сторон деятельности человека. Способен ли современный уровень состояния интеллигентности задать молодому поколению потенциал ответственности за будущее России?

Характеризуя выборочную совокупность, отметим, что исследование «Культурная информированность студентов Пермского национального исследовательского политехнического университета (ПНИПУ)» проведено автором в октябре 2015 г. и включало в равной мере студентов-социологов а также студентов химико-технологического факультета, в целом N = 63. По гендерным характеристикам социологи в подавляющем большинстве — девушки, а студенты ХТФ в основном — юноши. Если сопоставить портрет двух исследуемых групп, то отцов девушек-социологов можно видеть среди руководителей небольших предприятий в промышленных городках региона, матери заняты в гуманитарной сфере.

В мотивах выбора профессии студентов-социологов у трети преобладают ориентации на служение обществу. Познавательный творческий мотив выбора — новизна предмета социологии — у четвертой части. Прагматический мотив — возможность воздействовать на массы — четверть ответов. Ситуативный, случайный мотив поступления на специальность — у каждого десятого. В результате выбора профессии студенты приобщены к известной научной пермской школе социологии.

Мир духовной культуры, в том числе мир ценностей, складывается окружением, картинами детства, семейными историями, преданиями, легендами. Семейная память наполнена рассказами о событиях страны, тесно связанных с родословной семьи, — о прошлых и недавних войнах, миграциях, раскулачиваниях и репрессиях, а также разрыве родственных связей с распадом СССР. Не прерывается связь времен в этнических преданиях. Студентка-социолог из глубинки Пермской области отмечает: «Поскольку мы — коми-пермяки, то много легенд ходит о чуди. Это интересно для нас. Истории о Пере Богатыре. В семье были рассказы и легенды о мифических существах».

Социальный портрет студентов специальностей химиков-технологов второго курса характеризуется большим богатством социальных связей и значительным уровнем культурной информированности. Эти студенты — выходцы из слоя совокупного работника промышленного региона. Отцы в основном — рабочие, инженеры, служащие, сельскохозяйственные рабочие со средним уровнем достатка. Матери юношей — служащие, операторы ООО «Лукойл», учителя, инженеры-логисты. В факторе первичной социализации очевидна предпосылка круговорота технической элиты, она будет пополняться наиболее способными студентами из всех слоев общества.

Мотив выбора профессии данной группы в целом — прагматический, ориентированный на жизненное благосостояние и успех. Круг людей, повлиявших на выбор будущей профессии, существенно шире, чем у гуманитариев, — это программисты, преподаватели, инженеры с работы родителей. В число друзей входят рабочие и бюджетники: музыканты, знакомые из модельного бизнеса, танцев; друзья-спортсмены по секции дзюдо и футбольным клубам, знакомые по участию в соревнованиях из Москвы, Новосибирска, Омска, Старого Оскола. Есть знакомые бандиты и бывшие заключенные, работающие на нефтебазе, где, по замечанию одного из юношей, «сплошь — такой контингент». Заметим, что широкий круг друзей и знакомых — предпосылка широкой ориентировочной деятельности, а также показатель большого диапазона интересов и информированности химиков-технологов, потенциал неформальных знаний, допол-

няющих

образовательные программы и отвечающих на гуссерлианский вопрос о жизненном мире³.

Пермь — город с наследованными традициями музыкальной культуры, здесь проводятся Дягилевские сезоны, конкурсы балетного мастерства «Арабеск», массовые фестивали «Белые ночи», ежегодные международные конкурсные фестивали неигрового документального кино «Флаэртиана» и др. Благодаря введению второго музыкального образования некоторые школы среднего образования приняли форму лицеев и колледжей. Девушки-гуманитарии и юноши ХТФ, часть из которых учились в таких школах, проявили незаурядную информированность в музыкальной культуре, что в целом говорит о «золотом запасе» интеллигентности у молодой когорты пермской молодежи.

Среди композиторов, чью музыку предпочитают слушать студенты, в первую очередь преобладает австро-немецкий музыкальный гений. Высказывания юноши ХТФ, имеющего музыкальное образование: «Вся музыка Иоганна Себастьяна Баха — потрясающий синтез прошлого и будущего». «Русский мир» в музыкальной культуре представлен такими именами, как П. И. Чайковский, М. И. Глинка, М. П. Мусоргский, С. В. Рахманинов, Д. Д. Шостакович. Итальянский музыкальный всплеск талантов обозначен произведениями Вивальди, Беллини, Верди, Паганини, французские композиторы — Ж. Бизе, К. Дебюсси. Славянский, скандинавский музыкальный мир для студентов представляют Эдвард Григ, Тадеуш Бэрд, Антонин Дворжак, Черни, Аренский, Оскар Петерсон, Янис Ксенакис, Георгий Ионеску, англо-американские композиторы и исполнители — Стравинский, Моррис Грин, Ванесса Мэй. В опросе отмечалось, что молодежь сама пропагандирует забытых классиков, композиторов, принимая участие в фестивалях. Доля проходивших социализацию в крупном областном центре студентов химико-технологического факультета, приобретавших параллельное музыкальное образование, выше, так же как и уровень информированности в музыкальной культуре оказался в полтора раза выше, чем у гуманитариев — выходцев, в основном, из промышленных городков региона. В данном опросе, как и в прежних исследованиях, смущает то, что среди классиков музыкальной культуры не

упоминается имя и произведения Г. В. Свиридова — композитора, вобравшего в свое духовное поле триаду идей: язычества, христианства и социалистического мира. Сам композитор определял это дозированностью музыкальной культуры, задаваемой обществу чиновничеством. Его «Время, вперед!», «Метель», симфонические произведения — это фантазмагория духовной жизни «русского мира». Г. Свиридов создал свой Вселенский космос музыкального воззрения на жизнь⁴.

В выборах русской художественной литературы, которая являет собой синтез гуманитарного знания, гуманитарии и технари идут «ноздря в ноздю». Студентка-социолог заметила: «Наверное, самая гиперизвестная работа по научной фантастике книга М. Булгакова “Мастер и Маргарита”». Юноши химико-технологического факультета в невидимом диалоге оценок относят роман скорее к мистическим, чем научно-фантастическим произведениям. М. Лифшиц увидел в «Мастере и Маргарите» «мстительное воображение» автора романа: сквозь легкую иронию над советским обществом 30-х годов в романе поставлены вечные проблемы человечества. Здесь нет критики конкретных фигур и политического строя, здесь — противостояние власти и творца (Пилата и Га-Ноцри)⁵. Балетный спектакль «Мастер и Маргарита» поставлен в Пермском театре оперы и балета им. П. И. Чайковского в духе фантазмагии и критического отношения к прошлому страны этого времени: в кордебалете маршируют ЧК-истки в черных лакированных плащах и красных брюках. Среди избираемого студентами чтения не столь большое место занимает историческая литература.

В суждениях гуманитариев подтвердилась позиция СМИ о том, что Президент РФ В. В. Путин после выступления в ООН изменил мнение мирового сообщества о роли России в приостановке агрессии ИГИЛ в Сирии. Бои вокруг Алеппо и Дамаска продолжаются и поныне. В. В. Путин показал, что кроме войск Башара Асада реально с ИГИЛ никто не борется. Для борьбы с терроризмом нужна широкая коалиция с большинством мусульманских и западных стран. Президент России проявил уверенную и смелую позицию: «Группировкам надо давать отпор». Он заявил: «Либо мы их, либо они нас!» «У России достаточно сильная военная подготовка, высокоточное оружие. Рядом с Сирией

расположена Армения, там находится наша военная база, наши парни», — заметили юноши-гуманитарии. Речь Путина была весомее, чем у геополитических противников. За пятнадцать минут выступления он убедил мировое сообщество в своей правоте. Войной в Сирии, потоками беженцев с Ближнего Востока заполнился идеологический вакуум на Западе. По суждениям гуманитариев, возвращение Донбасса остается проблемой для дипломатического выхода из кризиса в блокирующих санкциях Запада и, соответственно, выхода из тупика.

Студенты ХТФ под «маскулинным» углом зрения оценили выступление Президента России в ООН. Они отметили, что мировая общественность стала более восприимчивой к российской внешней политике. Путин ясно дал понять, что сама ООН нуждается в реформе, но и реформа должна быть грамотной. Россия — первая страна, которая перешла от слов к делу, боевым действиям. После того как Россия провела несколько операций, точно поразив цели без единого промаха, как планировала, все начали обсуждать, что же еще можно ожидать от нее? Скептики среди юношей заметили: «Положение России лучше или хуже после вступления в Сирию не станет. Санкции никто не отменил. Борьба с ИГИЛ, готовность помочь Сирии в трудной ситуации облегчает Западу проблему снижения потока беженцев в Европу». Таким образом, *гуманитарии дали политическую и волевую оценку выступлению Президента РФ, химики-технологи — прагматически-деятельностную.*

Конкретно-социологическое изучение роли войны и политики в жизни общества уходит в теоретический синтез наук о человеке. Синергетика — теория сложных систем включает исследование одной из антропологических проблем — изучение войны и агрессии. А. П. Назаретян в концепции мегаистории поставил вопрос об опережающем развитии техники и технологий в сравнении с замедленным развитием субъективного гуманитарного фактора на планете, мы бы добавили к этому неравномерное развитие интеллигентности. Практическая мощь предоставляет большой соблазн и возможность использования технико-технологических сил для уничтожения живого на планете. Мегафлуктуации на Земле способны привести к тому, что разум мо-

жет раствориться во Вселенной⁶. Успеет ли социум достичь уровня развития субъекта, способного предотвратить катастрофу гибели разума в Галактике?

Экстраполяцию сегодняшних мощностей технической науки на возможное будущее отражают литература и фильмы по научной фантастике, предупреждающие человечество об опасностях самоуничтожения. Кинематограф выявляет формы поведения людей в состоянии пограничных ситуаций. Научная фантастика обогащает интеллектуальный мир студентов вероятностным опытом других людей. Эта сфера стихийных бедствий, непредвиденных обстоятельств и открытий тренирует психику современного человека в поисках разрядки опасных ситуаций, творческих решений для преодоления негативных исходов в социальной реальности. В предпочтениях студентами научно-фантастических фильмов отражен спектр вечных и современных проблем человечества. Выделим такие проблемные узлы в сфере научно-фантастических фильмов, как поиск разумных существ и цивилизаций в Галактике; встреча с другими формами материи; встраивание компьютерных технологий в человеческий разум; фантастические версии исторического прошлого человечества; агрессия и нашествия пришельцев в наш глобальный дом; экологическая опасность для Земли самих заинтересованных сил, сокращающих живое на Земле; прогноз как развивающегося, так и деградирующего человеческого общества.

Наиболее часто студентами упоминается фильм «Интерстеллер» о версии «черных дыр» в Галактике. Даже «Матрица» отходит на второе-третье место. «Санктур» привлекает своим бескорыстным героическим началом. В этом фильме спелеолог придумал исследование самых глубоких впадин (пещер) на Земле. Пока человечеству не известно, какой практический смысл обретут его исследования. Герой не приемлет гонки потребления, идущей наверху, в большом городе, в семье. Он — другой человек по ценностям. Фильм не мог не привлечь внимания и признательности студентов неординарностью, творчеством, теплотой отношений перед трагической неизвестностью, хотя и прошел более полугода назад.

С позиций культуральной теории современных музыкальных произведений и зарубежных исполнителей, широко пред-

ставленных в ответах химиков-технологов, причинами выборов, на наш взгляд, явилось следующее. Во-первых, возможность исторически богатых стран предоставить исполнителям высококачественную технику музыкальных инструментов и высокую технику звукозаписи. Во-вторых, интересны мотивы поведения и чувств, коллизий человека в усложняющемся обществе. В-третьих, мультикультурализм дает многообразие форм — изначальное влияние ритмов на музыкальную культуру афроамериканского населения, волны миграций русских музыкантов, центральноевропейских и скандинавских композиторов и исполнителей в США.

Казалось бы, какое влияние может оказать тип образования и тип прослушиваемой музыки на интеллигентность человека, на его патриотизм либо космополитизм во взглядах, а в дальнейшем и на выбор страны проживания? Как о сенсации сообщил в докладе на конференции в Женеве Ю. Г. Волков о выезде русских высших технических специалистов (1 млн в США, 1 млн в Германию и полмиллиона в Израиль, о вывозе целого выпуска Физтеха из Долгопрудного в США)⁷. Студент АТП-14 Даниил Гарейшин описал условия жизни в общежитиях студентов ПНИПУ, МГУ и Пражском инженерном университете, где продолжает учиться его сестра. Студенческие гостиницы Праги гораздо комфортнее. Он не стесняется сделать заявление: «При таком сравнении патриотизм сильно пригашается». Эта формула — сигнал тревоги силам, ответственным за будущее России. В своем выступлении 22 декабря 2015 г. в Институте культуры в Перми академик РАН, проф. А. А. Гусейнов также встал на маргинальную позицию неопределенности, говоря, что раньше престижно было быть патриотом, сейчас формой престижа становится работа за рубежом. Однако вся истории этики учит, что патриотизм — высшая ценность человечества, а на мигрантов коренные народы всегда смотрят как на нахлебников.

Об избирательности студентов в сфере изобразительного искусства свидетельствует посещаемость выставочных залов и галерей, которая и прежде была не столь высокой, но в настоящее время совершенно очевидно усиление ситуации, когда динамичные формы искусства превосходят статичные. Студенты нередко включаются в исторические игры при музейных комплексах — к

столетию Первой мировой войны и семидесятилетию Великой Отечественной войны.

Самым неожиданным событием XX века стал слом сильного государства, исчезновение с карты мира СССР. Обещанное младореформаторами улучшение уровня жизни и повышение благосостояния народа таковым не стало. РФ породила коррупцию сверху, которая охватила все слои, и это очень опасно для государства, — отметил в докладе на Пражской конференции ESA-15 Роман Анисимов⁸. В докладе «Русский мир» директор ИС РАН М. К. Горшков привел высказывание-прогноз проф. Лейна: «Россия не будет представлять проблему для Запада как научно-техническая и военная держава, но она будет представлять опасность как страна, распространяющая свои ценности»⁹. Каков же механизм распространения ценностей? Студенты ХТФ неожиданно быстро нашли ответ: «Распространять ценности русского мира будут люди, те самые, что уезжают, а нередко и возвращаются в Россию». «Русский мир» (Л. Толстой, Ф. Достоевский), по высказыванию профессора МГИМО ГУ А. И. Кравченко, — это благосостояние человека и самооценку каждой жизни¹⁰.

Отметим, что высокой становится учебная нагрузка студентов, стипендия обеспечивает лишь проезд на занятия. Кроме того, со 2—3-го курсов студенты начинают работать, время занятости уплотняется. Следует заметить и то, что в *демократическом* обществе плата за билеты тяготеет к элитарной. Известно, что дети из мало- и среднеобеспеченных семей больше времени проводят у телевизора. Студенты химики-технологи выбирают передачи из Интернета сами и в большей мере пользуются активными аудио-визуальными средствами трансляций произведений искусства.

Фактор времени развития связан с фактором овладения пространством и временем. Социальный фактор пространства связан со степенью комфортности среды проживания, фактор времени — с овладением скоростями и средствами, обуславливающими передвижение в пространстве. Джон Урри привел пример, если крестьянину приходилось в сутки обходить 500 м своего хозяйства, то современному американцу ежедневно приходится преодолевать 50 км поездками по поводу работы и обратно

домой. Современная мобильность обеспечивается нефтяными и газовыми энергоносителями. Абердинский социолог определил сегодняшний капитализм как «карбонный». Этим в большой мере обусловлены войны за источники энергоносителей на Ближнем Востоке. Положительная динамика развития задается отрицательной динамикой войн.

Казалось бы, какое влияние может оказывать тип образования и тип аудио-визуальной культуры на интеллигентность человека, на его патриотизм либо космополитизм во взглядах, а в дальнейшем и выбор страны проживания в связи с развитой мобильной доступностью передвижения по материкам планеты? Итак, избирательность молодой когорты современного общества в сфере культуры неоднородна: в среде гуманитариев она несколько тяготеет к литературе и диапазон музыкальной информированности студентов технических специальностей в области классической музыки не уступает гуманитариям, а в сфере знакомства с современным западным музыкальным искусством значительно превосходит. Капитализм изобрел уникальную возможность опереться на новые формы контроля и труда, духовного мира человека: активизировал процессы товаризации новых благ, более индивидуализированных и более «подлинных»¹¹. Эта продукция капитализма и вошла в мировую кинопродукцию, в аудио-визуальные средства. В условиях глобализма, мобильности, спроса на высокообразованных специалистов в развитых странах российское студенчество включено в индивидуализированное потребление и широко ориентировано в культурной продукции современной цивилизации. Интерес к мировой и российской культуре вращается вокруг стержня классической мировой культуры, а приоритет отдан «Бурановским бабушкам», фильмам А. Тарковского и «русскому миру». В новом синтезе осуществлена культивация интеллигентности возможностями мегаполиса, прошлыми поколениями учителей, преподавателей вузов, творческих личностей в сфере культуры и искусства, сформировавшими духовный мир современного студенчества. Только связывая эти аспекты духовности в бесконечно тонкую сеть, в систему, можно дать абрис «социоцентрической» картины мира гуманитариев-

социологов и «человекоразмерной» картины мира студентов технических специальностей.

Примечания

- ¹ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости : очерки социологии градов. М., 2013. С. 257.
- ² Александер Дж. Смыслы социальной жизни : культурсоциология. М., 2013.
- ³ Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. СПб., 2004. С. 74.
- ⁴ Вишневецкий И. Его негасимая Русь : к 100-летию Георгия Свиридова // Завтра. 2015. Декабрь. № 30 (1151). С. 6.
- ⁵ Лифшиц М. Очерки русской культуры. М., 2015. С. 600.
- ⁶ Назаретян А. П. Мегаистория и ее «загадочная сингулярность» // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85, № 8. С. 755.
- ⁷ Парамонова С. П. Выступление Ю. Г. Волкова на международной конференции «Социальные отношения в турбулентные времена». «Российский форум»: заметки о X Конференции ESA в Женеве (Швейцария), 7—10 сентября 2011 г. // Социум и власть. 2012. № 1 (33). С. 130.
- ⁸ Anisimov R. Informal networks as a way of adaptation of population to the economic reforms in Russia. Prague, 25—28 August 2015 // ESA 12th Conferenc Differences, Inequalies and Sociological Imagination. RN36S07 / Ruzzies of Russian Transformations. Programme book. 2015. P. 421.
- ⁹ Gorschkov M. K. The «Russian World»: how do russians see it nowadays? Prague, 25—28 August 2015 // ESA 12th Conferenc Differences, Inequalies and Sociological Imagination. P. 421.
- ¹⁰ См.: Парамонова С. П., Семенова Т. Н. Перспективы социологической науки : (по материалам 12-й конференции ESA, 2015) : обзор XII Европейской социологической ассоциации в Праге (Чехия), 25—28 августа 2015 г. // Социум и власть. 2016. № 1. С. 102.
- ¹¹ Болтански Л., Кьяпело Э. Новый дух капитализма. М., 2011. С. 781.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 85.334.3(4Вл)512

В. А. Евсеев

ТЕАТРАЛ ЭПОХИ РЕСТАВРАЦИИ — С. ПИПС

Период раннего Нового времени в истории Англии был отмечен глубокими сдвигами во всех сферах повседневной жизни. Происходили постепенные изменения в социально-профессиональной структуре английского общества. Шел процесс сокращения первичного сельскохозяйственного сектора, всё еще преобладавшего, в пользу сектора вторичного (промышленного), а также в пользу увеличивающегося третичного сектора — услуг, торговли, транспорта и т. д. Одним из важнейших сегментов третичного сектора экономики всё больше становится сфера досуга и развлечений. Однако последняя была связана с глубокими переменами в духовной жизни европейских народов в целом. Наиболее значимым интеллектуальным сдвигом стала секуляризация взглядов европейцев, а идеи Просвещения появились в Англии уже в эпоху поздних Стюартов, т. е. раньше, чем на континенте¹. Реформация и, в первую очередь, идеи гуманизма повлияли на взлет английского театра в эпоху Шекспира. Из средневековых площадных мираблей произошло становление профессионального театра². Однако усиление пуританской идеологии и особенно события Английской революции фактически привели к прекращению театральных постановок.

© Евсеев В. А., 2016

Евсеев Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Ивановского государственного университета. yevseyev@mail.ru

Английский театр в течение XVII века подвергся очень глубоким катаклизмам. В начале столетия, пока еще был жив Шекспир, театр процветал. В правление Карла I в Лондоне действовало 6 театров, но с началом 40-х годов XVII века деятельность театральных трупп практически прекратилась. Это было связано с усилением идей пуританизма и социально-политическими событиями середины столетия. Становление английского театра обусловлено не только трудностями идеологического и религиозного характера, зачастую театральные труппы находились под преследованием городских властей и купеческих гильдий³.

Эпоха Реставрации открыла новый период в истории английского театра, который по мере своих возможностей приобщался к общемировым инновациям, осваивался в социально-культурной ситуации, играл одну из основных ролей в процессе формирования английской культурной истории. Мы можем глубже понять сущность английского театра эпохи Реставрации через восприятие современников, ибо их заметки имеют важное значение как для оценки развития самого театра, так и для изучения духа ментальности зрителей этой эпохи. Одним из таких заявляемых посетителей театра оказался Самюэль Пипс (1633—1703), оставивший нам свои дневники, которые являются отражением восприятия театра большинством зрителей того времени. В 1660-е годы он более 300 раз посетил театр. В этой связи следует обратить внимание на биографию С. Пипса, чтобы адекватнее понять его мироощущение.

Семья С. Пипса происходила родом из графства Кембриджшир, где добилась определенной известности в XVI веке. Отец Самюэля Пипса был младшим сыном и поселился в Лондоне, где стал работать портным.

Самюэль родился в жилых помещениях, которые располагались выше ателье его отца, 23 февраля 1633 года⁴. В детстве сильное влияние на него оказало пуританство, которое было распространено в Лондоне, особенно среди среднего класса, к которому принадлежал отец Самюэля. Мальчик обучался по строгой пуританской схеме, с акцентом на ценностях промышленного развития, респектабельности, упорядоченности, пунктуальности и бережливости⁵. По воскресеньям семья была на утренних и дневных службах в церкви Святого Брайда. Отец любил играть

на своей виоле после окончания рабочего дня. От него Самюэль получил любовь к музыке, которая стала его страстью, прошедшей через всю жизнь.

Самюэль Пипс учился в Кембриджском университете. Во время обучения он написал свою первую пьесу «Любовь-обман». После окончания университета в октябре 1653 года работал у отца. В 1655 году женился на пятнадцатилетней Элизабет Сен-Мишель, дочери обнищавшего французского беженца-гугенота. Через нее С. Пипс познакомился с Эдвардом Монтегю — родственником жены, который после смерти Оливера Кромвеля был вынужден уехать за границу из-за того, что поддерживал роялистов. Через С. Пипса он получал известия о событиях в Лондоне. Когда Монтегю вернулся с Карлом II, он стал морским генералом, а С. Пипса устроил своим секретарем. Во время Реставрации С. Пипс работал чиновником в морском ведомстве. В 1660 году, в самом начале правления Карла II, С. Пипс был назначен клерком-делопроизводителем Королевского флота, с 1665 года он — главный инспектор флотского Комитета снабжения, с 1672 года — секретарь Адмиралтейства. С. Пипс был избран членом Королевского научного общества в 1665 году и служил в качестве президента с 1 декабря 1684 по 30 ноября 1686 года⁶. Он дружил с Исааком Ньютоном, Робертом Бойлем, Джоном Драйденом и Кристофером Реном. Регулярно общаясь с Пипсом, Ньютон посвятил ему фундаментальный труд «Математические начала натуральной философии», написав его имя на титульном листе⁷.

Самюэль Пипс ушел в отставку в возрасте 57 лет, отошел от публичной жизни и в 1701 году покинул Лондон. Удалившись в свое имение в Клэпхеме, он жил там до смерти 26 мая 1703 года. Самюэль Пипс похоронен в Лондоне в церкви Святого Олафа в склепе вместе со своей женой Элизабет⁸.

С. Пипс начал писать свои дневники с 1 января 1660 года, в возрасте двадцати семи лет. Это были чисто личные записи его жизни, не предназначенные для публикации. Дневники зашифрованы по системе Томаса Шелтона и хранились нетронутыми в библиотеке колледжа Магдалины до начала XIX века. Они были расшифрованы текстологом Джоном Смитом и впервые изданы в 1825 году в Лондоне⁹.

Дневник С. Пипса изучали многие англоязычные исследователи, в частности А. Брайант, Дж. Р. Таннер, Г. Б. Уитли, А. Понсонби и др. Основное внимание в этих работах уделяется исследованию биографии С. Пипса, его дневников, английского общества того времени¹⁰. В новейшей отечественной историографии дневники С. Пипса с точки зрения восприятия им театральных жанров затронуты в нашей небольшой публикации¹¹.

С. Пипс обращал внимание на отдельные детали событий и на их значение в целом. Его дневник дает подробный отчет не только о великих событиях, но и о личной жизни. Он любил посещать театр и встречаться с людьми. Иногда неделями углублялся в работу, давая себе зарок до определенного срока (например, до какого-либо религиозного праздника) не отвлекаться на удовольствия (не пить вино, не ходить в театр и т. п.). С. Пипс — широко образованный человек: его интересовали и книги, и музыка, и театр, и естественные науки. Увлекаясь музыкой, он сочинял песни, пел, играл на музыкальных инструментах, и даже организовал уроки музыки для своих служащих¹².

С. Пипс более 300 раз посетил театр в течение девяти лет ведения своего дневника. Отношение его к театру особенное. Он считал, что самое главное в спектакле, о чем Пипс часто упоминал, — это актерская игра. В его заметках часто встречается оценка игры тех или иных актеров¹³. В дневниковых записях через свое восприятие он показывает уровень развития театрального искусства эпохи и те инновации, которые происходили в нем. Соответственно наша основная задача заключается в выявлении новаций в театральном деле через восприятие автора дневника — С. Пипса.

В 1660 году Карл II со своим двором вернулся в Лондон. С реставрацией монархии возрождается и театральная жизнь. Карл II Стюарт любил театры, но не настолько, чтобы позволить их беспорядочный рост, как в елизаветинские времена. Он издал так называемый «Патент Писем», в котором разрешал организацию спектаклей в Лондоне только двум театрам. «Патент Писем» был выдан в 1660 году Сэру Уильяму Давенанту (театр «Слуги герцога») и Томасу Киллигрю (театр «Слуги короля») в знак признательности их лояльности к королевской власти¹⁴. Этот указ вызвал ожесточенную борьбу среди театральных трупп за право владеть патентом. Победителями вышли У. Давенант, основавший

театр на Линкольн Инн, и Т. Киллигрю — директор Королевского театра на Друри-Лэйн. Карл II выдал всего лишь два патента на устройство театров, установив, таким образом, начало театральной монополии, просуществовавшей около полутора столетий¹⁵.

Новая театральная система под патентом короля принесла с собой культурные изменения. Театр, возродившийся с восстановлением монархии Стюартов, существенно отличался от театра предшествующей эпохи. Это было первый раз в английской истории, когда театр стали считать высоким искусством — досугом для придворной знати. Если в эпоху Шекспира театр был по-прежнему народным искусством, то в период Реставрации он становится чисто аристократическим развлечением. Получив новый статус в обществе, театр стал местом для избранных.

Лондонские театры эпохи Реставрации сыграли важную роль в развитии социальных связей, особенно высшего лондонского общества. Здесь можно провести параллель и с тем взлетом театра Мольера в правление Людовика XIV, когда монарх и придворная знать стали проявлять интерес к новому виду досуга — театру, а не к обычным придворным шутам. Если первые стационарные театры появились в Лондоне уже во второй половине XVI века¹⁶, то в провинциальных городах их не существовало до первой половины XVIII века¹⁷.

Повторное открытие театра с началом реставрации монархии Стюартов привело к его значительной трансформации. В эту эпоху происходит развитие новых идей в театральном искусстве, которые принесли с собой интересные инновации, в том числе изменения в структуре здания театра, новые эффекты и светотехники в спектакле, появление женщин на сцене и женщин-драматургов.

Вначале остановимся на архитектурных изменениях в здании театра, которые отмечает С. Пипс. Первый театр был построен на лондонской улице Друри-Лэйн по инициативе Т. Киллигрю с разрешения короля Карла II и открылся 7 мая 1663 года. Самюэль Пипс писал в своем дневнике, что на месте действия уже появилась сцена¹⁸. Королевский театр на Друри-Лэйн стал центром английской драмы периода Реставрации. Деревянный театр вмещал до 700 зрителей, каждый вечер здесь был аншлаг. О Королевском театре сохранились свидетельства С. Пипса и других мемуаристов этой эпохи.

С. Пипс отмечает, что здание было построено с экстраординарными хорошими приспособлениями, но есть некоторые недостатки — проходы слишком узкие, от сцены до ложи большое расстояние, из-за этого плохо слышна музыка¹⁹. Это ему не нравится, так как он считает, что музыка является важным элементом в спектакле. Также ему не понравилось, что место музыкантов стало находиться не на внутренней галерее, а перед сценой²⁰.

Сцена Королевского театра защищалась черепичной крышей, но оркестровая яма, располагавшаяся в опущенной области в передней части сцены, еще не была покрыта. В январе 1664 года С. Пипс жаловался на неожиданный град²¹. После этого случая яму покрыли застекленным куполом, но проблема не была полностью решена. В мае 1668 года С. Пипс пишет, что когда он смотрел спектакль в Королевском театре, шел дождь и купол подтекал. Это был очень неприятный, холодный день²².

Кроме расширения театра на Друри-Лэйн, Киллигрю еще планировал построить театр для подготовки новых актеров, называющийся «Питомник» (Nursery). 2 августа 1664 года Пипс писал в своем дневнике о планах Т. Киллигрю по постройке этого театра, где будут самые лучшие сцены и сценическая техника, самая лучшая музыка, и всё будет великолепно, будто в церкви. Для этого были приглашены певцы, художники и другие специалисты из Италии²³.

Соперничество между Давенантом и Киллигрю было очень острым, но оно помогло продвижению общей концепции театра, который в ту эпоху развивался и стал напоминать наш современный театр.

В конце концов, сцена стала комбинацией двух различных форм — арки просцениума, происходящей из Италии и Франции, и огромной авансцены, пришедшей из предшествующего английского общественного театра.

Большинство действий происходило на авансцене. Двери находились по обеим сторонам арки авансцены, над дверями были балконы, которые стали популярным пространством для многих пьес того времени. Эти двери использовались в качестве входов и выходов для всех действующих лиц. Если выйти через одну дверь, а войти через другую, то это считалось явным показателем изменения места действия. Пол сцены был построен

под небольшим наклоном вверх от авансцены к задней стене проscениума, для того чтобы улучшить линию видения для зрителей. Места для зрителей тоже располагались под уклоном, но в противоположном направлении, для улучшения видимости, как и в современном театре²⁴.

Во время Реставрации контроль над театром был отменен, и технически театр начал бурно развиваться. Многие ранние примеры современных театральных техник родились в последней трети XVII — XVIII веке. Поэтому эпоха Реставрации представляет собой значимую веху в истории развития сценических декораций и светотехники в английском театре.

В начале становления профессионального театра светотехника не являлась для него важным параметром. Спектакли начинались сразу после полудня, и соответственно не было необходимости использовать искусственный свет. Если погода была плохой, то спектакль отменяли. Когда театр переехал в помещение, потребовались новые способы для восприятия зрителями действия. Использование свечей внутри помещения было примитивным решением. Поэтому идеи проектирования светотехники обрели важное значение.

Самые ранние попытки применения светотехники сосредотачивались на том, чтобы создать атмосферу. В трагедии сцена была темной или затемненной, а в комедии использовались яркие веселые цвета²⁵. Для этого световые дизайнеры контролировали уровень интенсивности количеством свечей — в трагедии меньше, чем в комедии. Распределение света было простым. Люстры вешались в потолке, частично они разделялись плоскими досками и другими сценическими декорациями. Рампы, свечи в крайней передней части поля сцены, создавали направленный вверх свет и усиливали в целом световой эффект.

Однако существовали недостатки в светотехнике этого периода — световые дизайнеры не могли контролировать разлив света со сцены в зрительный зал. С. Пипс после просмотра очередного спектакля жаловался, что у него глаза болят от ярко бьющего в глаза света the candles²⁶.

Весной 1666 года Королевский театр был закрыт на реконструкцию и расширение²⁷. 19 марта 1666 года С. Пипс посетил закрытый театр, чтобы посмотреть его изнутри. Он писал

в дневнике, что было интересно увидеть более обширную сцену, костюмерные помещения, машинное оборудование, одежду и различные вещи, в том числе деревянные ноги, ерш, конек и корону²⁸.

Посмотрев на все эти реквизиты, С. Пипс почувствовал то ощущение, которое возникало на спектакле с помощью светотехники. Он писал, как хорошо, что на сцене показывают при свете свечи, и как плохо, когда это видишь слишком близко — это не очень приятно²⁹.

Режиссеры эпохи Реставрации при постановке новых спектаклей не ограничивались только изменениями сцены. Однажды Пипс упомянул, что на сцене Королевского театра использовались живые лошади³⁰.

Основной эффект новой структуры здания театра — возможность для комбинации самых разных форм представления действий. Авансцена позволяла создавать у зрителей ощущения соучастия и близости мира спектакля. Заднее пространство, находящееся у просцениума, использовалось для формирования визуальных представлений, вдохновляющих на благоговение и изумление. Возможно, что С. Пипс еще не привык к переживанию соучастия и близости, из-за этого он был расстроен. Кстати, он хвалил систему машинного оборудования и искусства сценических декораций³¹.

После расширения театра постановки создавались гораздо тщательнее, чем прежде. 12 февраля 1667 года С. Пипс, обсуждая с Т. Киллигрю спектакль, отмечал, что теперь сцена в тысячу раз лучше и привлекательнее, чем когда-либо. Использовались восковые свечи, изготовленные из почти трех фунтов животного жира. Всё культурно, нигде нет грубости. В прошлые годы играли только два или три скрипача, а теперь на сцене играли девять или десять лучших скрипачей³².

Как и сама пьеса, значительность визуального эффекта в спектаклях (т. е. светотехника, сценические декорации, музыка и машинное оборудование) является важным элементом для драматического представления. Это предполагает уровень культурного превосходства — отказ от традиции общественных театров, находящихся на открытом воздухе. Можно сказать, что С. Пипс судил об этих сценических изменениях как истинный театрал.

Кроме художественной техники, повторное открытие театра с началом эпохи Реставрации принесло с собой еще одну существенную инновацию на сцене и в драме — появление в спектаклях женщин. Это было большим изменением по сравнению с предшествующей английской драматической традицией. В елизаветинские и якобинские времена женские роли играли мальчики, но в период Реставрации те же роли играли взрослые женщины³³.

20 ноября 1660 года С. Пипс смотрел спектакль «Беггарс-буш» Джона Флетчера в Королевском театре — в то время на сцене еще играли только актеры-мужчины. 3 января 1661 года он смотрел тот же спектакль и отмечал в своем дневнике, что первый раз увидел женщин на сцене³⁴. По этой причине актрисы в труппе Давенанта часто считаются первыми английскими актрисами.

Улучшение светотехники потребовало от актеров и актрис более яркого, тяжелого макияжа, а это С. Пипсу не понравилось. Он считал, что легкий макияж лучше подходит актрисам, так как он создает естественный образ и натуральную красоту³⁵. Костюмы в спектаклях следуют традиции английского Возрождения — современная одежда того времени была стандартной. Актеры и актрисы носили традиционные костюмы и дополнительные аксессуары, чтобы показать известных исторических персонажей или черты определенной эпохи в пьесах.

Вполне вероятно, что костюмы стали более изящными по причине появления актрис и улучшения светотехники. С. Пипс часто писал о великолепных платьях актрис. Например, в одном случае он отметил, что король дал актерам 500 фунтов стерлингов, чтобы купили костюмы для спектакля «Заговор Катилины» Бена Джонсона, и он ждал увидеть вскоре прекрасную одежду³⁶. Спустя месяц этот спектакль задерживался из-за того, что новые костюмы еще не были готовы³⁷. Посмотрев «Заговор Катилины» 19 декабря 1668 года, С. Пипс жаловался на плохую постановку самого спектакля, но одежда актеров и некоторые драматические сцены ему нравились³⁸.

Обычно он хвалил красоту актрис и костюмы, которые видел в спектаклях. Большинство его отзывов об актрисах тоже было положительным, но появление женщин на сцене создало некоторый переполох в обществе. Молодые дворяне постоянно искали

себе любовниц из числа новых профессиональных актрис. Также многие из новых актрис использовали свою профессию и известность для того, чтобы иметь любовные отношения с аристократами и увеличивать свои доходы. Самые известные актрисы — Молл Дэвис и Нелл Гвин были любовницами Карла II³⁹.

В изгнании во Франции Карл II провел много времени. Он посещал театры и полюбил французские и испанские пьесы. Соответственно он находился под сильным влиянием этой европейской традиции. В 1660 году Карл II вернулся на английский престол, и многие новшества из европейской литературы вместе с ним пришли в английскую драматургию.

Театральные пьесы эпохи Реставрации были уникальными и служили прославлением окончания строгого пуританского режима. Беззаботность в пьесах отражает общество, которое восстанавливается после эпохи волнений. Пьесы того времени и инновационны, и разнообразны — в разных стилях и разные по тематике. Самыми популярными жанрами театральных постановок были героические драмы, комедии нравов и адаптации пьес предыдущего периода.

В эпоху Реставрации складываются предпосылки формирования жанра классицистической трагедии. Они связаны с литературно-теоретическим наследием Филиппа Сидни и Бена Джонсона, драмами Джона Драйдена и Уильяма Давенанта, влиянием французской классицистической трагедии, авторитетом классицистических идей в литературной критике⁴⁰.

Когда в Англии театры были вновь открыты, во Франции Пьер Корнель и Жан Расин уже создали неоклассический стандарт для трагедии «высокого стиля» с непременным соблюдением так называемых «трех единств» (времени, места, действия). Сюжеты и правила драматических произведений этих великих французских драматургов сильно повлияли на английские драмы.

Английский классицизм не мог не считаться с национальными традициями в драме. Наследие английской драматургии эпохи Возрождения было использовано театрами периода Реставрации. На сцене этого времени снова ставились пьесы Шекспира, Бен Джонсона, Бомонта и Флетчера. Однако новое направление эстетических вкусов вызвало многочисленные переработки их пьес. Драматурги стремились к тому, чтобы примирить

национальные традиции с канонами классицизма. В дальнейшем, однако, происходит полное утверждение в драме принципов классицизма⁴¹.

В начале периода Реставрации ведущим стилем в трагедии была героическая драма, в частности произведения Джона Драйдена, которые отличались мощными агрессивными мужскими героями, их стремлением к славе и как завоевателей, и как любовников. Хотя авторы этих пьес иногда называют свои произведения «историями» или «трагедиями», современные критики определяют их по термину Драйдена «героическая драма». Многие произведения Драйден написал под влиянием французской неоклассической традиции.

С. Пипс дружил с Драйденом и смотрел разные его спектакли: «Конкурирующие Дамы», «Королева-девственница», «Индийская Королева», «Индийский Император», и все они ему понравились. Очевидно, он любил пародию на героические драмы Драйдена.

С. Пипс писал, что «Конкурирующие Дамы» очень безвредная и наиболее остроумная пьеса⁴². «Королеву-девственницу» он смотрел не менее восьми раз и отмечал в дневнике, что она является трагикомедией с серьезным главным сюжетом, успокаивающей комической второстепенной сюжетной линией⁴³.

Место действия «Индийской Королевы» — Мексика, экзотическая далекая земля в восприятии английских зрителей. Эта пьеса представляет собой героическую драму, в которой есть успешный герой и добродетельная героиня. С. Пипс впервые смотрел эту постановку 1 февраля 1664 года. Он писал, что это самый приятный спектакль и его ожидания оправдались; пьеса хорошая, но она испорчена рифмой, которая разрушает чувство⁴⁴.

Следующей пьесой, которую С. Пипс смотрел 3 раза, был «Индийский Император». Хотя в первый раз ему не понравилась игра Нелл Гвин в роли дочери императора⁴⁵, во второй раз он назвал пьесу хорошей⁴⁶, а в третий раз утверждал, что это «действительно очень хорошая пьеса»⁴⁷.

Наряду с героической драмой и жалостной трагедией зрители эпохи Реставрации наслаждались сатирической комедией, которая высмеивала все человеческие качества.

Комедия нравов или комедия характеров — пьеса, в которой источником смешного является внутренняя суть характеров и нравов высшего света, смешная и уродливая однобокость, гипертрофированная черта или страсть (порок, недостаток). Главное значение в комедии нравов — не сюжет, а остроумные диалоги. Самыми известными комедиями нравов были произведения французского драматурга Мольера, который высмеивал лицемерие и претензии старого режима Франции. Хотя в Англии пьеса Шекспира «Много шума из ничего» (1600) может считаться первой комедией нравов, она не была предназначена для этого жанра, ибо не следовала неоклассическим правилам. Этот жанр действительно процветал в эпоху Реставрации и находился под влиянием комедии Мольера и Бена Джонсона. Комедии нравов в духе французской классицистической традиции остроумно высмеивали глупости общества того времени.

Новый жанр драмы привлекал зрителей, так как представлял социальное поведение — борьбу за власть, которая изображалась в комедиях. Аристократов интересовали только сплетни, юмор и сексуальное удовольствие. В пьесах драматурги отражали гедонизм и распутную жизнь. Действующие лица этих комедий были чувственными, эгоистичными и вероломными. Цель жизни мужских персонажей — удовольствия, деньги и женщины. Герои комедии нравов — распутные дворяне, жители города и кутилы. Они ухаживают за женами своих близких людей. Мужья и отцы — скучны и глупы, героини — красивые, дерзкие и греховные, на них легко соблазниться.

Все действия сопровождаются блеском поверхностной воспитанности и социальной легкости. Лишь в редких случаях эти характеры имеют черты сочувствия, верности, добра, честности или лояльности.

Можно сравнить комедии нравов с традицией комедии предыдущего периода, к примеру с комедиями Шекспира. Комедия нравов — сатирическая комедия, фокусирующаяся на удовольствии от аморальных действий персонажей, их цель заключалась в разоблачении материалистического общества. Произведении Шекспира — это смешные комедии жанра романтики.

Целью комедии нравов эпохи Реставрации вовсе не являлось выставление греха в привлекательном виде. Напротив, они анализировали людские пороки, старались проникнуть в их социальную сущность, и комедия нравов была способом точно и ярко отобразить различные явления и стороны жизни. Именно в это время комедия перестала выполнять только развлекательную функцию.

С. Пипсу очень нравились комедии нравов. Одной из его любимых являлась пьеса «Сэр Мартин Мар-алл» (Sir Martin Mar-all, or The Feign'd Innocence). Эта комедия Драйдена была написана на основе пьесы Мольера. С. Пипс 15 августа 1667 года первый раз смотрел эту комедию, а 19 августа он снова ходил на спектакль и, комментируя его, отмечал, что эта пьеса — наиболее цельный кусок радости, который является абсолютным фарсом с начала и до конца из всех когда-либо написанных комедий. Он писал: «Смеялся до того, что голова болит весь вечер и всю ночь от смеха, в жизни никогда не смеялся как в этот раз»⁴⁸. С. Пипс неоднократно смотрел пьесы, которые очень любил. С августа 1667 и до мая 1668 года он восемь раз ходил в театр, чтобы посмотреть пьесу «Сэр Мартин Мар-алл».

С. Пипс служил чиновником морского ведомства и был знаком со многими придворными, с которыми поддерживал приятельские отношения. Поэтому он чувствовал себя действующим лицом, ибо сюжет пьесы о чиновничьем мире. Хотя он не был аристократом, но уже привык к этому обществу, хорошо знал его традиции и социальные ценности, поэтому мог хорошо понимать смысл комедии. Можно сказать, что С. Пипс любил сатиру в комедии нравов, т. к. этот жанр отражал мир, в котором он жил. Посмотрев спектакль, он мог не только смеяться, но и проникнуть в его социальную сущность.

С. Пипс считал, что главная цель спектакля — развлекать зрителей. Неудивительно, что его любимый жанр — комедия нравов. Кстати, С. Пипс ценил в пьесе не только удовольствие, но и остроумие. Ему больше нравились пьесы, показывающие интересные мысли, имеющие глубокое значение, чем простые с поверхностным юмором. Можно считать, что театр в восприятии С. Пипса не просто развлекательное занятие, но самое возвышенное искусство.

8 января 1663 года С. Пипс смотрел «Приключение пяти часов» Самуэля Тьюка. В частности, он писал о сюжете, визуальном впечатлении, реакции зрителя. С. Пипс считал, что эта пьеса — самое лучшее разнообразие, самое превосходное продолжение сюжета в пьесе своего времени⁴⁹.

Одними из популярнейших пьес предыдущего периода, воспроизведенных в театральных постановках эпохи Реставрации, были пьесы Шекспира. С. Пипс прочитал многие оригинальные сочинения Шекспира и наслаждался адаптированными версиями его пьес. Он оценивал спектакли не в соответствии с классическими правилами, а по другим критериям, т. е. сюжет, игру актеров, музыку, танцы и даже внешность исполнителей.

С. Пипс 41 раз смотрел 14 различных пьес Шекспира, но не всё ему нравилось. В отличие от комедии нравов, С. Пипс не очень любил комедии Шекспира. К примеру, он совсем плохо относился к «Двенадцатой ночи»⁵⁰, «Сну в летнюю ночь»⁵¹, и даже к трагедии «Ромео и Джульетта»⁵². Он считал, что в этих пьесах слишком много романтических слов о любви и в сюжетах мало практического значения для общества. Возможно, что С. Пипс не любил юмор в комедиях Шекспира, так как в его время социальный контекст уже совсем отличался от того, который был почти веком ранее. Он больше ценил сатиру в комедии своей эпохи, чем вкус елизаветинской драмы.

Однако С. Пипс отлично относился к историческим пьесам и трагедиям Шекспира. Ему особенно понравились «Отелло», «Макбет» и «Гамлет»⁵³. В 1666 году он смотрел «Макбет» десять раз и написал, что это «самая отличная разнообразная пьеса»⁵⁴, т. е. каждый раз он смотрел разные версии спектакля, но не ту оригинальную версию, которая написана Шекспиром. Возможно, что одна из этих версий была сделана Давенантом. В спектакле использовались новые устройства, исполнялись танцы и песни, характеристика спектакля показывает, что постановка больше похожа на оперу, чем на простой драматический спектакль. Кстати, С. Пипс вообще считал исторические пьесы и трагедии Шекспира очень выразительными. Например, 11 октября 1660 года он смотрел «Отелло» и высоко оценил эту постановку, хотя потом отмечал «средний уровень»⁵⁵.

Кроме Шекспира, в эпоху Реставрации еще продолжали играть трагедии предыдущей эпохи, например пьесы Кристофера Марло, Джона Уэбстера, Джона Флетчера и Фрэнсиса Бомонта. Эти трагедии не произвели на С. Пипса большого впечатления. Ему не понравился спектакль «Доктор Фауст» Марло, который шел 26 мая 1662 года в старом театре Красного Быка⁵⁶. Вероятно, постановка этой трагедии была нехороша из-за того, что режиссер неправильно понял содержание пьесы. С. Пипс считал, что «Малфиская Герцогиня» Уэбстера «печальная пьеса»⁵⁷. Можно отметить, что драмы яacobинского периода продолжили тенденцию насилия и ужаса, которая была установлена в елизаветинской трагедии. Впрочем, сложность некоторых персонажей и поэтический язык Уэбстера были так замечательны, что ее можно считать одной из величайших трагедий английской драмы этого периода⁵⁸. Когда С. Пипс первый раз смотрел «Трагедию Девицы» Бомонта и Флетчера, он посчитал ее «слишком грустной и тоскливой»⁵⁹, но после четвертого раза, 15 апреля 1668 года он изменил свое мнение, назвав ее хорошей пьесой⁶⁰.

8 июня 1661 года С. Пипс впервые увидел комедию «Варфоломеевская ярмарка» Бена Джонсона, который был одним из его самых любимых драматургов. Он считал ее наиболее замечательной пьесой, актеры хорошо играли, но замечал, что «в содержании слишком много богохульных и оскорбительных слов»⁶¹. Тем не менее, в том же году он еще три раза смотрел ее. 2 августа 1664 года С. Пипс писал, что спектакль ему очень приятен и он полагает, что это лучшая комедия в мире⁶². Согласно дневнику, С. Пипс смотрел «Варфоломеевскую ярмарку» шесть раз.

С. Пипс посмотрел огромное количество спектаклей, он разработал свой жесткий стандарт для оценки новых пьес. В его критерии оценки входили: драматургическая конструкция, инвенция, характеристика героя и самое главное — хорошее актерское искусство. Так, например, он считал, что пьесы Джонсона и Драйдена — образцы совершенства конструкции и инвенции.

Подводя итоги, можно утверждать, что Самюэль Пипс был истинным театралом. Он наслаждался комедиями, героическими драмами и пьесами своей эпохи, особенно пьесами Бена Джонсона,

которые строятся в соответствии с правилом классического единства. Он был самым счастливым, когда смотрел популярные пьесы в переполненном театре — действие обратной связи между актерами и энтузиазмом большого количества зрителей особенно волновало его. С. Пипс представляет собой истинного театрала эпохи Реставрации, очень тонкого ценителя театрального искусства и гораздо более проницательного, чем многие другие его современники. Он давал оценку не только игре актеров, содержанию пьес, постановке спектаклей, но и рассказывал о внешних атрибутах театрального искусства — изменениях в архитектуре театра, сценографии, светотехнике, появлении на сцене актрис и многом другом.

Примечания

- ¹ *Евсеев В. А.* Инновации в сфере досуга английского городского общества эпохи Реставрации // Социальные связи и их трансформация в Западной Европе XVII века. Кемерово, 2014. С. 514.
- ² См. более подробно: *Евсеев В. А.* Очерки по истории английского города раннего Нового времени. Иваново, 2010. С. 194—201.
- ³ *Евсеев В. А.* Инновации в сфере... С. 515.
- ⁴ *Webber B. G.* Samuel Pepys and John Evelyn as Restoration Virtuosi. Vancouver, 1962. P. 18.
- ⁵ *Bryant A.* Samuel Pepys : in 3 vols. Cambridge, 1933. Vol. 1 : The man in the making. P. 7—8.
- ⁶ BBC History: Samuel Pepys. URL: http://www.bbc.co.uk/history/historic_figures/pepys_samuel.shtml (дата обращения: 19.10.2014).
- ⁷ *Tomalin C.* Samuel Pepys: the Unequaled Self. L., 2002. P. 56.
- ⁸ *Webber B. G.* Op. cit. P. 31.
- ⁹ *Bryant A.* Op. cit. P. 8.
- ¹⁰ *Bryant A.* Op. cit. ; *Tanner J. R.* Mr. Pepys : an Introduction to the Diary. L., 1925 ; *Wheatley H. B.* Samuel Pepys and the World He Lived In. L., 1889 ; *Ponsonby A.* Samuel Pepys. L., 1928.
- ¹¹ См.: *Евсеев В. А.* Луангиослучакул Култхида : театр эпохи Реставрации в восприятии современников : (С. Пипс о жанрах театральных пьес) // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : материалы IV Всерос. конф. Нижневартовск, 2015. Ч. 1. С. 110—112.
- ¹² *Knighthon C. S.* Pepys's Later Diaries. Stroud, 2004. P. 35.

- ¹³ *Webber B. G.* Op. cit. P. 116 ; *Pepys S.* The Diary of Samuel Pepys : in 8 vols. L., 1952. Vol. 7. P. 287.
- ¹⁴ *Евсеев В. А.* Инновации в сфере... С. 515.
- ¹⁵ *Злыгостев А. С.* Английская драма и театр периода реставрации. URL: <http://istoriya-teatra.ru/books/item/f00/s00/z0000017/st050.shtml> (дата обращения: 20.11.2013).
- ¹⁶ *Евсеев В. А.* Очерки по истории... С. 201.
- ¹⁷ *Borsay P.* The English Urban Renaissance : Culture and Society in the Provincial Town, 1660—1700. Oxford, 1989. P. 147.
- ¹⁸ *Pepys S.* Op. cit. Vol. 3. P. 107.
- ¹⁹ *Ibid.* P. 108.
- ²⁰ *Webber B. G.* Op. cit. P. 95.
- ²¹ *Pepys S.* Op. cit. Vol. 4. P. 138.
- ²² *Ibid.* Vol. 8. P. 1.
- ²³ *Ibid.* Vol. 4. P. 193.
- ²⁴ History of the Theater. Boston, 1968. P. 286.
- ²⁵ *Sporre D. J.* The Art of Theater. Englewood Cliffs, 1993. P. 352.
- ²⁶ *Pepys S.* Op. cit. Vol. 8. P. 293.
- ²⁷ *Southern R.* The Seven Ages of Theater. N. Y., 1961. P. 239.
- ²⁸ *Pepys S.* Op. cit. Vol. 5. P. 259.
- ²⁹ *Ibid.*
- ³⁰ *Ibid.* Vol. 8. P. 60.
- ³¹ *Ibid.* Vol. 5. P. 259.
- ³² *Ibid.* Vol. 6. P. 162.
- ³³ *O'Connor K.* Aphra Behn and the Restoration Theatre : 2nd essay in the series : Aphra Behn and Political Culture. Oxford, 2012. P. 4—5.
- ³⁴ *Pepys S.* Op. cit. Vol. 1. P. 294.
- ³⁵ *Ibid.* Vol. 6. P. 173.
- ³⁶ *Ibid.* Vol. 7. P. 221.
- ³⁷ *Ibid.* P. 260.
- ³⁸ *Ibid.* P. 358.
- ³⁹ См.: *Pearson J.* The Prostituted Muse: Images of Women and Women Dramatists, 1642—1737. N. Y., 1988. P. 25—41.
- ⁴⁰ *Решетов В. Г.* Джон Драйден и становление английской литературной критики XVI—XVII веков. Иркутск, 1989. С. 7—8.
- ⁴¹ *Злыгостев А. С.* Указ. соч.
- ⁴² *Pepys S.* Op. cit. Vol. 4. P. 194.
- ⁴³ *Ibid.* P. 192.
- ⁴⁴ *Ibid.* Vol. 4. P. 27.
- ⁴⁵ *Ibid.* Vol. 7. P. 72.

- ⁴⁶ Ibid. P. 180.
- ⁴⁷ Ibid. P. 356.
- ⁴⁸ Ibid. P. 65.
- ⁴⁹ Ibid. Vol. 3. P. 7—8.
- ⁵⁰ Ibid. Vol. 2. P. 95.
- ⁵¹ Ibid. P. 326.
- ⁵² Ibid. P. 185.
- ⁵³ Ibid. P. 82.
- ⁵⁴ Ibid. Vol. 6. P. 110.
- ⁵⁵ Ibid. Vol. 8. P. 189.
- ⁵⁶ Ibid. Vol. 2. P. 230.
- ⁵⁷ Ibid. Vol. 8. P. 155.
- ⁵⁸ *Jack I. The Case of John Webster // Scrutiny*. Cambridge, 1949. Vol. 16, № 1. March. P. 38—43.
- ⁵⁹ *Pepys S. Op. cit.* Vol. 2. P. 33.
- ⁶⁰ Ibid. Vol. 7. P. 342.
- ⁶¹ Ibid. Vol. 2. P. 47.
- ⁶² Ibid. Vol. 4. P. 193.

ББК 60.033.145.2

Н. Н. Васильев

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕНТАЛИТЕТА
И ЖИЗНЕСПОСОБНОСТЬ РОССИЙСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Чтоб дружная песня лилась,
Звенел небосвод голубой,
Родная Россия с колен поднялась
И стала самой собой!

Е. М. Бикташев. Хопёрский вальс

Цивилизационный подход к изучению исторических процессов и явлений давно и продуктивно разрабатывается в науке¹. Он представляет собой своеобразный ракурс взгляда на всемирную историю, ее особое видение, при котором в поле зрения попадают и собственно исторические процессы и социокультурные явления. Вместе они полнее и ярче отражают жизнь человечества как в прошлом, так и в настоящем, дают возможность делать более полноценные суждения о возможном будущем.

Такой взгляд на человеческую историю особенно актуален, так как именно борьба цивилизаций в настоящее время является важнейшим двигателем истории. В рамках этого подхода применительно к истории и культуре нашего отечества так же широко и разносторонне изучается самобытная российская цивилизация².

Как сложнейшие социокультурные организмы, цивилизации проходят свои пути исторического развития от зарождения до гибели, переживая периоды подъема и упадка, расцвета

© Васильев Н. Н., 2016

Васильев Николай Николаевич — заместитель директора по информационным технологиям Саратовского полиграфкомбината. vnn@sarpk.ru

и прозябания. Поскольку в человеческом обществе цивилизации находятся в интенсивном взаимодействии, то их судьбы зависят не только от внутренних особенностей, но и от внешних факторов. Учитывая эту сложную взаимообусловленность явлений, вполне правомерно говорить о жизнеспособности цивилизации как о ее способности самовоспроизводиться и поддерживать свое своеобразие в реальных внутренних условиях и при агрессивном воздействии других цивилизаций³.

Лаконичные и точные формулировки по этому вопросу дал в одном из докладов на научном семинаре профессор С. Г. Карамурза:

«Россия — одна из больших локальных цивилизаций со всеми необходимыми атрибутами.

— Цивилизации, будучи большими системами, могут или развиваться, или деградировать. Застой не может быть длительным стационарным состоянием цивилизации.

— Понятие “жизнеспособность” в отношении цивилизации как продукта культуры есть метафора. Она предполагает состояние нежизнеспособности, которое ведет к смерти цивилизации. В реальной истории речь идет не о гибели цивилизаций, а о их глубокой перестройке (смене формата)»⁴.

В упомянутом докладе также выделен ряд факторов и индикаторов жизнеспособности цивилизации. К ареалу российской цивилизации относится, разумеется, не только территория России, но и территории других государств, прежде всего частей бывшего СССР, на которых значительно представлен культурно-исторический тип, доминирующий в населении России.

В нынешнем состоянии российская цивилизация в лице ее ядра — российского общества и государства — находится в плачевном состоянии, прежде всего в экономическом и социально-политическом отношениях. В настоящей острой кризисной ситуации наши цивилизационные проблемы обострились. И хотя под влиянием кризиса Россия, прежде всего благодаря президенту, начинает собираться с силами, угрозы самому существованию нашей цивилизации остаются актуальными, и опасность их не уменьшается. К тому же России, чтобы успешно противостоять врагам вовне, нужно сначала победить свои внутренние весьма серьезные беды.

И Российская империя и Советский Союз потерпели, прежде всего, экономический крах. Аналогичным путем может погибнуть и вся российская цивилизация. Ведь при всей общественной стабилизации и даже некотором росте благосостояния за счет эксплуатации природных ресурсов основными итогами остаются разорение, почти полное уничтожение промышленности и сельского хозяйства, засилье иностранного капитала (даже в жизненно важных отраслях), мафиозность и коррумпированность властных структур, моральное разложение значительной части населения. Это результат цивилизационной деградации под воздействием мощнейшего, опять же цивилизационного, прессинга Запада.

Одним из главных элементов любой цивилизации и одним из ее системообразующих факторов являются основные социально проявляемые человеческие качества — ментальные устои, ментальности. Идея о том, что смысловым фокусом и внутренней **сущностью** цивилизации как культурно-исторического типа является менталитет («душа культуры»), принадлежит О. Шпенглеру⁵. В развитие этой идеи справедливо сделать вывод: «Поскольку существует самостоятельная российская цивилизация, то именно русский менталитет во многом определяет ее глубинный внутренний смысл»⁶.

Российский менталитет — явление очень сложное, многогранное и своеобразное, и к тому же противоречивое. Н. А. Бердяев, рассуждая о парадоксальности русской истории и русской души, отмечал: «Бездонная глубь и необъятная высь сочетаются с какой-то низостью, неблагородством, отсутствием достоинства, рабством. Бесконечная любовь к людям, поистине Христова любовь, сочетается с человеконенавистничеством и жестокостью»⁷.

При этом ментальные качества не являются чем-то застывшим и в той или иной степени с течением времени изменяются под влиянием исторически обусловленных общественно значимых обстоятельств⁸. Эти изменения происходили всегда, но в новейшей истории их темп существенно ускоряется. За XX век и начало XXI века российский менталитет изменился больше, чем за несколько столетий (XIV—XIX вв.). Причина такой «ускоренной перестройки», наверное, в общей интенсификации социальных процессов.

Один из таких общемировых процессов — глобализация. Как тенденция мирового развития она является объективной и неизбежной, но нельзя не видеть, что во многих отношениях на российский менталитет и другие аспекты нашей цивилизации она оказывает пагубное и разрушительное воздействие.

Некоторые из указанных изменений, происходящих или проявляющихся в последнее время, несут угрозу для самого существования Российской цивилизации. Попытаемся охарактеризовать некоторые направления трансформации российских ментальных устоев, представляющиеся наиболее существенными и опасными.

Чувство национального достоинства, самоуважение — самонеуважение. Эта трансформация имеет давнюю историю, как минимум с петровских времен. В начале XX века был просто расцвет самонеуважения, частично он повторился в 1980—90-х годах. Думается, что у этого явления имеется определенная корреляция с периодами национальных катастроф и упадка. В любое самое мрачное и тяжелое время нам есть чем гордиться и в нашей истории, и в нашей культуре. Тем не менее, сейчас самонеуважение широко и глубоко укоренилось в массовом сознании российских граждан, прежде всего именно русских. Это неуважение к своему языку, к своей культуре и истории, преклонение перед всем иностранным, перенимание западных манер поведения и выступления. Так, тележурналисты и ведущие программ демонстративно копируют манеры западных коллег, а технические специалисты допускают совершенно неумеренное употребление английского языка и плохое владение русским.

Печальные примеры этой тенденции демонстрирует телевидение. 3 апреля 2015 года на 1-м канале показывалась программа «Голос. Дети», и большинство вокальных номеров исполнялись на английском. Дети воспитываются на презрении к своему языку — если себя надо хорошо подать, то обязательно следует петь на английском. 17 апреля 2015 года телеканал «Россия», программа «Главная сцена»: опять почти все поют по-английски.

Нет ничего плохого в любви к иностранной музыке и литературе, в том, чтобы слушать и читать произведения иностранного искусства в оригинале или в переводе. Но **создавать** надо

свое. Российский писатель должен писать, а певец петь песни на русском или своем родном национальном языке.

За многие годы самое значимое позитивное движение в направлении самоуважения произошло после долгожданного и чудесного возвращения Крыма в Россию. Однако огромное количество наших соотечественников по-прежнему уверены, что Россия — не место для жизни, учебы и отдыха. В первых рядах — наша экономическая и политическая элита. У большинства членов правительства дети или члены семей живут за границей: они не видят будущего для своих детей в России, хотя и служат, по их уверениям, именно ей.

Готовность к борьбе, гражданская активность — безволие, пассивность, запуганность. Эта трансформация наиболее сильно выявилась в годы советской власти, правда в двойственном виде. В борьбе с внешними врагами советские люди проявляли самоотверженный героизм и самопожертвование, что самым ярким образом воплотилось в великой Победе над фашизмом. Однако готовность отстаивать свои жизни, честь и достоинство во внутренних ситуациях была жестко вытравлена репрессиями и беззаконием. С этим советское государство подошло к своему краху, правда самим этим крахом вызвало и некоторый подъем гражданской активности и решительности (события августа 1991 года и октября 1993). В последующее десятилетие гражданскую активность парализовало господство криминала. В последние годы как позитивные, так и негативные общественные процессы в их совокупности создали условия для возрождения гражданской активности. Но печально то, что управление этой гражданской активностью перехватили американские и другие иностранные спецслужбы. На руку им в этом деле сыграло упомянутое выше «благоговение» многих наших сограждан перед всем исходящим с Запада, перед мифическими европейскими ценностями. Не успев встать на ноги, многие гражданские движения дискредитировали себя позорным образом. Возвращение Крыма обострило ситуацию почти до раскола общества, хотя и показало ограниченность масштабов сил, борющихся со своей страной и своим народом.

В прошедшие два года жизнь уготовила самую суровую проверку способности наших соотечественников к борьбе за себя,

за право оставаться русскими и просто нормальными людьми: это война на Донбассе и бесчинства фашистов на Украине. Одесса в мае 2014 года не смогла постоять за себя. Две тысячи бандитов задавили миллионный город. В то же время в Донецке при таком же населении и в меньшем Славянске нашлось несколько тысяч людей, готовых голыми руками и охотничьими ружьями бороться с танками. С сожалением надо отметить, что стойкость, мужество, решительность в борьбе проявляет, прежде всего, **среднее и старшее поколение**: в ополчении Новороссии воюют в основном люди старше 40 лет, молодежь по возможности держится в стороне.

И всё же важно отметить, что события в Новороссии ясно свидетельствуют о жизнестойкости Российской цивилизации и воспринимаются ее патриотами как непосредственная составляющая ее политической структуры, культуры, правового поля, менталитета. «В цивилизационном плане Новороссия имеет шанс стать знаменем возрождения российской цивилизации в целом. Ее пример мог бы послужить локомотивом идейно-властной трансформации для самой России»⁹ через осознание того, что «при всей своей обыденной налаженной жизни... как-то и не замечалось, и не ценилось — мир, родные, просто даже окружающие люди, которых ты даже не знаешь, добро, свобода, вера, тихий ясный день... Но, оказывается, за это надо еще бороться, чтобы не погибнуть, не прогнуться и духовно не сгнить»¹⁰.

Религиозность — безбожие. В данном случае религиозность имеется в виду не как внешнее, ритуальное следование традициям и нормам той или иной религии, а именно как внутренняя, укорененная в душе вера. Религия — не только **основа морали**, но и важнейший элемент, «несущая конструкция» российского менталитета, так как прямым или косвенным способом она является фундаментом других важнейших ментальных черт, например общинности.

Нельзя не видеть, что религиозность во многом служит преградой распространению социальных извращений, смертельно пагубных не только с моральной (духовной) точки зрения, но и просто биологически — таких как гомосексуализм, однополые браки, насильственное изъятие детей из родных семей и т. д. Религиозность, по большому счету, единственное противоядие против проникающей с Запада аморальной заразы «толерантности»

к всевозможным извращениям, надругательствам над традициями и святынями (вспомним хотя бы пример злополучных французских карикатуристов). Эта смрадная зараза постепенно пускает корни и в нашем обществе. Примером является дикая выходка аморальной группы, именовавшей себя «Бунт женского полового органа». Еще один пример — постановка оперы «Тангейзер» в Новосибирске — демонстрация безбожников на государственной сцене. Особенно ужасно то, что находится масса защитников подобных явлений не только на Западе, но и в нашем обществе.

В новое и новейшее время религиозность в российском обществе изменялась различными путями. В недалеком прошлом, в советское время, была эпоха насильственного безбожия. Затем, когда всё вдруг стало можно, произошел пышный расцвет внешних проявлений религиозности. В настоящее время — противостояние с безбожным, сатанинским Западом, давящим социально, культурно, политически и экономически.

От того, насколько люди в массе своей являются реально верующими, в значительной степени зависит будущее цивилизации. В таких условиях, когда души людские не освещены верой или она вырождается во внешние проявления, ритуал, очень просто получается страшный результат, который мы видим на Украине: милые девушки энергично и весело разливающие горячее по бутылкам, чтобы сжигать тех, кто им не нравится; гарные хлопцы, усердно и тщательно готовящие мины, чтобы получше повзрывать детей, женщин, стариков; благообразные старушки, для которых их внуки, заживо сжигавшие милиционеров, просто пошалившие ребята, которым нужен адреналин. Если мы не сможем сохранить реально душевно-укорененные устои веры, то получим всё это сполна, не говоря уже о толпах «усатых Кончит» и «доблестных солдат» в женских трусиках (как в американской армии).

Общинность, коллективизм — индивидуализм, атомизация общества. В данном случае общинность понимается не в смысле формы социальной организации или формы общественного самоуправления, а в смысле ориентации на общие ценности и интересы, общие убеждения. Общинность дает возможность людям, даже не знакомым друг с другом, чувствовать себя частью некоего обширного целого на разных его уровнях. Она является одной из важнейших основ российского менталитета, одним

из системообразующих факторов российского общества, из нее происходят или благодаря ей формируются и сочувствие, и готовность оказывать помощь. Индивидуализм, проросший в Западном обществе в течение тысячелетий, чужд российскому менталитету.

Общинность — важнейшая **предпосылка** для мирного и взаимопользующего сосуществования различных этнических частей российской нации, так как она в той или иной форме свойственна и славянским, и финно-угорским, и семитским, и тюркским этносам. Она является необходимой скрепляющей нитью для национального единства и основой способности общества противостоять внешнему давлению, сохранять ментальную целостность.

Общинность тесно взаимосвязана с религиозностью. И православие, и ислам (во всяком случае, в формах, принятых традиционно у народов европейской части России), и иудаизм духовно подпитывают общинность. Возможно, это одна из причин того, что географически развитие и распространение русского народа происходило, прежде всего, на север и восток, а не на запад.

Общинность более или менее благополучно пережила социалистическую эпоху, подпитываясь объединяющей общество идеологией и организационно подкрепляясь коллективизмом. Однако в постсоветское время эта черта нашего менталитета интенсивно угасала под давлением западной цивилизации через троянского коня глобализации и красивые сказки о «европейских ценностях». В настоящее время в этом плане состояние критическое. Небольшой повод для оптимизма может дать только подъем патриотизма, на основе которого возможно укрепление социальной общности.

Нестязательство — жадность и алчность, справедливость — выгода. В значительной части эта тенденция есть следствие укоренившегося индивидуализма (атомизации общества). Неумеренная, патологическая жадность является доминирующей ментальной особенностью и доминирующим мотивом большей части российских бизнесменов. Основные отрасли нашего бизнеса — финансы и торговля. Производить что-то желающих мало, это очень хлопотно, а вот перепродать — это куда лучше. Соответственно основные бизнес-процессы — это **финансовые махинации и спекуляция**.

Демонстративно нагло действуют в этом плане, прежде всего, торговцы нефтепродуктами и продовольственными товарами.

Вот пример: стоимость 1 кг зерна около 11 руб., 0,85 кг муки — 14 руб., 0,9 кг хлеба — 60 руб. В других отраслях не многим лучше. Так, книга объемом 400 страниц в хорошем переплете при тираже 20 000 экземпляров имеет полную полиграфическую себестоимость не более 100 руб., а продается в книжных магазинах по цене 450—600 руб.

Даже те, кто решается что-то производить, стремятся при возможности «не упустить свой шанс». Пример: в московских ресторанах взамен импортного мяса стали приобретать высококачественное мясо (мраморную говядину) у подмосковных фермеров. Они установили цены почти в два раза больше, чем у иностранных поставщиков.

До последнего времени российское правительство и законодатели упорно не замечали такого неприличного поведения бизнесменов. Однако сейчас в условиях кризисной ситуации появляются некоторые признаки прозрения. Так, выступая в Госдуме 21 апреля 2015 года, премьер-министр РФ Дмитрий Медведев заявил: «Жадность некоторых бизнесменов, попытавшихся получить сверхприбыли на рынке продовольствия и лекарств, может привести к соответствующим государственным решениям в части регулирования торговли»¹¹.

Очевидно, что если в ближайшее время в этой ситуации не удастся произвести коренной перелом или хотя бы существенный сдвиг, то нашу экономику ждет крах, а государство — полная потеря экономической независимости.

Некоторые другие особенности российского менталитета и их влияние на экономическое и социальное развитие нашего общества очень интересно и основательно рассмотрены в статье Б. Г. Миркина¹². Это несколько иной взгляд на проблему, но он также показывает огромное влияние ментальных качеств россиян на перспективы и возможную судьбу Отечества.

«Пружины и механизмы», приводящие в движение процессы трансформации ментальности, очень разнообразны¹³. Деградация и разложение ментальных устоев российского общества происходит под воздействием многих социокультурных процессов, которые оказывают свое разрушительное влияние по таким каналам, как пресса, массовая культура, образование. Их интегральное действие приводит, прежде всего, к моральной эрозии.

Одним из механизмов ментальной деградации является так называемая свобода творчества, пропагандируемая и насаждаемая Западом, в среде художественной и научной интеллигенции. У ее представителей формируется полное отсутствие понимания какой бы то ни было социальной **ответственности** за результаты своего творчества. Можно сочинять, изображать, представлять всё что угодно, лишь бы это получше продавалось. Тот факт, что на подобных произведениях воспитывается подрастающее поколение и при этом размываются культурные и этические устои, совершенно не принимается во внимание.

Широко известным, «классическим» примером такой вульгарной свободы творчества явилась уже упомянутая постановка оперы Вагнера «Тангейзер» в Новосибирске. Когда эта свобода неуважительного отношения к религиозным святыням, свобода выкручивания и переименования чужого произведения вызвала критику и негативные оценки, то раздались многочисленные вопли о попрании «права художника на свободу творчества». И при этом, как отмечает В. А. Порозов: «Увы, наша художественная интеллигенция и оценивающие ее деятели “эксперты” в очередной раз продемонстрировали свою оторванность и от народа, и от России, поставив во главу угла отнюдь уже не художественные ценности»¹⁴.

Такая «свобода творчества», трактуемая как абсолютная вседозволенность и бесконтрольность, является паразитическим явлением, существующем на беспринципной и бессовестной эксплуатации чужого авторитета и чужой славы¹⁵. Она не имеет ничего общего с реальной несвободой, например в виде идеологического давления, имевшего в ряде случаев место в советский период, как это описано, в частности, в монографии Э. Б. Ершовой¹⁶. К сожалению, у нашего общества сегодня нет сколь-нибудь развитых институтов, способных противостоять таким явлениям. Остается уповать только на смелость и принципиальность отдельных представителей интеллигенции с их высокой внутренней культурой.

Результаты рассмотренных трансформаций печальны. Разрушение цивилизационных основ, как и любое общественное разложение, начинается с **«элиты»** общества. У нас эта «элита» формируется, как правило, из нравственно разложившихся людей. Социальная база «элиты» имеет внушительные размеры.

По некоторым данным, около 16 % населения «хочет «отдать» Крым (не спрашивая, разумеется, крымчан) и до сих пор озарена «светом майдана»¹⁷.

Борьба Запада с Россией и Российской цивилизацией приняла открытую агрессивную форму, и в связи с этим можно отметить, что сейчас Российская цивилизация проходит два теста. По **пространственному признаку** их можно назвать локальным и глобальным. Локальный — проходит в Новороссии. Он проверяет способность российского (в культурно-историческом плане, а не в плане гражданства) народа противостоять открытой военной и информационно-агрессии, гуманитарному и культурному террору.

Второй тест — глобальный, всемирного масштаба, это политическое и духовное противостояние управляемому американцами духовно и нравственно разложившемуся Западу. В этом драматическом столкновении практически напрямую проверяется жизнеспособность нашей цивилизации в целом. Со стороны Запада это уже не просто подспудный постоянный прессинг, как было раньше, а открытое общее противостояние с мобилизацией всех сил и ресурсов, пока, разве что, кроме военных. У России хватило духу ввязаться в эту схватку и обратной дороги, по большому счету, нет.

Даже если мы просто отступим, мягко пойдём на компромиссы, то результатом будет наша внутренняя полная национальная катастрофа; не только потеря политической и экономической независимости, но и окончательное разрушение всех культурно-исторических устоев нашего общества.

Может показаться, что краски сильно сгущены и высказанные выше опасения не обоснованны, не безусловны. К сожалению, история даёт основания думать иначе. Эти основания хорошо иллюстрируются притчей, записанной В. А. Солоухиным:

«В английском парламенте один оратор устроил остальным членам парламента своеобразную остроумную ловушку. Обсуждался вопрос о молодежи. Оратор огласил с трибуны четыре высказывания разных людей о молодежи. Вот они, эти высказывания:

1. Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, она насмехается над начальством и нисколько не уважает стариков. Наши нынешние дети стали тиранами, они не встают, когда в

комнату входит пожилой человек, перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие.

2. Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодежь завтра возьмет в свои руки бразды правления, ибо эта молодежь невыносима, не выдержана, просто ужасна.

3. Наш мир достиг критической стадии. Дети больше не слушаются своих родителей. Видимо, конец мира уже не очень далек.

4. Эта молодежь растленна до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы. Они никогда не будут походить на молодежь былых времен. Молодое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашу культуру.

Все эти изречения о молодежи, о грозящей гибели культуры, о безнадежном будущем были встречены в парламенте аплодисментами. Тогда оратор раскрыл карты. Оказывается, первое изречение принадлежит Сократу (470—399 год до нашей эры), второе — Гесиоду (720 год до нашей эры), третье — египетскому жрецу (2000 лет до нашей эры), четвертое найдено в глиняном горшке в развалинах Вавилона, а возраст горшка — 3000 лет.

Получилось в парламенте очень эффектно и даже смешно. Однако все эти культуры и правда погибли. И горшок найден, увы, среди развалин Вавилона, а не в процветающем городе»¹⁸.

Осознание опасности должно побудить к сознательному и активному противодействию ей: «Нам надо научиться сопротивляться этому, научиться быть не толерантными. Мы не должны молча смотреть, как нас сжирают в информационном пространстве»¹⁹.

Надо чувствовать ответственность и перед предками, оставившими нам культурно-историческое и природное наследие, и перед потомками, которым мы в отличие от своих предков можем всего этого и не передать. На нас, нынешних россиянах, представителях Российской цивилизации лежит ответственность в некотором смысле и перед всем человечеством, так как западная европейская цивилизация в духовном плане уже практически самоуничтожилась. Можно сказать, что «Россия — это единственный центр непорабощенной цивилизации»²⁰.

Если описанным негативным процессам не противопоставить решительное противодействие и неприятие идущих с Запада влияний, то это приведет к очень печальным последствиям.

В этом вопросе не стоит уповать на выявленную А. С. Ахиезером цикличность российской истории²¹. Циклические колебания могут быть затухающими, и, возможно, для очередной фазы подъема у нации может не хватить духовных сил.

В то же время неверно было бы полагать, что изменения менталитета являются единственной причиной негативных социокультурных процессов. **Ментальные трансформации** и кризисные общественные явления попеременно занимают места **причины и следствия** в историческом круговороте причинно-следственных связей.

В настоящий период деградация российского менталитета может привести в сравнительно близком будущем к нарушению социокультурной целостности Российской цивилизации, к ее цивилизационному расслоению, дифференциации (прежде всего, возможно выделение, выпадение мусульманской части общества) и измельчанию с последующим практическим исчезновением (как у американских индейцев или северных народов). В эту сторону усиленно тянут Россию внутренние и внешние мигранты со своими социокультурной обособленностью и изоляционизмом, а также возрастающее проникновение радикального ислама, который как гниль разъедает и превращает в прах веками сформировавшийся симбиоз мусульманской и христианской духовности в рамках светского многоэтнического государства²². Этот симбиоз — одно из великих достижений нашей цивилизации, которое может быть легко утеряно, что станет огромным шагом к ее распаду и гибели в не слишком отдаленной перспективе.

В последнее время стали просматриваться и некоторые обнадеживающие позитивные тенденции. По времени они коррелируют с возвращением Крыма, экономическим и политическим кризисами, хотя, очевидно, не во всем имеются причинно-следственные связи с этими явлениями. Результаты таких тенденций еще не вполне проявлены, и большой вопрос состоит в том, хватит ли нам времени для укрепления настолько, чтобы уверенно и длительно противостоять многочисленным общественно-разрушительным явлениям — как внешним, так и внутренним.

Одна из **сильных сторон** Российской цивилизации в том, что она не чисто русская, а именно **Российская**, и в ней «целостность культуры не есть однообразие, она обеспечивается

через многообразие (гендерных, городских и сельских, возрастных, этнических, религиозных, профессиональных) субкультур, образующих единый общественный организм»²³. Причем в данном контексте особенно важно взаимодополняющее сосуществование именно этнических и религиозных субкультур.

Сохранение, укрепление и развитие Российской цивилизации могло бы быть основой снятия, разрешения или смягчения некоторых других цивилизационных конфликтов, например мусульманско-европейского, так как в традиции русской общественной жизни сформирован устой мирного, взаимоуважительного и общепольного сосуществования в рамках общего социокультурного поля. «И кажется, что путь воскресения России тот же, на котором человечество может найти выход из тупика, найти спасение от бессмысленной гонки индустриального общества, культа власти, мрака неверия»²⁴.

Возможность противодействия различным негативным социокультурным тенденциям осложняется некоторыми противоречивыми обстоятельствами, которые можно назвать ментальными цивилизационными ловушками нашего общества. Так, например, чтобы обществу уверенно и решительно встать на ноги в создавшихся сейчас условиях, неминуемо нужно будет пройти через ограничение личного потребления гражданами материальных благ и переориентировать экономическую деятельность на продуктивную, а не спекулятивную работу. Значительная часть нашего общества принять это, скорее всего, не сможет в силу деформированного западным влиянием менталитета, что подтверждается данными социологического исследования²⁵. Однако нет другого пути к тому, чтобы обеспечить высокий уровень жизни и вместе с тем остаться русским, а не желто-голубым европейцем.

Губительна наша тесная связь с разлагающейся и гибнущей европейской цивилизацией. Причины этого печального исторического процесса можно рассматривать по-разному, но результаты уже очевидны и для самой Европы и, что особенно жаль, для нас²⁶.

Противоречива роль верховной власти, прежде всего президента. С одной стороны, он много делает для укрепления страны в политической и военной областях и для социальной стабилизации общества. Однако, с другой стороны, его деятельность консервирует, а иногда и поддерживает негативные общественные процессы

и явления, имеющие огромное разрушительное влияние и блокирующие развитие, прежде всего, в экономической сфере. Как справедливо отмечал политолог, генеральный директор Института проблем глобализации Михаил Делягин, «мы имеем самое прямое свидетельство того, что у нас действительно есть своя “каста неприкасаемых”. Если в Китае даже пятый человек в государстве может спокойно пойти в тюрьму по обвинению в коррупции даже после выхода на пенсию, а заместитель директора тамошней государственной службы безопасности отправиться на нары прямиком из своего кабинета, то у нас даже подручная бывшего министра является лицом абсолютно неприкасаемым»²⁷.

На телеканале «Культура» 14 мая 2014 года показывали передачу об удивительном человеке — авиаконструкторе Роберто Бартини (1897—1974)²⁸. В заключительной ее части в качестве своеобразного итога о России было сказано примерно следующее: «Удивительная страна, удивительные люди. И то, что эта удивительная страна до сих пор еще жива, то это потому, что удивительность людей превосходит удивительность страны».

Очень бы хотелось в будущем сохранить, не утратить окончательно «удивительность» людей и существенно снизить «удивительность» страны. Особая роль в этом должна принадлежать интеллигенции — «удивительным» людям, которые душой воспринимают общественные проблемы и имеют большое влияние на души сограждан.

В контексте рассматриваемых проблем у интеллигенции (прежде всего научной, работающей в области общественных наук) одной из важнейших задач должно быть формирование и внедрение в общественную практику (прежде всего — во властную) социальной методологии — научной основы развития общества.

Чтобы наши потомки жили не в американском протекторате, а в великой стране с великим народом и великой культурой, надо не только верить в Россию, как завещали нам Ф. И. Тютчев и И. А. Ильин, но и находить силы и возможности для противодействия ее разрушению: «Если нашему поколению выпало на долю жить в наиболее трудную и опасную эпоху русской истории, то это не может и не должно колебать наше разумение, нашу волю и наше служение России. Борьба Русского народа за свободу и достойную жизнь на земле — продолжается.

И ныне нам более чем когда-либо подобает верить в Россию, видеть ее духовную силу и своеобразие и выговаривать за нее, от ее лица и для ее будущих поколений ее творческую идею»²⁹.

Надо также прислушаться к сказанным почти сто лет назад в связи с кризисными явлениями того времени в российском обществе словам Н. А Бердяева о том, что необходимо «радикально иное отношение к государству и культуре, чем то, которое было доньше у русских людей. Государство должно стать внутренней силой русского народа, его собственной положительной мощью, его орудием, а не внешним над ним началом, не господином его. Культура же должна стать более интенсивной, активно овладевающей недрами и пространствами и разрабатывающей их русской энергией. Без такого **внутреннего сдвига** (выделено мной. — *Н. В.*) русский народ не может иметь будущего, не может перейти в новый фазис своего исторического бытия, поистине исторического бытия, и само русское государство подвергается опасности разложения. Если русское государство доньше хотело существовать пассивностью своего народа, то отныне оно может существовать лишь активностью народа»³⁰. Такой «внутренний сдвиг» необходим, прежде всего, для интеллигенции, чтобы она стала в нашем обществе активной и мощной укрепляющей силой.

В этом плане очень полезно обратить внимание на исторический пример китайской интеллигенции, которая на протяжении многих веков была крепким столпом китайского общества и сохранила до настоящего времени свою скрепляющую роль, пройдя через многие жестокие испытания (в частности — культурную революцию). «У китайцев “благородный муж” [представитель духовной элиты, интеллигент] всегда ощущал себя органичной частью (пусть и специфичной — управляющей) целого — семьи — государства, для него немисливо было назвать Родину “этой страной”»³¹. Пример китайских «благородных мужей» особенно показателен в контексте рассматриваемой проблемы: китайская цивилизация, будучи гораздо старше российской, не теряла своей жизнеспособности и уверенно сохраняет ее в настоящее время.

В Саратове перед городской думой стоит прекрасный памятник П. А. Столыпину, который в 1903—1906 годах был саратовским губернатором. На высоком постаменте фигура Столыпина в мундире с непокрытой головой (символ служения), а внизу

по четырем углам фигуры священника, воина, землепашца и кузнеца — образы четырех столпов, на которых стоит российская государственность. Ее сохранение и укрепление в настоящее время — необходимое условие сохранения Российской цивилизации.

Хочется верить, что в этом труднейшем и благороднейшем историческом процессе еще одной опорой не только государства, но и всего общества будет **интеллигенция**. Ее роль должна быть очень важной, потому что для преодоления отмеченных выше негативных явлений мало осознания их пагубности, ибо, как писал И. Р. Шафаревич, «чтобы бороться за жизнь, страх не поможет, нужно чтобы душа сохранила еще нравственные силы»³². Сохранение же нравственных сил «российской души» можно считать исторической миссией российской интеллигенции как слоя людей, наиболее тонко понимающих и духовно переживающих все болезни и беды нашего общества, нашей культуры, нашей цивилизации и способных направлять и формировать взгляды сограждан, прежде всего — подрастающего поколения.

Примечания

- ¹ *Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М., 2008 ; *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории : сб. М., 2003 ; *Фернандес-Арместо Ф.* Цивилизации. М., 2009 ; *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. М., 2003 ; *Шпенглер О.* Закат Европы : в 2 т. Новосибирск, 1993.
- ² *Костяев А. И.* Современная российская цивилизациология: подходы, проблемы, понятия. М., 2013 ; *Наумов С. Ю.* Россия — суверенная цивилизация. Саратов, 2008 ; Современная российская цивилизация. М., 2000. Кн. 1 ; *Сулакшин С. С.* Особенности российской цивилизации. URL: <http://rusrand.ru/analytics/osobennosti-rossijskoj-tsilivilizatsii> (дата обращения: 13.01.2016) ; *Чухлеб С. Н.* Цивилизационные парадигмы российской истории : социал.-философ. очерк. М., 2010 ; *Шановалов В. Ф.* Истоки и смысл российской цивилизации. М., 2003.
- ³ *Ахиезер А. С.* Жизнеспособность российского общества // Общественные науки и современность. 1996. № 6. С. 58—66 ; *Кара-Мурза С. Г.* Россия под ударом : угрозы русской цивилизации. М., 2010 ; *Шафаревич И. Р.* Есть ли у России будущее? М., 1991 ; *Шевченко В. Н.* Жизнеспособность российского государства как философско-

- политическая проблема. URL: <http://www.alternativy.ru/de/node/1144> (дата обращения: 13.01.2016).
- ⁴ *Кара-Мурза С. Г.* Жизнеспособность России как цивилизации // Критерии успешности страны, цивилизации, человечества : материалы науч. семинара. М., 2010. Вып. 8. С. 5.
- ⁵ *Шпенглер О.* Указ. соч. Т. 1.
- ⁶ *Трофимов В. К.* Душа России: истоки, сущность и социокультурное значение русского менталитета. Ижевск, 2010. С. 21.
- ⁷ *Бердяев Н. А.* Судьба России. М., 1990. С. 4.
- ⁸ *Ванд Л. Э.* Российская ментальность: прошлое и настоящее // Мир психологии. 2004. № 4. С. 251—260 ; *Розин В. М.* Метаморфозы российского менталитета : философские этюды. М., 2011 ; *Думнова Э. М.* Историческая обусловленность трансформации менталитета в России // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 379. С. 55—60.
- ⁹ Новороссия имеет шанс стать знаменем возрождения нашей цивилизации. URL: <http://topwar.ru/index.php?newsid=58806> (дата обращения: 13.01.2016).
- ¹⁰ Новороссия : Миссия Русского Мира. URL: <http://rusvesna.su/news/1431033121> (дата обращения: 13.01.2016).
- ¹¹ Медведев : из-за сверхприбылей в торговле возможно принятие госрешений. URL: <http://ria.ru/economy/20150421/1059968878.html> (дата обращения: 13.01.2016).
- ¹² *Миркин Б. Г.* Почему мы вновь наступаем на те же грабли? : особенности культуры и экономики России // ЭКО. 2015. № 12. С. 66—92.
- ¹³ *Самонов В.* Наш апокалипсис. URL: <http://www.apn.ru/special/article25937.htm> (дата обращения: 13.01.2016).
- ¹⁴ *Порозов В. А.* Интеллигенция и опера: страсти по «Тангейзеру» // Интеллигенция / интеллектуалы в кризисные и переломные периоды общественного развития : XXVI Междунар. науч.-теорет. конф. Иваново, 2015. С. 27.
- ¹⁵ *Кантор М. К.* Бунт официанта // Эксперт. 2012. 20 авг. URL: <http://expert.ru/expert/2012/33/bunt-ofitsianta/> (дата обращения: 13.01.2016).
- ¹⁶ *Ершова Э. Б.* Российская интеллигенция в модернизационных процессах XX — начала XXI в. М., 2015. С. 142—144.
- ¹⁷ Постсоветская элита как антисистема. URL: <http://politconservatism.ru/forecasts/postsovetskaya-elita-kak-antisistema/> (дата обращения: 13.01.2016).
- ¹⁸ *Солоухин В. А.* Камешки на ладони. М., 1988. С. 149—150.

- ¹⁹ Байкер Хирург о русофобии, духовных ценностях и Рамзане Кадырове. URL: <http://lenta.ru/articles/2015/05/01/baikergovorit/> (дата обращения: 13.01.2016).
- ²⁰ Россия — единственный центр непоработанной цивилизации, считает протоиерей Всеволод Чаплин. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=news&div=57975> (дата обращения: 13.01.2016).
- ²¹ *Ахиезер А. С.* Россия: критика исторического опыта : в 2 т. Новосибирск, 1997. Т. 1 : От прошлого к будущему.
- ²² *Валитов И.* Татарин, русский империалист. URL: <http://имперскийдух.рф/Имперская+политика/120034> (дата обращения: 13.01.2016).
- ²³ *Храпов С. А.* Кризисные тенденции общественного сознания современной России. Астрахань, 2009. С. 56.
- ²⁴ *Шафаревич И. Р.* Есть ли у России будущее? М., 1991. С. 515.
- ²⁵ Российское общество : год в условиях кризиса и санкций : информ.-аналит. материал по итогам общерос. социол. исслед. М., 2015. URL: http://www.isras.ru/files/File/Doklad/Ross_obschestvo_god_v_usloviyah_rizisa_i_sanktsiy.pdf (дата обращения: 13.01.2016).
- ²⁶ Россия, прилепившись к умирающему Западу, заразилась его болезнями. URL: <http://www.km.ru/print/754095> (дата обращения: 13.01.2016) ; Михаил Веллер : «Хоронить заказывали?» URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1441958859 (дата обращения: 13.01.2016) ; Кто на самом деле разрушает наш мир — ответ Михаилу Веллеру. URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1442555372 (дата обращения: 13.01.2016).
- ²⁷ Цит. по: *Мартынюк В.* У нас действительно есть «каста неприкасаемых». URL: <http://www.km.ru/v-rossii/2015/04/25/delo-o-korrupsii-v-oboronservice/757991-vsei-rossii-smachno-plyunuli-v-litso> (дата обращения: 13.01.2016).
- ²⁸ *Якубович Н. В.* Самолеты Р. Л. Бартини. М., 2006.
- ²⁹ *Ильин И. А.* О русской идее // Ильин И. А. Наши задачи. Статьи, 1948—1954 : в 2 т. М., 2008. Т. 1. С. 437.
- ³⁰ *Бердяев Н. А.* Указ. соч. С. 66.
- ³¹ *Брагин Л. В.* Китай и Россия: специфика самоопределения интеллигенции // Интеллигенция / интеллектуалы... С. 167.
- ³² *Шафаревич И. Р.* Указ. соч. С. 507.

Е. А. Агеева

**ЗАПАДНАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭЛИТА
И ФЕНОМЕН «РОСКОШЬ»:
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

В современном интеллектуальном пространстве размышления о настоящем и будущем человечества, в том числе в сфере материального и духовного потребления, — довольно распространенный мотив. Нобелевская премия за 2015 год по экономике присуждена Энгусу Дитону за анализ потребления благ различными слоями общества. Его исследования посвящены также темам измерения богатства и бедности, взаимосвязи богатства и счастья. Он утверждал, обозначив социально-психологическую составляющую роскоши, что деньги способны приносить счастье до определенного уровня благосостояния.

Дискуссия по проблемам потребления предметов роскоши актуальна и для российского общества. Широко обсуждается идея введения налога на их потребление. Одной из основных функций этого налога должна стать социально-психологическая: установление платы за сверхпотребление, восстановление социальной справедливости.

Нельзя упускать из виду и экономический фактор, который сегодня важен как никогда. Потребление и связанные с ним расходы в такой же мере определяют порядок, смысл жизни и систему ценностей, как и производственная сфера. В этой связи задача выяснить — для кого или для чего общество производит излишки и предметы роскоши, приобретает особую актуальность. Потребление — обратная сторона производственной сферы, оно выражает и во многом определяет ее.

© Агеева Е. А., 2016

Агеева Елена Андреевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры экономической истории и истории экономических учений Финансового университета при Правительстве РФ. Ageeva_Elena_Andreevna@mail.ru

Опыт осмысления проблем потребления, предпринятый духовной элитой, позволит расширить понимание особенностей потребительского поведения индивидуумов и общества, поможет расчистить «некоторые клочки земли на плохо обработанном поле истории роскоши», а также «расставить вехи» для будущих исследований¹.

Анализ взглядов интеллектуалов на феномен роскоши актуален и с иной точки зрения. Он дает материал для понимания моделей участия духовной элиты в общественно-политической жизни. Это чрезвычайно важно в современном мире, так как «интеллигенция не может не быть одним из наиболее динамичных социальных слоев в мировой истории, очень отзывчивой к социальным трансформациям и изменениям в духовной и интеллектуальной атмосфере в обществе»².

Хронологические рамки настоящего исследования — XVIII — начало XX века. Время выбрано закономерно. То, что считалось роскошью в античном мире или в средние века, сегодня практически не считается таковой, но европейское представление о роскоши, сформировавшееся в XVIII—XIX веках, до сих пор актуально и оказывает серьезное влияние на социум.

XVIII—XIX века — решающий этап в развитии ведущих европейских стран и США, период модернизации всех сторон жизни общества. В это время возникает новая система потребления предметов роскоши в повседневной жизни, утверждается новый, современный способ владения богатством и демонстрации его внешних признаков, появляется так называемая «инженерия комфорта». Подобные особенности общественного развития не могли не сказаться на взглядах мыслителей, их системе ценностей, даже если вызывали у них внутренний протест. Следует учитывать, что толчком для изысканий в сфере потребления благ во многом стали эгалитаристские идеи, широко распространившиеся на Западе. Немаловажно, что в это время историческая наука получила также новые инструменты исследования: статистические данные как исторический источник, методологию (цивилизационный подход к анализу общественного развития).

Целью настоящего исследования является освещение малоизученных аспектов понимания роскоши, актуализация идей мыслителей XVIII—XIX веков в дискурсе современных представлений о роскоши.

Методология исследования феномена роскоши сложилась в XVIII веке. Она базировалась на сопоставлении богатства и бедности, роскошного и необходимого. Такой подход требовал оценки исторических (экономических, социальных, религиозных, политических) условий развития общества, временного и пространственного обрамления. Роскошь обычно рассматривалась в количественном и качественном измерениях: в первом случае — это расточительное расходование благ, во втором — потребление товаров улучшенного качества с точки зрения материала, формы, назначения.

В современной науке подобный метод исследования сохранился, но эволюционировал: как форма, противоположная роскоши, рассматривается не только бедность, но и другие паттерны, например скромность³. Под ней понимается не столько черта характера человека, сколько стиль поведения, манера одеваться, главное — соблюдение меры в образе действий, внутренних или внешних.

В историографии роскоши уже в XVIII веке преобладало несколько направлений, главным из которых следует признать *морализаторское*. К этому времени достоянием европейской общественной мысли были взгляды и суждения философов более раннего времени, таких как М. Монтень, Ф. Бэкон. Соответственно нравственный аспект, связанный с феноменом «роскошь», оказался наиболее исследованным.

К произведениям нравоучительного толка на тему роскоши относятся известные «Опыты» Мишеля Монтеня, написанные в 1580 году. Одну из глав книги он называет «О законах против роскоши». Морализаторство Монтеня не сводится к утверждению, что золото и шелка — вещи суетные и бесполезные. Задолго до Г. Тарда французский мыслитель обратил внимание на «закон подражания», на то, что стиль жизни королевского двора является эталоном для всего общества. Государство, доказывает Монтень, может использовать это явление в целях борьбы с роскошью. Достаточно, чтобы правители не вводили прямые запреты, которые только стимулируют потребление роскоши, а сами отказались от потребления хотя бы некоторых ее видов. Именно таким образом следует исправлять нравы, сдерживать бесполезную и опасную для нравственности моду и безумные траты на следование ей⁴.

Исторический пример влияния элиты на потребление дорогостоящих предметов, приведенный Монтенем, стал хрестоматийным. Придворная мода на сукно появилась, когда его одела знать в знак траура по Генриху II. Шелковые ткани упали в цене и «достались в удел врачам и хирургам». «Пусть короли прекратят мотовство, и всё будет сделано в один месяц», — восклицает и прогнозирует Монтень, имея в виду возможное сокращение затрат на потребление роскоши. Как своевременно и актуально это звучит для современного российского общества, в котором отчетливо видны попытки политической элиты публично подать примеры умеренности и благоразумия в потреблении и образе жизни, в привитии обществу новой системы ценностей.

Ф. Бэкон, английский философ, историк, политик XVI—XVII веков, один из основоположников эмпиризма, считал, что нравственные ориентиры в вопросах богатства выражаются максимой: человек, гонящийся за богатством, недолго остается невинным, роскошь — в принципе безнравственна. Но она еще и не полезна, так как создает иллюзию защищенности для состоятельного человека. Может ли богатый человек откупаться от опасностей, беспокойства и бесчисленных неудобств, которым подвергаются бедные? «Нет», — ответ Бэкона; это мнимая крепость, богатство опасно для человека, так как страдает его нравственность.

Однако морализаторство Бэкона имеет и иной аспект. Он признает, что роскошь неизбежна, как, например, обоз для армии. Всё дело опять же в моральных устоях общества и отдельного человека. Бэкон дает рациональный совет современникам и, надо думать, потомкам. «Будьте довольны состоянием, какое вы можете приобрести честно, истрачивать благоразумно, отдавать весело, покидать без затруднений», — пишет философ⁵. Честных средств для обогащения немного, бережливость, накопление денежных и материальных ценностей — самое надежное. Торговля, ростовщичество, наследование больших богатств, интриги придворных — наименее нравственные для Бэкона. Таким образом, в философии роскоши Бэкона проявляется мораль и система ценностей Нового времени: богатство нравственно, если оно полезно для человека и общества в целом.

Очевидно, что в период перехода к Новому времени и буржуазной экономике материальные ценности, чаще всего выраженные

в денежной стоимости, наделяются статусом общезначимых. Подобное ценностное сознание определяет стереотипы мыслей и действий людей и интеллектуальной элиты в первую очередь.

Исследование роскоши французскими мыслителями XVIII—XIX веков имеет особое значение в силу двух причин: во-первых, это время Просвещения, множества новаций в философском осмыслении мира; во-вторых, Франция — страна сосредоточения роскоши знати и королевского двора, то есть социум, обладающий помимо общечеловеческих еще и системой национальных ценностей. Последние не могли не проявиться во взглядах и концепциях интеллектуальной элиты французского общества. Д. Дидро характеризует его устои и нравы: «...золото дает всё. Золото становится кумиром нации. Единственный порок — это бедность. Единственная добродетель — богатство. Золото кружит голову. Тем лучше! Такое головокружение спасает нацию»⁶.

Не случайно, что именно во французской традиции оценки роскоши развивался *апологетический подход*, при котором роскошь рассматривалась как необходимый, полезный с точки зрения прогресса, общественный феномен. Польза как социальный ценностный измеритель присутствует в воззрениях многих мыслителей Нового времени.

Вольтер восхвалял роскошь в стихах. Смысл их сводится к следующему: вкус к роскоши проник во все слои общества, бедняк живет за счет тщеславия богачей; труд, оплаченный праздностью, открывает постепенно дорогу к изобилию⁷. Широко известно, что подобный же подход был у Ш. Монтескье.

Однако позиция просветителей по отношению к роскоши не ограничивается апологетикой. Многие из них считали, что роскошь как таковая ни хороша, ни плоха, важно учитывать, где и кем она потребляется. Если «коммерсант забрасывает свои дела и предается удовольствиям, развлечениям, разврату, ученые бросают свои кабинеты и толкутся в прихожих знати, становятся светскими людьми, художники находят для себя более выгодным работать много, чем работать хорошо», — это безнравственно с точки зрения Дидро⁸. Роскошь, потребляемая расточительно и неразумно, портит нравы всех сословий, способствует испорченности, проституции, нечестности, неразборчивости в средствах.

Подобно Монтеню, Дидро свое морализаторство распространяет на политические аспекты роскоши. Он дает советы королевской власти, мечтает о высоком уровне потребления и хорошем вкусе всего народа, так как при этих условиях роскошь станет продуктом всеобщего процветания, а не достоянием единиц. Таким образом, отчетливо проявляются ценностные ориентации просветителей — социальные, эстетические, витальные.

Современный исследователь роскоши Ф. Перро считает, что мечты Дидро были реализованы в XIX веке, когда достаточно широко распространилась так называемая «общественная роскошь» и ее составляющие (вокзалы, парки, дворцы) стали достоянием социума, а не только его отдельных представителей.

Заметим, что идея соотношения роскоши элиты общества с уровнем потребления всей нации использовалась многими философами и экономистами, как западными, так и российскими. Например, российский экономист В. М. Штейн подчеркивал: «...то, что в одну эпоху выглядит “эксцессом потребления”, в другую является необходимым... Нравственная физиономия роскоши всецело предопределяется уровнем жизни народных масс»⁹. Потребление роскоши и подъем уровня благосостояния всего народа, его социально-психологическая устойчивость — те гуманистические мотивы, которые актуальны для современного нестабильного времени и могут быть социально значимым предметом анализа.

Известно, что во французской философии существовал и *ригористический подход* к феномену «роскошь». Речь идет, например, о трудах А. Сен-Симона и Ж-Ж. Руссо, в которых нашли отражение личностные ценности мыслителей, такие как рационализм, труд, совесть, справедливость, доброта, творчество. В работах просветителей рассматривались два вида роскоши: «развратная роскошь», которая имеет единственной целью расточительство и праздность, и «разумная», которая преследует цели энциклопедистов: использовать прогресс науки, материальный достаток для того, чтобы жизнь стала комфортнее, здоровее, интереснее. Двойственность в оценке роскоши присутствует в анализе многих мыслителей XVIII века. С одной стороны, она разоряет богатые дома, пожирает состояние расточительного человека, с другой — поддерживает мануфактуры, кормит рабочих, способствует повышению благосостояния общества. Ш. Монтескье

в трактате «О духе законов» подвел итог дискуссии, указав, что без роскоши не обойтись, и если богачи перестанут сорить деньгами, бедняки умрут голодной смертью.

Фундаментальной особенностью анализа феномена роскоши, предпринятого в XVIII—XIX веках, является признание ее относительного характера, равно как и понятия нищеты. Сахар, стекло, бархат, перец, зеркала были предметами роскоши на заре Нового времени и перестали ими быть в Новейшее. *Релятивизм* как традиция закрепился в историографии. Сегодня нет необходимости рассматривать этот подход отдельно, он используется достаточно часто. Предмет роскоши в современной науке, по замечанию Ф. Перро, потому и стал объектом исследования не экономистов, а историков, поскольку роскошь относительна, видоизменяется во времени.

В XIX веке возникает и *объективистское направление*, при котором роскошь рассматривается как устойчивый во времени и пространстве социально-экономический феномен, который существует столько же, сколько и человеческое общество. Непрерывная смена форм проявления роскоши, порождение всё более дорогостоящих форм существования — объективный процесс.

Более того, история человечества не знала общества, в котором при невысоком уровне жизни народа и даже его нищете обходились бы без вопиющей роскоши. «Никогда люди не экономили меньше, чем во времена голода и катаклизмов», — писал Х. М. Энциенсбергер¹⁰. Доказано, что даже в чрезвычайных социально-экономических и политических условиях потребление предметов роскоши не сокращалось, а только приобретало иные формы¹¹.

Во второй половине XIX — начале XX века феномен «роскошь» рассматривался многими философами. Дж. Рескин, Т. Веблен, В. Зомбарт анализ этой категории общественной жизни основывают на синтезе данных различных наук (социологии, истории, экономики, философии) и эмпирических сведений.

Не ставя перед собой задачу анализа политических взглядов и построений Зомбарта, его теории генезиса капитализма, рассмотрим его трактовку феномена «роскошь». Отметим, что он не давал однозначных ответов. Американский ученый Б. Селигмен отмечал: «Лучшее, что можно сказать о Зомбарте, — это то, что его работы будили мысль»¹².

Следует подчеркнуть, что жизненные обстоятельства, социальный статус семьи, в которой вырос мыслитель, серьезно повлияли на его ценностные ориентиры и способствовали, на наш взгляд, успеху его исследований роскоши. Зомбарт происходил из семьи крупного немецкого сахарозаводчика и землевладельца. Родительский дом в Берлине, как отмечает А. И. Патрушев, был пропитан либерально-буржуазной и художественно-эстетической атмосферой¹³. Мыслитель учился в Берлине и Риме, его диссертация посвящена истории Италии, что можно считать неслучайным: Италия, наряду с Францией, — центры европейской роскоши.

Подход Зомбарта к категории роскоши можно квалифицировать как *позитивистский*: как и генезис капитализма, он рассматривает появление роскоши как результат экономических, социальных, духовных факторов, связывает ее развитие с национальной и социальной психологией, с человеческой физиологией, с модой, искусством и даже с эмоциями и чувствами человека: завистью, любопытством, тщеславием, любовью. Кроме того, Зомбарт эмпирически изучал явления действительности, использовал статистические данные, собирал и регистрировал впечатления и наблюдения. Осмысление феномена «роскошь» для Зомбарта связано с особыми ценностями творческого процесса: с ценностью-знанием, ценностью-качеством, ценностью-средством, ценностью-отношением.

Методологический подход Зомбарта содержит элементы, уникальные в своем роде, в частности *гендерный подход* к феномену роскоши. Немецкий социолог связал развитие роскоши с изменением положения женщины в европейском обществе. Не случайно первоначальное название его работы было «Любовь, роскошь и капитализм». Женщина как движущая сила общественного развития — это один из важнейших аспектов в размышлениях Зомбарта.

На исторических примерах Зомбарт доказывает связь социального статуса женщины, особенностей женской психологии с потреблением роскоши во французском высшем обществе середины XVIII века, подчеркивая значимость социальных ценностей и в истории, и в современном обществе.

Некоторые стороны взаимоотношений полов указанного времени рассматривал выдающийся российский историк

С. М. Соловьев. Он цитировал «Размышления о французском правительстве» де Аржансона, министра Людовика XV: «Мы отказались от многих дикостей, от пустого волокитства, от славы успеха с женщинами. Не знаю, выиграла ли от этого нравственность, потому что, с другой стороны, бросились в разврат с потерянными женщинами. По крайней мере в этих непродолжительных связях нашли больше свободы, больше спокойствия духа; действительно, издержки здесь не так велики»¹⁴.

Очевидно, что мужская часть элиты французского общества пересмотрела возможные источники получения удовольствий при дворе, отдавая предпочтение непродолжительным, легким, свободным связям с куртизанками. В ответ женщина, особенно «потерянная», стимулировала потребление роскоши, психологически компенсируя свое неустойчивое положение, отсутствие легального статуса. Эту роскошь, которую Зомбарт назвал эгоистической, женщина при дворе, например известная фаворитка Людовика XV Помпадур, использовала исключительно для своего удовольствия и демонстрации власти¹⁵. Побуждением к потреблению роскоши, таким образом, Зомбарт считает социальные факторы и особенности психологии — и мужской и женской. Так, например, он установил связь между общественным потреблением сладостей и высоким статусом женщины.

Анализируя цивилизационные особенности разных народов и национальные ценностные характеристики, Зомбарт приходит к выводу, что стремление женщины к роскоши в питании и косметике имело огромное значение для экономического развития. Действительно, например в Италии, Австрии, Франции, Польше, производство кондитерских и парфюмерных изделий было исторически более развитым, чем в других странах, а положение женщины в обществе — довольно высоким. Значительное распространение сахара, в свою очередь, повлияло на потребление какао, чая, кофе и, что удивительно, на качество парфюмерии. Как установил Зомбарт, самая любимая косметическая марка в XVI—XVIII веках — «масло Венеры» содержало алкоголь, сахар, шафран.

Взаимосвязь между потреблением сахара и так называемых «колониальных товаров» впоследствии была подтверждена статистическими данными. Как указывает И. М. Кулишер,

во Франции с 1831 по 1861 год потребление чая выросло вдвое (с 0,3 до 0,6 кг на 100 жителей), сахара почти втрое (с 2,3 до 6,4 кг), кофе вчетверо (с 25,3 до 100,3 кг), какао за то же время — вшестеро (с 2 до 13 кг)¹⁶.

Особенности психологии женщины, отмечает В. Зомбарт, повлияли и на распространение другой категории роскоши — в интерьере и в устройстве жилищ. Следует заметить, что *эстетические ценности* (имидж, стиль, вкус, гармония) для Зомбарта как исследователя играли значительную роль. Он подчеркивал, что совокупность изящества и удобства в доме — задача, к решению которой женщина стремится и психологически и практически. В Новое время это достигалось устройством мягких постелей, появлением дорогих ковров, массы изящных льняных и шелковых изделий. Это дело женских рук. Особую роль в обстановке и повседневности стали играть изделия из фарфора, зеркала, ковры.

Распространение предметов роскоши во внутреннем убранстве домов, с точки зрения Зомбарта, не случайно. Если в средние века роскошь имела публичный характер, то в Новое время возникла тенденция к перенесению ее в домашнюю обстановку; роскошь сливается с частной жизнью и становится не периодической, а постоянной. Возникла традиция, особенно в Италии, менять мебель каждые 6 лет, чтобы иметь в быту всё изящное, созданное за это время. Современная индустрия роскоши следует тем же правилам, выпуская модные, но недолговечные изделия, и побуждая потребителя заменять их как можно чаще.

В скорости распространения предметов роскоши играли и играют огромную роль такие особенности женской психологии и личностные ценности, как нетерпеливость, эгоистичность, чувственность, утонченность вкусов. Они повлияли на темпы и характер производства предметов роскоши и производства в целом. Женщина всегда желала получить больше наслаждений и не умела ждать.

Но и мужчины в потреблении предметов роскоши не отставали от женщин. Зомбарт утверждал, что в период Нового времени образовался *«порочный круг роскоши»*: эпидемия роскоши среди парвеню была вызвана подражанием знати, но вскоре сама аристократия стала стремиться догнать «толстосумов» в потреблении роскоши.

Расточительство для аристократии, с точки зрения Зомбарта, помимо статусных факторов имело еще и социально-психологические: например, барское пренебрежение к учету доходов и расходов. Хозяйствование поручалось дворецкому, знать демонстративно не интересовалась практической стороной жизни. Зомбарту импонирует отсутствие стремления к наживе и обогащению у аристократии, но экономическое будущее дворянства для Зомбарта ясно: материальное и денежное состояние этого сословия постепенно переходило к буржуазии.

Традиция «неучастия в хозяйственных делах» постепенно распространялась и на другие группы высших кругов европейского общества. К концу XIX века дистанцирование от деловой активности и вообще от делового мира, демонстративное презрение к деньгам стало считаться признаком хорошего тона. Отсюда, как замечает современный исследователь роскоши Ф. Перро, такое почтительное отношение к образу жизни рантье, престиж «материально невыгодных», «бескорыстных» видов деятельности — таких, например, как искусство, зрелища, светские приемы, игры, клубы по интересам, прогулки, путешествия, светская жизнь в целом¹⁷.

Есть еще один нюанс в развитии роскоши, который Зомбарт, как человек с несомненным художественным вкусом, не мог оставить без внимания. Стиль рококо, возникший во Франции в первой половине XVIII века в искусстве, в основном в дизайне интерьеров, мыслитель оценил как «полный триумф женщины». Рококо сопровождался утонченностью вкусов, изысканностью, приданием роскоши чувственного характера. Декоративность интерьеров и композиций, большое внимание к личному комфорту, особенности моды в одежде потребовали более искусного, квалифицированного труда, новых технологий производства мебели, зеркал, осветительных приборов, тканей, аксессуаров. Зомбарт приходит к выводу, ставшему еще в XVIII веке общим для исследователей феномена «роскошь». Роскошь — есть двигатель экономического прогресса, совершенствования производства и развития торговли. Зомбарт довольно убедительно доказал, что стремление европейской элиты к роскоши стало одной из причин становления капиталистических отношений и утверждения рыночных ценностей в наиболее развитых странах Европы.

Можно констатировать, что для Зомбарта в системе гражданских ценностей социальный и экономический прогресс имеют огромное значение.

Одной из главных особенностей теории роскоши Зомбарта является, на наш взгляд, следование цивилизационному подходу. Роскошь Европы для него во многом есть результат соприкосновения с культурой Востока: восточная роскошь проникала в европейское общество через итальянские города. Трудно не согласиться с мыслителем, что вся заморская торговля до XIX века за исключением ладана — это торговля предметами роскоши.

Одним из современников Зомбарта, которого он, по мнению В. Райцле, высоко ценил, был Торстейн Веблен — американский экономист, социолог, публицист. Ему принадлежит одно из первых в истории полномасштабных социологических исследований вопроса роскоши, которое он предпринял в работе «Теория праздного класса». Эта книга, изданная в 1899 году, — первая монография ученого, принесшая скромному преподавателю Чикагского университета широкую известность.

Общественные условия, личные обстоятельства и семейные традиции определили многое во взглядах, ценностных ориентирах, выборе тематики, научных интересах Веблена. Семья эмигрировала из Норвегии в США, но сохранила уклад жизни норвежских земледельцев: бревенчатый дом с примыкающей пристройкой для скота, домашнее приготовление основных продуктов питания, при этом простая домотканая одежда. Отсутствие городских манер, замкнутость в общении, жесткость суждений, видимо, долгое время препятствовали профессиональному успеху — место преподавателя Веблен ждал до 33 лет, хотя серьезно занимался разными отраслями знания.

Самый известный курс лекций Веблена — «Экономические факторы и цивилизации». В них экономические факторы он связывает с религией, образом жизни, нравственными ценностями, системой высшего образования и даже спортивными традициями. Но особенно важным для Веблена является *психологическая детерминанта*. Соперничество между людьми как коренное свойство человеческой природы выступает решающим фактором в производстве, потреблении благ, развитии общества в целом. Элементы общественной психологии, «способ мышления»

оказывали, с точки зрения Веблена, решающее влияние на развитие общества.

Одним из главных составляющих книги Веблена являются характеристики, поведение, ценности так называемого «праздного класса». Для Веблена это не просто привилегированная социальная группа, это социальный институт. Экономические характеристики, такие как обладание частной собственностью, на наш взгляд, не являются для мыслителя самыми важными. Главные признаки принадлежности человека к «праздному классу» лежат в социально-психологической плоскости. Их можно свести к двум показателям: чрезмерные, не обусловленные человеческими потребностями размеры потребления и неучастие в создании материальных ценностей. Труд воспринимается этой группой как унижающий достоинство человека. Причем праздность не означает лень, неподвижность или бездействие, это — непроизводительное потребление времени. Для Веблена праздность может быть даже видом занятости, так как следование этикету, утонченные манеры, вкус требуют хорошего воспитания, времени, сил, расходов¹⁸.

Философ анализирует сферу потребления высших слоев индустриального общества и определяет ее как «расточительное потребление», перерастающее в «демонстративное». Этот общественный феномен соединяет в себе экономический и психологический аспекты. Потребление влияет на образ жизни, формирование социальных институтов, на ценности, духовную жизнь, образование, быт народа. Веблен оценивает влияние подобного потребления негативно, так как «демонстративное потребление», с его точки зрения, поглощает растущую экономическую эффективность производства и снижает его результаты. Кроме того, другие члены общества вынуждены работать больше необходимого и ограничивать свое потребление. Эта мысль Веблена подтверждает то, что ему были не чужды эгалитаристские идеи и уравнительные ценности.

Роскошь «праздного класса» губительна для общественной нравственности, поскольку преобладающими становятся унаследованные из периода «раннего варварства» многие обычаи и идеалы. Они распространяются на все общественные слои. Образ жизни «праздного класса», подчеркивает Веблен, включает в себя

и современное «варварство» — склонность к сражению, дуэли, охоте, спортивным состязаниям, азартным играм. Они дают тренировку ловкости, сопернической свирепости и хитрости, что культивирует хищнический образ жизни. Это, по мнению Веблена, не может не привести к «ухудшению качества человеческого материала, из которого состоит общество, происходящему в ходе социальной эволюции»¹⁹. Образ жизни «праздного класса», его цели, традиции и нормы идут вразрез с личностными, социальными, витальными ценностями Веблена. Среди его жизненных приоритетов — труд, благоразумие, скромность, совесть, ответственность.

Таким образом, в трактовке роскоши Веблен выступает как ригорист «новой волны»: это явление он оценивает негативно не только с нравственных позиций и ценностей, но и с точки зрения социально-экономического прогресса общества.

Веблен ввел в общественные науки понятие *социального престижа*, столь актуальное для современных исследований социума. Это понятие связано с общественным мировоззрением и психологией отдельной личности. Стремление к обладанию и демонстрации дорогих, статусных вещей — это чаще всего стремление к превосходству над другими, но не любовь к прекрасному, изящному, утонченному, даже комфортному.

Однако дорогостоящее с прекрасным и комфортным тесно связаны. Это сочетание чаще всего находит выражение в одежде и мебели «праздного класса». В понимании того, что следует относить к предметам роскоши, Веблен не выглядит оригинальным. И в эпоху античности, и в Средние века, и в Новое время во Франции, Германии, Испании, Англии, итальянских городах, Швеции, Дании издавались различные законы против роскоши. Они преследовали главным образом роскошь в одежде (например, законы XII века в Англии и Франции относительно употребления пурпурных материй и горностаея, законы XIII века в Испании относительно ношения мехов)²⁰.

Понятно, что в соответствии с особенностями своего времени Веблен выделяет иные признаки расточительства в одежде. Она должна быть не только дорогостоящей, но еще и неудобной для того, чтобы всякому наблюдателю становилось ясно, что ее владелец не занят ни в каком виде производительного труда.

Кроме того, одежда должна быть современной. Принцип новизны — это еще одно следствие закона демонстративного расточительства, особенно у женщин. Корсет, украшения, дамская шляпка, высокий каблук, отмечает Веблен, — это свидетельства того, что женщина принадлежит к элите общества и одновременно предъявляет доказательства платежеспособности мужчины. Это дает ему общественное уважение и публичное признание²¹. Теоретики, дизайнеры и производители современной женской одежды следуют тому же принципу.

Некоторые гендерные аспекты роскоши отметил известный английский писатель, теоретик искусства, культуролог Джон Рескин. Он подходил к проблеме роскоши с социально-эстетической точки зрения. Рассматривая отвлеченный вопрос о ценности кружева, он подчеркивал связь этого аксессуара с социальным статусом женщины и ее психологией. Кружево на женском платье означало, что женщина имеет привилегию быть одетой лучше других, «могущество, чтобы приобрести трудно приобретаемое». Но не только! Д. Рескин с большой симпатией к женскому благоразумию отмечал, что данное украшение платья показывает здравомыслие женщины, которая своим трудолюбием и бережливостью накопила деньги на покупку дорогой вещицы, а также изящную фантазию его изобретателя, искусные пальцы его производителя. Женщина, используя в своем внешнем облике подобный аксессуар, повышает свой статус. «Если все захотят иметь кружево и оно перестанет быть отличием, то разве оно не станет простой паутиной?» — вопрошает мыслитель²².

Современным историком и философом, который изучал аспекты роскоши, в том числе гендерные, является Филипп Перро. Он вслед за В. Зомбартом и Т. Вебленом анализирует роль женщины, женской моды в общественном развитии, подчеркивая то, что женщины становятся символами успеха мужчины, признаками его влияния и богатства. Ценными мотивами в исследовании Ф. Перро являются идеи о связи потребления роскоши и падения рождаемости, оценка возросших возможностей потребления роскоши в современном обществе (потребление копий как роскоши извращенной, фальшивой). Но это — предмет будущих исследований, касающихся роли роскоши в жизни социума.

Если философы XVIII—XIX веков анализировали различные стороны потребления роскоши, то в XX веке возник иной вопрос: а есть ли вообще у личной роскоши будущее? Немецкий писатель и публицист Х. М. Энценсбергер считает — да, так как стремление к дифференциации заложено в механизме эволюции, а страсть к расточительству — врожденный инстинкт человека. Но формы, сущность роскоши завтрашнего дня будут иные, чаще всего нематериальные, такие как тишина, пространство, свободное время, чистая вода. Со сферой потребления и сознания произойдет удивительная метаморфоза. Роскошь завтрашнего дня расстанется с тем, что излишне, и будет стремиться к безусловно необходимому — предсказывает Энценсбергер. Однако и «завтрашняя» роскошь — предмет последующего изучения.

Итак, анализ исследований роскоши, предпринятых мыслителями XVIII—XX веков — занимательное, актуальное и важное дело, так как роскошь — объективный и один из самых устойчивых социально-экономических феноменов и в эпоху процветания, и в эпоху кризисов. Роскошь как общественное явление постоянно эволюционирует и требует системного изучения. Этот феномен, без сомнения, имеет социально-психологическую и ценностную составляющую.

Взгляды интеллектуальной элиты, ее ценностные ориентации и научные подходы объективно отражают цивилизационные особенности развития социума, например условия либерального капитализма, обстоятельства, связанные с экономической модернизацией и техническим прогрессом в передовых странах Европы и США.

Нравственно-этическая составляющая в оценках и концепциях мыслителей Запада также неизбежна, так как обусловлена прогрессирующей социально-имущественной дифференциацией общества и возникновением эгалитаристских идей.

Цивилизационный подход, учитывающий разнообразие условий, форм и институтов общественной жизни, гендерная составляющая роскоши, человеческие эмоции и чувства, другие психологические детерминанты, представляется наиболее перспективным для будущих исследований.

Примечания

- ¹ *Перро Ф.* Роскошь. СПб., 2014. С. 11.
- ² Интеллигенция и интеллектуалы в изменяющейся социально-политической действительности. Иваново, 2014. С. 11.
- ³ *Райцле В.* Роскошь — источник благополучия : будущее глобальной экономики. М., 2005. С. 20—21.
- ⁴ *Монтень М.* Опыты : в 3 кн. М., 1997. Кн. 1—2. С. 320—322.
- ⁵ *Бэкон Ф.* Нравственные и политические очерки. О богатствах // Собрание сочинений : в 2 т. СПб., 1895. Т. 2. С. 428.
- ⁶ *Дидро Д.* О роскоши // Собрание сочинений : в 10 т. М., 1947. Т. 10. С. 165.
- ⁷ *Вольтер.* Стихи и проза. М., 1987.
- ⁸ *Дидро Д.* Указ. соч. С. 166.
- ⁹ *Штейн В. М.* Нищета и роскошь // «Экономист» : избранное, 1921—1922. М., 2008. С. 115.
- ¹⁰ *Энциенсбергер Х. М.* Роскошь прежде и теперь, или кое-что об излишествах // Иностранная литература. 1997. № 9. С. 225—226.
- ¹¹ *Агеева Е. А.* Роскошь в российском обществе в период первой мировой войны: экономический и социальный аспекты // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : вопросы теории и практики. 2014. № 9, Ч. 2. С. 16—25.
- ¹² *Селигмен Б.* Основные течения современной экономической мысли. М., 1968. С. 32.
- ¹³ *Патрушев А. И.* Метаморфозы Вернера Зомбарта // Новая и новейшая история. 2006. № 2. С. 125.
- ¹⁴ *Соловьев С. М.* Сочинения : в 18 т. М., 1996. Кн. XX. С. 315.
- ¹⁵ *Зомбарт В.* Любовь, роскошь и капитализм. Пг., 1917. С. 35.
- ¹⁶ *Кулишер И. М.* История экономического быта Западной Европы. Челябинск, 2004. С. 534.
- ¹⁷ *Перро Ф.* Указ. соч. С. 148.
- ¹⁸ *Веблен Т.* Теория праздного класса. М., 2015. С. 93.
- ¹⁹ Там же. С. 218—219.
- ²⁰ Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1890—1907. Т. 28. С. 103—104.
- ²¹ *Веблен Т.* Указ. соч. С. 186—195.
- ²² *Рескин Дж.* Радость навеки и ее рыночная цена или политическая экономия искусства. М., 1902. С. 129.

ББК 66.4(0).04

В. С. Тормошева

**ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ / ГЛОБАЛЬНЫЙ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛ
В МЕЖДУНАРОДНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ**

Понятие «интеллектуал» не является новым в социально-гуманитарном знании, а имеет более чем вековую историю. За этот период оно претерпело значительную содержательную эволюцию от обозначения узкой авангардной группы дрейфусаров во Франции до ключевого элемента социально-политической терминологии и общеупотребительного международного термина¹, значение которого постоянно видоизменяется и дополняется, отражая непрерывность развития социума. В эпоху глобализации, именуемую также информационным обществом, постмодерном, третьей волной, космополитической эрой², возрастает интерес к акторам мирового политического процесса, одним из которых выступают интеллектуалы. В настоящей статье мы рассмотрим феномен интеллектуальных сил в контексте современного международно-политического процесса, выявив как общие, свойственные интеллектуалам любой эпохи, так и специфические, свойственные интеллектуалам периода глобализации, характеристики.

Исследователи достаточно единодушны в том, что интеллектуалы — это целые сообщества мыслящих людей разного времени и разной социальной принадлежности. Применительно к условиям глобализации называются такие особенности интеллектуалов, как коммерческая успешность и сильная протестная

© Тормошева В. С., 2016

Тормошева Вера Сергеевна — аспирантка кафедры международных отношений и политологии Нижегородского государственного лингвистического университета. tormosh@mail.ru

составляющая, не предусматривающая, однако, их социальной маргинализации³. Следует отметить, что ряд качеств свойственен интеллектуалам любой эпохи. Это автономность, публичность, высокий образовательный уровень, космополитическое мировоззрение и политический активизм. Опишем каждое из отмеченных качеств подробнее.

Признание особости интеллектуального слоя не позволяет «растворить» его в смежных категориях политической элиты, бюрократии, предпринимателей, среднего класса или бюджетников, а напротив, артикулирует его отличия и специфические интересы по реализации проектов, отвечающих на вызовы времени⁴. Это можно проследить в исследовательском поле социологии интеллектуалов, где выделяют три фундаментальных подхода к пониманию данного феномена⁵: «класс в себе» (class-in-themselves), имеющий интересы, отличающие его от других общественных групп; «социальный класс» (class-bound), включающий представителей, объединенных общим происхождением; «бесклассовая группа» (class-less), следующая собственным идеалам вне рамок общего происхождения. В этой логике интеллектуал выступает как «автономный социальный критик, свободный от интересов национального государства, политической ортодоксальности, чисто академического дискурса и модных веяний»⁶, где автономность — значит нахождение вне контроля государства, религиозных групп, политических движений и академического сообщества. Интеллектуалам даже свойственно позиционировать свою автономность по отношению к власти, широким массам, а порой и «собратьям по интеллектуальному цеху»⁷.

Наряду с автономностью интеллектуалов, их особость характеризуется публичностью. Как отмечает Ж. Деррида⁸, именно это качество присуще интеллектуалам любой эпохи — способность включаться в публичные дебаты тогда, когда закон и правосудие оказываются несостоятельными, а защита прав человека не гарантируется легитимными процедурами. Кроме того, современный интеллектуал работает в зоне пересечения всех трех основных сфер, формирующих публичное пространство — политически-маркированного, медийного и собственно академического дискурсов. По мнению Ю. Хабермаса, интеллектуальные силы — не просто наблюдатели, занимающиеся вопросами политической публичности,

но и граждане, принимающие участие в политической жизни своей страны. Их задача — улучшать дискурсивный уровень публичных дискуссий, используя профессиональное знание, выбирая важные темы, проявляя инициативность, объективность, аргументированность и осознавая возможность ошибаться⁹. Быть публичным интеллектуалом — значит «устно и/или письменно высказываться на темы культуры, политики, экономики, морали перед широкой аудиторией, выходя за рамки профессионального круга»¹⁰. Публичные интеллектуалы — это ученые, научные сотрудники, писатели, журналисты, издатели и другие профессионалы медийной сферы, а также независимые интеллектуалы-фрилансеры.

Важной характеристикой интеллектуала признается и образовательный уровень. Согласно ежегодному рейтингу ведущих интеллектуалов современного мира, составляемому журналом «Foreign Policy»¹¹, в 2015 году в него вошли актеры, активисты, биологи, врачи, дипломаты, журналисты, историки, консультанты, обществоведы, писатели, политики, политологи, преподаватели, психологи, религиоведы, социологи, теоретики информационно-технологической сферы, философы, физики, экономисты, юристы. Люди с высоким уровнем образования и четким пониманием проблемы в различных аспектах — представители высокообразованного среднего слоя — представляют собой значительную политическую силу наряду с политико-партийными активистами и традиционными протестантами. Это может быть человек с высшим образованием, продолжающий получать образование в течение всей жизни, знающий национальный язык, историю и культуру, активный интернет-пользователь¹². Для интеллектуала, по мнению Э. Саида, характерно обладание способностью облекать в словесную форму и передавать аудитории сообщение, взгляд, отношение, мнение или целую философию, публично задавать сложные вопросы, выступать против ортодоксальности и догмы, озвучивать забытые или отложенные в долгий ящик проблемы, предлагать альтернативную программу действий несмотря на имеющиеся барьеры¹³.

Особо следует выделить представителей академических кругов. Их, с одной стороны, объединяет корпус научных знаний, с другой — «набор практик, позволяющий им действовать на политической арене»¹⁴. Сюда можно отнести различные эпистемические

сообщества, способные вести диалог с властью от лица науки в целом, — научные фонды, аналитические центры, исследовательские институты или университеты, занимающиеся фундаментальными и прикладными исследованиями и разработками на их основе и готовящие экспертные заключения по политически значимым вопросам¹⁵. Результатом их деятельности является интеллектуальный продукт — аналитические статьи, теоретические труды, монографии, инновационные решения, долгосрочные планы или прогнозы, предупреждения и предложения, которые с успехом применяются в качестве прикладной политологической экспертизы другими участниками исторического процесса для принятия управленческих решений в рамках той или иной системы¹⁶.

Добавим, что научная интеллигенция выполняет не только гносеологические, но и мировоззренческие задачи, неся на себе нравственную нагрузку, что непосредственно отражает функцию сохранения, генерации и трансляции духовных ценностей интеллигенцией. Эволюция миропонимания научным сообществом указывает на внесение в осмысление абстрактных понятий мира, космоса гуманистического ракурса, подразумевающего значимость отдельной личности, свободы ее творческой реализации и деликатность в исследовании современных научных объектов¹⁷.

Р. Якоби, однако, предостерегает интеллектуалов от ограничения себя академическими рамками, когда «кампус — их дом, коллеги — их аудитория, научные журналы — их медиа», т. е. это ведет к постепенной утрате умения использовать понятный широкой общественности разговорный язык, известности в узком кругу читателей научных журналов и участников научных конференций и, в конечном итоге, к потере публичности¹⁸.

В свою очередь, люди с недостаточным уровнем образования постепенно «вымываются» из политического процесса. С одной стороны, они становятся жертвами «сервизации» в экономической сфере — теряют работу, снижается уровень их доходов. С другой — они не обладают хотя бы частичным знанием обсуждаемых проблем, риторическими навыками и другими ресурсами, необходимыми для политического участия¹⁹.

Что касается философии интеллигенции как космополитического слоя, она, прежде всего, связана с именем немецкого мыслителя И. Канта и получила дальнейшее развитие в трудах

У. Бека, Э. Гидденса, Дж. Дьюи, Г. Зиммеля, Ю. Хабермаса и других исследователей общества²⁰. Все они оценивали эпоху модернити как период перехода от прежних условий относительно закрытых обществ к «универсальным эпохам», когда происходит растворение мелких территориальных общин и рост всемирной социальной и экономической взаимозависимости. Будучи поглощенными изучением длительных исторических периодов, они скептически относились к мысли о том, что государство и общество в их национально однородных проявлениях останутся высшей точкой мирового исторического процесса²¹.

О глубоких корнях космополитизма и его внушительной распространенности свидетельствует, к примеру, работа А. Грамши, где затрагивается вопрос об интеллектуале-космополите²². Вот лишь несколько имеющих исторический ракурс примеров, касающихся космополитической специфики интеллектуалов разных стран.

Так, интеллигенция Италии выполняла в бóльшей или меньшей степени, в зависимости от времени, космополитическую функцию. Мощь интеллигенции во Франции объясняется ролью французской культуры XVIII—XIX веков как излучателя интернациональных и космополитических идей. Интеллигенция России формировалась под влиянием двух тенденций. Во-первых, национальные силы инертны, пассивны и восприимчивы, но, может быть, именно поэтому они полностью ассимилируют иностранные влияния и самих иностранцев, русифицируя их. Во-вторых, элита, состоящая из наиболее активных лиц, энергичных, предприимчивых и образованных, выезжает за границу, усваивает культуру и исторический опыт более передовых стран Запада, не теряя при этом и наиболее существенных черт собственной национальной культуры, то есть не порывая духовных и исторических связей со своим народом; завершив свою интеллектуальную подготовку, они возвращаются на родину, принуждая народ к насильственному пробуждению, к ускоренному движению вперед, перескакивая через этапы. Рождение американской нации связано с англосаксонскими иммигрантами, участниками английских религиозных и политических битв, побежденных, но не униженных и не подавленных на их родине. Это интеллектуальная элита, которая привносит в Америку нравственную и волевою

энергию, известную степень цивилизации и европейской исторической эволюции, которая, «будучи пересажена на девственную американскую почву такого рода людьми, продолжает развивать силы, заложенные в ее природе, но несравненно более быстрым темпом, чем в старой Европе, где существует целый ряд ограничений (моральных, интеллектуальных, политических, экономических, создаваемых определенными группами населения, остатками прошлых режимов, не желающими исчезать)»²³. Сам Грамши призывал активизировать интеллектуальную жизнь и предлагал пути достижения — через установление контактов и обмена идеями с зарубежным миром.

По отношению к сегодняшнему дню, У. Бек пишет о необходимости космополитического поворота в социологических и политических исследованиях и поясняет эту идею, сравнивая методологический национализм и методологический космополитизм²⁴. Методологический национализм обуславливает исследование социальных, культурных и политических реалий в категориях противопоставления, тогда как методологический космополитизм подразумевает принцип «как то, так и другое». Национальный подход исключает космополитизм, а космополитическое мировоззрение, напротив, изучает национальное как национальное, вскрывая его конструктивные изъяны. Таким образом, космополитическое мировоззрение иначе раскрывает ту же самую национальную действительность, а другие, дополнительные реалии — по-новому. То есть оно воспринимает и переиначивает национальное мировоззрение, тогда как последнее не замечает реальностей космополитической эры и не дает возможности их разглядеть.

Политическая составляющая традиционна для интеллектуалов не только в теоретическом, но и в практическом аспекте. Согласно М. Фуко, именно интеллектуалы проявляют «совестливость и красноречие» во времена, «когда нельзя говорить, что король-то голый». Как пишет Э. Саид: «Интеллектуал — это, прежде всего, думающий член общества, поднимающий моральные вопросы, касающиеся определенного государства, властных отношений, принципа взаимодействия со своими гражданами и другими обществами, необходимости политического вызова, прямой оппозиции или мобилизации более сильного демократического участия»²⁵. Причем роль интеллектуала состоит не в том,

чтобы «высказывать за всех безмолвную истину», а в том, чтобы «бороться против всех видов власти там, где он сам представляет собой сразу и объект, и орудие: в самом строе “знания”, “истины”, “сознания”, “дискурса”»²⁶. Интеллектуалы участвуют в процессе передачи политической культуры от поколения к поколению, интерпретируют зарубежные политические культуры, формируют и формулируют важные компоненты национальной политической культуры своей страны²⁷. В условиях информационного общества нельзя игнорировать «исключительную роль интеллектуальных элит и часто определяющее значение их субъективных предписаний для политического поведения остального населения»²⁸. Р. Дарендорф отмечает ответственность интеллектуалов перед обществом и называет их «двигателями свободы»²⁹.

Включенность в политику служит объединяющим началом для разнообразных групп интеллектуалов (ремесленных, рабочих, сельских, коренных), выражающих свои идеи в различных исторических, политических и культурных контекстах. Это заключается в том, что все они³⁰ артикулируют размышления относительно общества, в котором они живут, трансформируют этот анализ в идеологическую работу и, наконец, в политическую деятельность; занимают видное положение в общественных движениях, их рефлексия является инструментом для политического лидерства; демонстрируют явное намерение изменить общество и воплотить в жизнь свое видение этих изменений, комбинируют рефлексивную деятельность с культурной и политической активностью.

Переходя к вопросу изучения интеллектуальных сил современности, отметим, что в исследовательском поле не только не наблюдается единодушие ученых, но, напротив, циркулируют диаметрально противоположные взгляды. Интеллектуалов то превозносят, приписывая им особое положение в информационном пространстве глобального мира, связанное с попытками сформулировать ответ на вызовы новой глобальной реальности³¹, то низвергают с пьедестала, критикуя за «интеллектуализм» (претензии на конструирование абстрактных теорий, навязывание готовых максим с высоты своего положения)³², а то и за деинтеллектуализацию общества в целом и отсутствие современных образцов, учением которых могли бы вдохновляться молодые исследователи³³. Не претендуя на завершенность суждений, предложим

новые исследовательские перспективы в изучении интеллектуалов эпохи глобализации и их участия в международно-политическом процессе.

Прежде всего, в эпоху глобализации метафоры типа «интеллектуалы Нью-Йорка», «интеллектуальная элита Парижа», «марксисты Лондона», «радикалы Мехико» и т. п. утратили свою актуальность. Если в прошлом деятельность интеллектуалов была привязана к месту — к существовавшим в крупных городах центрам публичной интеллектуальной жизни (общественным кружкам, местам интеллектуальных встреч), то сегодня, согласно Д. Пелзу, ролевая модель постмодернистского интеллектуала кардинально иная³⁴. Это путешественник, мигрант, чужак, кочевник, находящийся «в пути», «в движении», «преодолевающий границы», пребывающий «за пределами», «между мирами». Он являет собой прямую противоположность оседлости, укорененности и скованности, демонстрируя амбивалентность, непредсказуемость, отклонение от культурных и лингвистических традиций и гибридность.

Помимо постмодернистского интеллектуала имеет хождение понятие «глобальный интеллектуал». Вслед за Н. МакЛафлином определим, что это:

— представитель сообщества, связанного глобально и вовлеченного в дискуссии с аудиторией, которая не очерчена территориальными границами;

— индивид, выступающий с критикой социальной действительности перед аудиторией, выходящей за рамки академического сообщества и территориальные границы государств, и чье имя и идеи имеют вес в глобальном пространстве³⁵.

Добавим, что глобальные интеллектуалы не ограничены политическими интересами того государства, гражданство которого они имеют. Им свойственна вовлеченность в мировые проблемы³⁶, внешнеполитическая ориентация³⁷, компетентность в вопросах внешней политики и национальной безопасности, связанная с «привилегированным доступом к научным новшествам и почти уникальной ролью в области социальных нововведений»³⁸. Известность и слава не являются критериями, определяющими принадлежность к данной группе (противоположное утверждение см. у Р. Якоби). Глобальные интеллектуалы могут быть широко

известны во внутерриториальном политическом пространстве благодаря интернет-активности, и в то же время не имеют популярности в академической и медиасфере своего государства. И напротив, местные интеллектуалы с глобальным видением могут оставаться известными лишь локальной общественности³⁹.

Критики и сторонники глобализации зачастую мыслят в рамках так называемой «давосской культуры» (Davos culture) — понятия, обозначающего международную культуру ведущих деловых и политических элит. Не следует забывать, однако, о таком феномене глобализации, как глобальная сетевая культура интеллектуалов (faculty club culture). Плодотворным для нашего исследования является понимание интеллектуальной сети, предложенное Р. Коллинзом. Это «сообщество имплицитного учета его членами существования друг друга: противостоящие позиции в пространстве внимания структурируют друг друга посредством своей аргументации; межпоколенная трансляция понятий и тем обсуждения устанавливает основной смысл того, чем, собственно, занимается данное сообщество»⁴⁰. Интеллектуал, по мнению ученого, играя различными идейными комбинациями, перегруппирует интеллектуальное сообщество, производя новых «обобщенных других» и надеясь на то, что данная интеллектуальная сеть реорганизуется вокруг этих идей. Каждая интеллектуальная сеть имеет определенные стандарты: интеллектуалы используют доступный культурный капитал и формируют спектр контрастных позиций согласно динамике творчества через противостояние. В условиях стремительного развития информационно-коммуникационных технологий следует говорить о глобальных интеллектуальных сетях.

Не согласимся с П. Л. Бергером в том, что это явление касается лишь «интернационализации западной интеллигенции, ее ценностей и идеологических установок»⁴¹. Интеллектуалы любой национальной принадлежности разделяют и поддерживают идеи «экспорта идеологии интеллигенции», «политкорректного общественного сознания»⁴², направленные на вовлечение международной общественности в защиту прав человека. По данным 2005 года, в глобальной сети существовало 158 наднациональных объединений интеллектуалов, среди которых «Арабские ученые и инженеры за границей», колумбийская сеть «Red Caldas»,

жноафриканская сеть «SANSА», глобальная корейская сеть, филиппинская сеть интеллектуалов, «Польские ученые за границей», ассоциация тайских специалистов в Северной Америке, иранская научно-информационная сеть, тунисский научный консорциум и многие другие интеллектуальные сетевые объединения⁴³.

Несмотря на то что глобальная сетевая культура интеллектуалов проникает в бизнес-среду и сама находится под влиянием бизнес-среды, бизнес не является самоцелью. Если «давосская культура» продает, к примеру, компьютерные системы на новых международных рынках, то глобальная сетевая культура интеллектуалов нацелена на продвижение прав человека и соответственно общественно-политических идей мультикультурализма, феминизма, защиты окружающей среды, свободы выражения мнений, свободного доступа к интернету и т. д. через фонды, академические структуры, неправительственные организации и мультинациональные агентства. В результате к изначально элитарной культуре примыкают представители низших эшелонов культурного сектора (школьные учителя, социальные работники и др.), впитывающие распространяемые ценности. Тем самым глобальные интеллектуальные сети расширяются и в количественном, и в качественном отношении.

Мы уже упоминали, что современный интеллектуал — активный интернет-пользователь. Интернет-коммуникация, в свою очередь, — важный политический инструмент, поскольку расширяет параметры распространения политической информации, обеспечивает доступ к глобальной аудитории и предлагает разнообразные формы интерактивного взаимодействия⁴⁴.

Интернет-активизм глобальных интеллектуалов вызывает ряд изменений природы международно-политической практики:

1. Пространственные детерминанты политического сообщества видоизменяются, территориальные границы больше не служат барьером для коммуникации. Использование интернета активистами бросает вызов представлениям о границах в политическом пространстве и важности территории как хранилища политических смыслов, способствует развитию публичной сферы, не очерченной рамками государственных границ как территориально, так и содержательно. Транснациональный по природе

интернет-активизм формирует политическую идентичность вне государственных границ.

2. Временные рамки политического пространства сжимаются. Используя интернет в качестве средства создания информационного ресурса, активисты обеспечивают индивидам возможность оперативно получать информацию, не доступную из других источников. Синхронная коммуникация с большими группами людей, разделяющих определенные взгляды, — преимущество, не свойственное никакой другой технологии. Активисты содействуют установлению связей между акторами на политической арене, которые благодаря интернету носят многомерный характер. Эта платформа публичных дебатов ограничивает возможности любого актора влиять на политический дискурс в качестве гегемона, делая государство равноправным, а не главным политическим актором⁴⁵.

Что касается содержательной стороны интернет-активизма, вернемся к мысли о космополитическом мировоззрении интеллектуалов. В условиях глобализации космополитическая повестка дня приобретает особую актуальность, что вызвано рядом обстоятельств. *Во-первых*, широкое распространение получила политика идентичности, определяемая в национальных, этнических, религиозных терминах или в их сочетании. Нельзя не согласиться с А. Н. Чумаковым в том, что сегодня более семи миллиардов населения Земли проживают в почти двухстах национальных государствах мира — в своих национальных квартирах, овладевая ядерными и прочими технологиями массового истребления всего живого на планете и руководствуясь только своими национальными интересами и выстроенными под них же правовыми нормами⁴⁶. Как любая исключительность, политика идентичности приводит к неоднозначным последствиям: на межличностном уровне она воплощается в возведении коммуникативных барьеров, на законодательном — во введении ограничений на иммиграцию, гражданство и т. п. *Во-вторых*, как известно, в сфере международных отношений главенствует «принуждение со стороны безудержной силовой политики»⁴⁷, что приводит к плачевным результатам — доминированию, несправедливости и насилию. *В-третьих*, в настоящее время нет дефицита международных норм и конвенциональных установок, но их воздействие

на реальное поведение тех, кто принимает решения, минимально. Когда этические установки отсутствуют, право ослабевает, становится хрупким и уязвимым⁴⁸.

В подобных условиях от интеллектуалов требуется не только внимание к проявлениям глобализации как к питательной почве для рефлексии. Словами Ф. Дальмайра, «ничто другое не является столь же востребованным в нашем мире, как практический космополитизм»⁴⁹. Перед глобальными интеллектуалами стоит задача бросить вызов любой форме гегемонистского монолога, полагаться на коммуникации, взаимную интерпретацию и диалог, укреплять установки, благоприятствующие космополитическому сосуществованию и сотрудничеству, а именно — щедрости, гостеприимству, взаимности и стремлению к справедливости. Это укрепление включает крупномасштабные интеллектуальные усилия, направленные на устойчивую трансформацию узкого (национального, этнического или религиозного) эгоизма в стремление к общим интересам, или «общему благу» человеческого рода, — межкультурные программы образовательных и профессиональных обменов, мероприятия международных неправительственных организаций («Мировой социальный форум», «Диалог цивилизаций») и межправительственных институтов (ЮНЕСКО).

Таким образом, изучив интеллектуала в контексте современного международно-политического процесса, можно сделать ряд выводов. Современный интеллектуал, именуемый в исследовательских работах постмодернистским или глобальным, сочетает в себе как общие, свойственные интеллектуалам любой эпохи, так и специфические, обусловленные особенностями периода глобализации, характеристики. К общим характеристикам следует отнести автономность, публичность, высокий образовательный уровень, космополитическое мировоззрение и политический активизм. Что касается специфических характеристик, они предопределены пространственно-временными особенностями эпохи глобализации, бросившей вызов оседлости, укорененности и локальной скованности. Так, аудитория современного интеллектуала не очерчена территориальными границами или узкими рамками академического, профессионального, религиозного или любого другого сообщества. Его политические взгляды не ограничены интересами государства, гражданство которого он имеет, а отражают вовлеченность

в мировые проблемы и внешнеполитические вопросы, предлагая космополитическую альтернативу политике идентичности. Стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий обеспечило формирование глобальной интеллектуальной сети и распространение интернет-активизма как стимула расширения публичной сферы вне государственных границ.

Примечания

- ¹ *Фадеева Л. А.* Дискуссии об интеллектуалах в контексте политической истории Запада // Диалог со временем : альманах интеллектуальной истории. М., 2012. С. 111—112.
- ² Об этом подробнее см.: *Деррида Ж.* Глобализация, мир, космополитизм // Космополис. 2004. № 2 (8). С. 125—140 ; *Джеймисон Ф.* Постмодернизм, или культурная логика позднего капитализма // Современная литературная теория : антология. М., 2011 ; *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М., 2000 ; *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 1999 ; *Alberts D. S. & Papp D. S. (eds.).* The Information Age : an Anthology on Its Impact and Consequences. Washington, 1997 ; *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization : Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton, 1997.
- ³ *Усманов С. М.* Интеллигенция и интеллектуалы в современном мире: дискуссии о проблемах и тенденциях самоопределения // Интеллигенция и мир. 2014. № 4. С. 28.
- ⁴ *Каткова Ю. В.* Институционализация российской интеллигенции и ее соотношение со смежными группами // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, кн. 5, ч. 1. С. 13.
- ⁵ *Kurzban C. & Owens L.* The Sociology of Intellectuals // Annual Review of Sociology. 2002. № 28. P. 63.
- ⁶ *McLaughlin N.* The Global Public Intellectual, Academic Professions and the Intellectual Hero: Reflections on Edward Said // The Discourse of Sociological Practice. 2005. № 7 (1—2). P. 161—174.
- ⁷ *Лубский А. В.* Публичные интеллектуалы и политический цинизм // Политическая концептология. 2015. № 2. С. 204.
- ⁸ См.: *Шувалова М. В.* Интеллектуалы и дискурс власти как проблема западной философии второй половины XX — начала XXI века : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Тверь, 2012. С. 15.
- ⁹ *Хабермас Ю.* Публичное пространство и политическая публичность : биографические корни двух мыслительных мотивов // Между натурализмом и религией : философские статьи. М., 2011. С. 24—25.

- ¹⁰ *McLaughlin N.* Op. cit.
- ¹¹ См. подробнее: *The Leading Global Thinkers of 2015.* URL: <http://www.2015globalthinkers.foreignpolicy.com/> (дата обращения: 21.04.2016).
- ¹² *Борзова И. С.* Портрет современного белорусского оппозиционного интеллектуала // *Интеллигенция и мир.* 2014. № 4. С. 44.
- ¹³ *Said E. W.* *Representations of the Intellectual : the 1993 Reith lectures.* N. Y., 1996. P. 11—13.
- ¹⁴ *Блинов А. Н., Талагаева Д. А.* Научное сообщество как политический актер : роль международных научных объединений // *Полития.* 2014. № 1. С. 176.
- ¹⁵ См. подробнее: *Медушевский Н. А.* Аналитические центры в политическом процессе: американская модель «фабрик мысли» и ее функционирование за пределами США // *Полития.* 2010. № 1. С. 122.
- ¹⁶ *Кольчугина Ю. Ю.* Аналитические центры и эксперты как интеллектуальный ресурс в истории политических сетей в 2000-е годы // *Интеллигенция и мир.* 2015. № 1. С. 98.
- ¹⁷ *Руди А. Ш.* Роль научной интеллигенции в теоретическом моделировании мира // *Интеллигенция и мир.* 2014. № 4. С. 102.
- ¹⁸ *Jacoby R.* *The Last Intellectuals : American Culture in the Age of Academia.* N. Y., 2000. P. 7—8.
- ¹⁹ *Гимельштейн Я. Г.* Политические процессы локального уровня в условиях постмодерна (на примере ФРГ) : дис. ... канд. полит. наук. СПб., 2012. С. 59.
- ²⁰ См. подробнее: *Бек У.* Космополитическое общество и его враги // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2003. Т. 6, № 1. С. 24—53 ; *Гидденс Э.* Навстречу глобальному веку // *Отечественные записки.* 2002. № 6. С. 436—452 ; *Дьюи Дж.* Общество и его проблемы. М., 2002 ; *Зиммель Г.* Избранное. М., 1996. Т. 2. С. 301—465 ; *Кант И.* К вечному миру : философский проект // *Сочинения : в 8 т.* М., 1994. Т. 7 ; *Хабермас Ю.* Расколотый Запад. М., 2008.
- ²¹ См., напр.: *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. М., 2008. С. 30.
- ²² *Грамии А.* Тюремные тетради : в 3 ч. М., 1991. Ч. 1. С. 337—339.
- ²³ Там же. С. 339.
- ²⁴ *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. С. 62.
- ²⁵ *Said E. W.* Op. cit. P. 82—83.
- ²⁶ *Фуко М.* Интеллектуалы и власть : избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2002. С. 69.
- ²⁷ *Фадеева Л. А.* Интеллектуалы, интеллигенция: самоидентификация и политическая культура // *Человек. Сообщество. Управление.* 2006. № 4. С. 112.

- ²⁸ Тишков В. А. Новая политическая антропология // Журнал социологии и социальной антропологии. 2001. Т. 4, № 4. С. 74.
- ²⁹ Дарендорф Р. Гражданская ответственность интеллектуалов: против нового страха перед просвещением // Политические исследования. 1997. № 6. С. 5.
- ³⁰ Baud M. & Rutten R. (eds.). *Popular Intellectuals and Social Movements : Framing Protest in Asia, Africa, and Latin America*. Cambridge, 2004. P. 7—8.
- ³¹ Ракова М. С. Интеллигенция в информационном пространстве глобального мира // Интеллигенция и мир. 2015. № 3. С. 143—148.
- ³² Дальмайр Ф. Космополитизм: в поисках космоса // Политические исследования. 2012. № 5. С. 71.
- ³³ Гобозов И. А. Государство и национальная идентичность : глобализация или интернационализация? М., 2013. С. 153—154.
- ³⁴ Pels D. Privileged Nomads: on the Strangeness of Intellectuals and the Intellectuality of Strangers // *Theory, Culture & Society*. 1999. Vol. 16, № 1. P. 64.
- ³⁵ McLaughlin N. *Op. cit.*
- ³⁶ Said E. W. *Op. cit.* P. 109.
- ³⁷ Борзова И. С. Указ. соч. С. 44.
- ³⁸ Гэлбрейт Д. К. Новое индустриальное общество. Избранное. М., 2008. С. 243.
- ³⁹ McLaughlin N. *Op. cit.*
- ⁴⁰ Коллинз Р. Социология философий : глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск, 2002. С. 107, 516, 1025.
- ⁴¹ Berger P. L. Four Faces of Global Culture // *The National Interest*. 1997. № 49 (Fall). P. 2.
- ⁴² Chirico J. *Sociological Research Exercises for the Global Age*. Los Angeles, 2010. P. 46.
- ⁴³ Цит. по: Животовская И. Г. Международная миграция в условиях современной глобализации: динамика и социально-экономические последствия // Глобализация как фактор социальных перемен в современном мире : сб. обзоров и реф. М., 2012. С. 170—171.
- ⁴⁴ Rodgers J. *Spatializing International Politics : Analysing Activism on the Internet*. L., 2003. P. 45—46.
- ⁴⁵ *Ibid.* P. 137—138.
- ⁴⁶ Чумаков А. Н. О глобализации с объективной точки зрения // Век глобализации. 2014. № 2. С. 46.
- ⁴⁷ Дальмайр Ф. Указ. соч. С. 69.
- ⁴⁸ Там же. С. 72.
- ⁴⁹ Там же. С. 73.

АННОТАЦИИ

Балдин К. Е. Коллективный портрет земского учителя на рубеже XIX—XX веков (На примере Владимирской и Костромской губерний)

Ключевые понятия: педагогическая интеллигенция, земство, начальное образование, земские школы, духовенство, численность, состав, сословная принадлежность педагогов.

Исследуется самая многочисленная профессиональная группа земской интеллигенции — педагоги начальной школы. Анализируется динамика численности этой профессиональной группы в рассматриваемый период во Владимирской и Костромской губерниях, а также состав по полу, сословиям, стажу работы и семейному положению.

Бушueva Л. А. «Живое, важное время мы переживаем...»: общественные настроения казанской интеллигенции в годы Первой русской революции

Ключевые понятия: революция 1905—1907 гг., интеллигенция, настроения интеллигенции, студенческое движение, политические партии.

Рассматриваются общественные и политические настроения различных групп интеллигенции Казани в период революции 1905—1907 гг. Отмечено, что на начальном этапе революции наиболее ярко свои политические предпочтения демонстрировали преподаватели и учащиеся высших учебных заведений города. Прослеживается эволюция политических настроений казанской интеллигенции после объявления Манифеста 17 октября 1905 г., а также участие представителей этого слоя населения в деятельности политических организаций различных направлений.

Смирнова И. Н., Смирнова А. А. Особенности социального самочувствия провинциальной учительской интеллигенции в начале XXI века

Ключевые понятия: учительская интеллигенция, провинциальная интеллигенция, социальное самочувствие, профессиональное самочувствие, Ивановская область.

Предлагается авторская методика социологической диагностики. На основании данных социологического исследования делается вывод о противоречивом социальном и профессиональном самочувствии учителей Ивановской области. Рассчитаны частные и сводный индексы социального самочувствия учительства областного центра, малых городов и сельской местности. Подчеркивается необходимость его мониторинга.

Парамонова С. П. Мера интеллигентности студентов
(На примере исследования культурной информированности)

Ключевые понятия: интеллигентность, избирательность в литературе, паттерны в сфере музыкальной культуры, постсовременность и проектирование будущего.

Рассматриваются ценности избирательности молодого поколения в сфере литературы и аудиовизуальных средств. Делается вывод, что интересы студентов в сфере художественной культуры дают представление о картине «русского мира».

Евсеев В. А. Театрал эпохи Реставрации — С. Пипс

Ключевые понятия: С. Пипс, театр, инновации.

Статья посвящена Самюэлю Пипсу (1633—1703 гг.), широко образованному представителю среднего класса лондонского общества. Автор известных дневников эпохи Реставрации показывает изменения в театральном деле, в частности, отмечает изменения в архитектуре здания театра, новые эффекты театральной сцены, появление актрис, которые можно считать инновациями театра эпохи Реставрации.

Васильев Н. Н. Трансформация менталитета и жизнеспособность российской цивилизации

Ключевые понятия: российская цивилизация, нравственность, ментальные устои, интеллигенция, элита.

Прослеживаются направления трансформации российских ментальных устоев. Рассматриваются такие категории, как чувство национального достоинства, самоуважение — самонеуважение; готовность к борьбе, гражданская активность — безволие; религиозность — безбожие; общинность — индивидуализм; нестяжательство — алчность; справедливость — выгода. Делается вывод, что разложение цивилизационных основ начинается с элиты общества и примкнувших к ней различных групп.

Агеева Е. А. Западная интеллектуальная элита и феномен «роскошь»: социально-психологический аспект

Ключевые понятия: роскошь, потребление, система ценностей, метод научного исследования, социальный статус, психологическая детерминанта.

Анализируются исследования роскоши в западной научной традиции XVIII — начала XX в. Рассматриваются основные подходы к исследованию, эволюция представлений, ценностные ориентации мыслителей. Делается вывод о том, что взгляды интеллектуальной элиты объективно отражают цивилизационные особенности развития социума.

Тормошева В. С. Постмодернистский / глобальный интеллектual в международно-политическом процессе

Ключевые понятия: интеллектual, интеллектуальная сеть, постмодерн, глобализация, космополитизм, политический активизм.

Рассматривается понятие «интеллектual» в контексте современного международно-политического процесса. Выявлено, что постмодернистский, или глобальный, интеллектual сочетает в себе две группы характеристик: общие, свойственные интеллектуалам любой эпохи (автономность, публичность, высокий образовательный уровень, космополитическое мировоззрение и политический активизм), и специфические, обусловленные особенностями периода глобализации (интеракции с глобальной аудиторией, включенность в глобальную интеллектуальную сеть, внедрение космополитической повестки дня в политический дискурс, расширение публичной сферы за пределы территориальных границ через практику интернет-активизма).

Baldin K. E. A collective portrait of the zemsky teacher at the turn of the XIX—XX centuries (On the example of the Vladimir and Kostroma provinces)

Key notions: pedagogical intelligentsia, zemstvo, primary education, zemsky schools, clergy, number, structure, social class affiliation of teachers.

The article studies the most numerous professional group of the territorial intelligentsia — elementary school teachers. Analyzed is the dynamics of this professional group overall number during the period under consideration in the Vladimir and Kostroma provinces as well as the group structure taking into account the following factors: sex, social stratum, length of service and marital status.

Bushuyeva L. A. «It's dynamic, important times we have been going through...»: public sentiments of the Kazan intelligentsia in the years of the First Russian revolution

Key notions: revolution of 1905—1907, intelligentsia, moods of intelligentsia, student's movement, political parties.

The article considers public and political moods of various groups of the intellectuals of Kazan during the revolution of 1905—1907. It is noted that at the initial stage of the revolution the most strongly pronounced political preferences were expressed by teachers and students of higher educational institutions of the city. Traced is the evolution of political moods of the Kazan intelligentsia after the announcement of October 17, 1905 Manifesto as well as participation of representatives of this segment of the population in activities of different vector political organizations.

Smirnova I. N., Smirnova A. A. Features of provincial teachers' intelligentsia social well-being at the beginning of the 21st century

Key notions: teachers' intelligentsia, provincial intelligentsia, social well-being, professional health, Ivanovo region.

The article offers the author's technique of sociological diagnostics. The conclusion about contradictory social and professional well-being of teachers of the Ivanovo region is drawn on the basis of sociological research data. Calculated are the separate and total indexes of social well-being of the teachers of the regional center, the small towns and rural areas. The need for monitoring the situation is emphasized.

Paramonova S. P. The level of students' intelligence (On the example of the research on their knowledge of culture)

Key notions: intelligence, selectivity in literature, patterns in the sphere of musical culture, the postmodernity and designing of the future.

The article considers the values of selectivity of the younger generation in the sphere of literature and audiovisual means. The conclusion is drawn that interests of students in the sphere of art culture give an idea of «the Russian world» picture.

Evseev V. A. The theatergoer of the Restoration era — S. Pepys

Key notions: S. Pepys, theatre, innovations.

The article is devoted to Samuel Pepys (1633—1703), a well-educated representative of London society middle class. The author of the famous diaries of Restoration era shows changes in theatre business; in particular, he notes changes in the general architecture of the theater, new effects of a theatrical scene, appearance of actresses which can be considered as innovations of Restoration era theatre.

Vasilyev N. N. Transformation of mentality and viability of the Russian civilization

Key notions: Russian civilization, morality, mental foundations, intelligentsia, elite.

The article traces the directions of transformation of the Russian mental foundations. Considered are such categories as feeling of national dignity, self-respect — self-disrespect; readiness for fight, civil activity — lack of will; religiousness — godlessness; collegiality — individualism; not money-making — greed; justice — benefit. The conclusion is drawn that decomposition of civilization bases begins with elite of society and various groups which have joined it.

Ageeva E. A. Western intellectual elite and the phenomenon of «luxury»: social and psychological aspect

Key notions: luxury, consumption, value system, method of scientific research, social status, psychological determinant.

The article analyzes the researches of luxury in the western scientific tradition of the 18th — the beginning of the 20th century. Considered are the main approaches to research, evolution of concepts, system of values of thinkers. The conclusion is drawn that views of intellectual elite objectively reflect civilization features of society's development.

Tormosheva V. S. The post-modernist / global intellectual in international political process

Key notions: intellectual, intellectual network, postmodern, globalization, cosmopolitanism, political activism.

The article shows the concept «intellectual» in the context of modern international political process. It is revealed that post-modernist, or global, intellectual combines two groups of characteristics: general, peculiar to intellectuals of any era (autonomy, publicity, high educational level, cosmopolitan outlook and political activism), and specific, caused by features of the globalization period (interaction with global audience, involvement in a global intellectual network, implementation of the cosmopolitan agenda in a political discourse, expansion of the public sphere beyond the limits of territorial borders through Internet activism practice).

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству ведущих специалистов и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. С 2010 года наш журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по историческим, философским и политическим наукам. Материалы журнала размещены в Научной электронной библиотеке (e-library.ru) и Восточно-европейской электронной библиотеке (www.ceeol.com)

Мы будем рады видеть на страницах журнала «Интеллигенция и мир» Ваши публикации по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на дискете стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** (объемом 10—15 строк), **ключевые слова; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В выходных сведениях обязательно указание издательства и количества страниц, в ссылке на электронный ресурс — даты обращения.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать фамилию, имя, отчество автора, полный почтовый адрес, телефон, ученую степень, звание, должность и место работы, контактную информацию (e-mail или телефон). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР
Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук

2016 № 3

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редактор *М. Б. Балябина*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Н. Г. Юркина, Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет 19.09.2016 г.
Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.
Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 7,0. Тираж 100 экз.
Заказ № 198. Цена свободная

Адрес редакции (издателя): 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
Факс: (4932) 32-66-00 E-mail: vs_memetov@mail.ru

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru